ИСКУССТВО КИНО

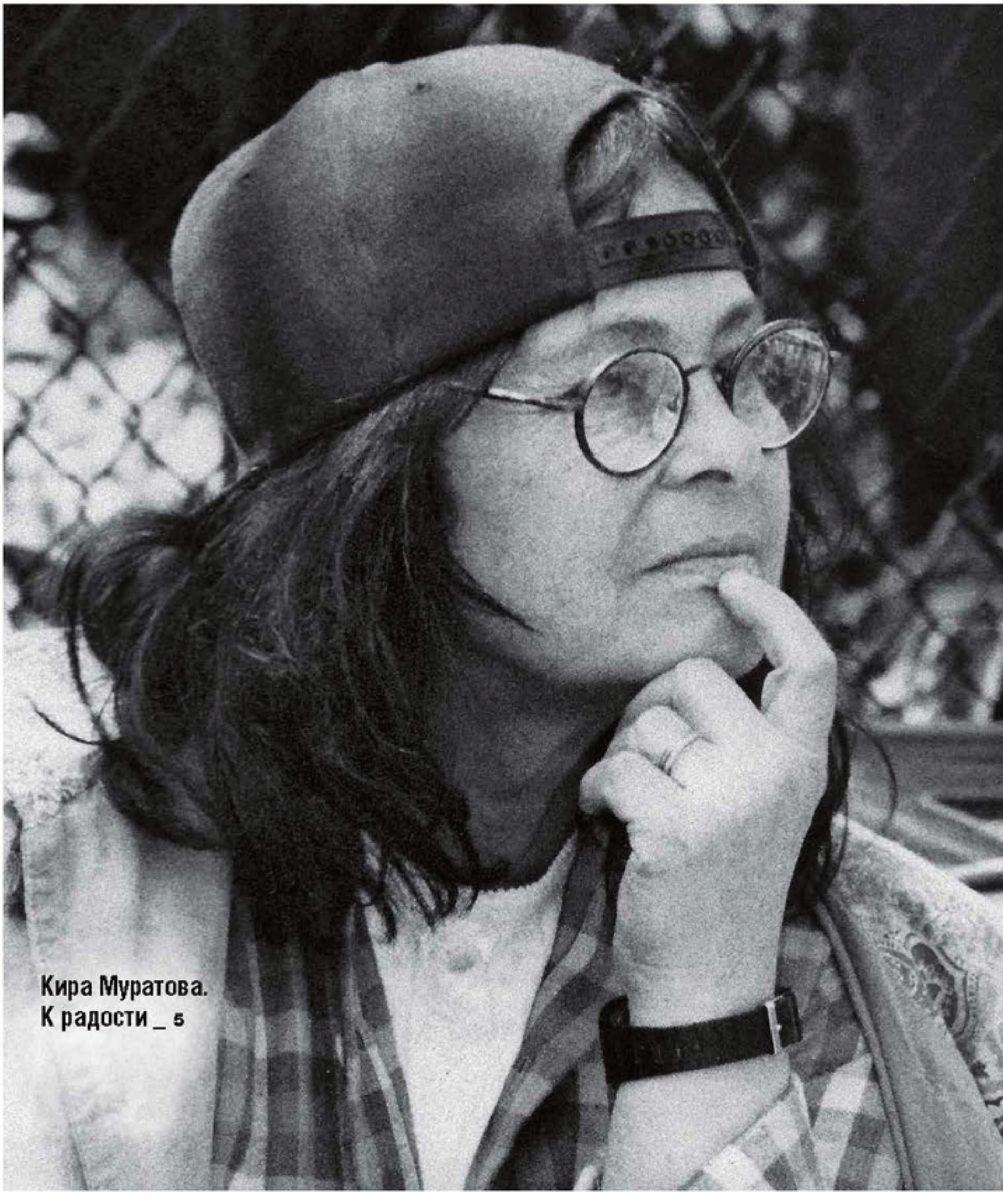
12

№12 ДЕКАБРЬ 2014 www.kinoart.ru

МАСТЕРСКАЯ НАТАЛЬИ РЯЗАНЦЕВОЙ _ 21

«ГЕНИЙ МЕСТА»: СЕМИНАР КИНОДРАМАТУРГИИ _ 80

ЮРИЙ АРАБОВ. ОХОТА НА БИЗОНОВ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ _ 121



Кира Муратова.
К радости _ 5

Последний номер года посвящен драматургии. В 2014-м актуальность темы подтверждают и решения жюри многих фестивалей, отметивших самые острые, самые значительные наши фильмы призами за лучший сценарий: среди их авторов – Звягинцев и Негин, Быков, Мульменко.

Однако в начало номера мы поставили рубрику «Имена», поскольку самым актуальным нам показалось желание наших ведущих мастеров признаться в любви Кире Георгиевне Муратовой: юбилей выдающегося режиссера стал поводом для коротких эссе, в которых товарищи по цеху говорят о герое своих «увлечений».

В рубрике «Опыт» мы представляем первые работы студентов сценарной мастерской Натальи Рязанцевой и участников творческого семинара Александра Родионова. Путей входа в профессию сегодня гораздо больше, чем раньше, — об этом рассказывают драматурги, активно работающие и для кино, и для театра, и для телевидения. Их наблюдения обобщает Кристина Матвиенко.

С зарубежными вариантами обретения профессии и дальнейшего «трудоустройства» сценаристов также знакомят материалы «Опыта».

В «Чтении» – сценарий Юрия Арабова «Охота на бизонов в Северной Африке», навеянный вампиловской «Утиной охотой».

ИМЕНА

5 **КИРА МУРАТОВА. К РАДОСТИ**

ОПЫТ

21 **МАСТЕРСКАЯ НАТАЛЬИ РЯЗАНЦЕВОЙ**

СЕМЕЙНЫЕ ЛЕГЕНДЫ

22 НАТАЛЬЯ РЯЗАНЦЕВА
КОТЫ ТОЖЕ ПЛАЧУТ

27 АНАСТАСИЯ БОБЫЛЕВА
ВЕЩИЙ СОН

КАК Я ПРОВЕЛ ЭТИМ ЛЕТОМ

35 АННА КУЗЬМИНЫХ
«ОТЧЕГО ТЫ СТОИШЬ ВДАЛИ?»

СЦЕНАРИЙ. ПРОБА ПЕРА

46 АРКАДИЙ ШУМАРИН
БРИТИШ ГРЕНАДИР

ПУБЛИКАЦИИ

57 ОЛЕГ ЗИНЦОВ
ТРИ ФОТОГРАФИИ

РАЗБОРЫ

65 КРИСТИНА МАТВИЕНКО
НОВЫЕ ДРАМАТУРГИ ДЛЯ «НОВОЙ ДРАМЫ»
М.Разбежкина, Л.Мульменко, Е.Казачков,
М.Дурненков, Л.Шмельков,
О.Богаев, В.Шергин, М.Курочкин

ОПЫТ

80 **АЛЕКСАНДР РОДИОНОВ. СВОЙ РАКУРС**
Семинар по кинодраматургии в Южно-Сахалинске

ПЕРВЫЕ ЗАДАНИЯ

82 МАРИЯ ТУМАШОВА
ХОЧУ РАССКАЗАТЬ ВАМ ИСТОРИЮ

87 ОЛЕСЯ БОНДАРЕНКО
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ БЕЗВЫХОДНЫХ СИТУАЦИЙ

95 АНТОН КУДРЯВЦЕВ
ДЕНЬ, КОГДА Я НЕ ЗНАЛ, ЧТО УВОЛЮСЬ
Проба пера: слушатели семинара Александра Родионова «Гений места» (Южно-Сахалинск)

ОПЫТ

107 АННА ПРИЙДАК
СТАТЬ СЦЕНАРИСТОМ В ЕВРОПЕ
Кинообразование в Нидерландах и Великобритании

114 АДАМ СТЕРНБЕРГ
СЦЕНАРИСТЫ И СЦЕНАРИИ
О профессии от первого лица

ЧТЕНИЕ

121 ЮРИЙ АРАБОВ
ОХОТА НА БИЗОНОВ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ
Сценарий

164 СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ИСКУССТВО КИНО» ЗА 2014 ГОД

174 SUMMARY

КИРА МУРАТОВА. К РАДОСТИ

Юбилей — совсем не подходящее слово для Киры Муратовой. Ее кино чем дальше, тем все больше молодеет. По телевизору показывают исключительно ранние муратовские картины. А позднейшие там не увидишь. Потому что они еще свободнее, необыкновеннее самых первых. Так бывает у несравненных — неустанных — авангардистов.

Редакция «Искусства кино» и режиссеры поздравляют Киру Георгиевну с днем рождения.

Вадим Абдрашитов

Одно из сильнейших моих кинематографических впечатлений — «Долгие проводы», давний закрытый просмотр на Одесской студии уже не принятой начальством картины Киры Муратовой.

Фильм ошеломил. Особой, мощной выразительностью кинематографического языка, переполненностью сложнейших эмоциональных потоков человеческого существования на экране. И какой-то предельной гуманистичностью, может, максимальной среди работ автора. И конечно, своей принципиальной особенностью, непохожестью ни на что.

Для меня это один из фундаментальных фильмов мирового кинематографа. Высший уровень кинорежиссуры, когда словами невозможно описать происходящее на экране и объяснить, почему до боли и радости так сильно на тебя это действует. Невозможно словами описать сцену знакомства героя-подростка с девочкой-красавицей на даче… Непонятно до сих пор, как играет свою героиню Зинаида Шарко… Нельзя объяснить, почему так мощно звучит гениальный финал картины.

←
Кира Муратова

Только в настоящем произведении так: все слова знаешь наизусть, сто раз их повторял, ничего нового для тебя не звучит, но все равно строки стихотворения действуют, волнуют! И в кино: видишь, понимаешь, как это сделано, написано, снято, сыграно, смонтировано, – и все равно комок в горле...

Все фильмы Муратовой были событиями нашего кино, культуры да и вообще нашей жизни. Это и есть явление Художника. Поблагодарим Киру Муратову, ожидая от нее новых откровений. ◆

Николай Досталь

Есть ранний Пикассо, есть ранняя Ахматова... и есть ранняя Муратова... суть в контексте. ◆

Андрей Звягинцев

«Долгие проводы», «Короткие встречи», «Астенический синдром»... Кира Муратова празднует свой юбилей, а я перебираю в памяти свои впечатления от фильмов, которые она создала, и сердце радуется, что в огромном мире, среди тысячи других имен есть такой не похожий ни на кого, удивительный, самобытный художник, как она. Кира Георгиевна, спасибо Вам за эту радость. ◆

Александр Зельдович

Хичкок где-то сказал, что режиссеру нельзя научиться делать как надо, можно лишь научиться не делать как не надо. И на это уходит жизнь.

Кино – искусство пошлое. Когда оно для «широкого зрителя», оно пошлое – само выражение «широкий зритель» пошлое и по-русски безграмотное. Когда оно «фестивальное», оно тоже по определению пошлое, слово «фестивальное» звучит непристойно. Так же, как и слово «артхаус».

За последние двадцать–тридцать лет наш лексикон обогатился этими дегенеративными дефинициями, и автор вынужден блуждать между ними, как в раскисшей глине между лужами.

Искусство Киры Муратовой агрессивно по отношению к этой слякоти. Она пытается как-то парить над ней, не запачкать обуви. У нее это каждый раз получается. Это уже художественный трюк и человеческое, житейское мастерство. Пролететь и не вляпаться.

При этом она способна наполнять это парение часто веским (в смысле – весомости) содержанием. За свою жизнь она сняла несколько шедевров – кому за жизнь удается снять их несколько? Какие-то картины я смотреть не мог – мне не хватало удивления; а какие-то удивляют меня всю жизнь. Панорама по комнате из «Коротких встреч» под музыку Каравайчука – что может быть проще панорамы по комнате без людей? – обои, занавески, буфет. Она до сих пор производит на меня впечатление. Муратовой пришло в голову – и получилось показать, – что за поверхностью обычных вещей прячется бездна: не

Евгений Голубенко. Портрет Киры Муратовой

плохая, не хорошая, а просто бездна без качеств, над- и недочеловеческая. И все ее фильмы потом – об этом.

Последняя картина называется «Вечное возвращение». Я спросил Киру, имела ли она в виду Ницше или это случайное созвучие. Она удивленно ответила, что да, естественно, имела в виду «Вечное возвращение тождественного». Дурной круг повторений, который смалывает уникальность человеческого опыта и человеческого вообще.

Примечательно, что два классика большого советского (или антисоветского) кино сняли ницшеанские фильмы. Я имею в виду «Трудно быть богом» и «Вечное возвращение» (если честно, я «Жертвоприношение» записал бы сюда же). Русский XX век, пропущенный через послевоенные биографии, привел к тотальному разочарованию и художественной мизантропии, классической русской культуре, ранее чуждой. Для публичной мизантропии в России нужна большая смелость – интеллигентская традиция априорной любви к человечеству «вообще и в целом» труднопреодолима.

Кире мужества не занимать – у нее его хватит на страну и еще останется.

Лирические поэты часто умирают рано – с окончанием песни. Большие режиссеры, на наше счастье, прожившие долгие жизни, этой жизнью зарабатывают право на разочарование. Разочарование – не путать с унынием – это труднодостижимая духовная ступень, более трудная, чем надежда и вера. Но с него многое начинается. +

Виталий Манский

1985 год. Горбачев уже заступил, но конец еще не виден. Я на летней практике на Одесской киностудии. И чтобы с максимальной пользой провести бесполезное время, прошу о возможности посмотреть на экране «Долгие проводы». Так случилось, что не видел раньше. «Рублева» и «Жил певчий дрозд» – раз двадцать, а «Проводы» ни разу... Устраиваюсь поудобней, почему-то закрывшись изнутри. Загорается экран маленького зала, и кто-то царапается в дверь. Открываю. Маленькая женщина – тихим голосом: «Простите, можно я тоже посмотрю?» Фильм потрясает. Легкость, свобода, воздух и радикальная документальность. Да что это я. Просто великая картина! Поэтому, когда гаснет экран, сижу ошарашенный, не двигаюсь. Через паузу понимаю, что женщина тоже сидит молча. Сидит в первом ряду, то есть ко мне спиной. Длительность паузы не помню, но все так же спиной ко мне она говорит: «Спасибо. Очень хотела посмотреть, но никто уже очень давно не вызывал этот фильм на экран». Бросив мимолетный взгляд на меня, уходит. Это была Муратова...

1985 год. До конца уже близко, но мало кто об этом догадывается. Государство финансирует духоподъемное кино. Станислав Говорухин, истинное лицо Одесской киностудии, весь в белом, как мы теперь знаем, страдает от притеснения жидобандеровцев. А Киру Муратову – из жалости – держат редактором. Украинская ССР совсем скоро во всем мире будет ассоциироваться со словом «Чернобыль». А в столице СССР проходит Фестиваль молодежи и студентов... Проводы были недолгими. ◆

Анна Меликян

Бывают режиссеры очень талантливые, бывают спокойно талантливые, бывают и те, кому лучше не снимать кино и не загрязнять информационное пространство, а бывают такие редкие явления, которые и режиссерами не назовешь, им нужно придумать какое-то другое слово, потому что режиссеров много, а таких мало. Таких, кто умеет придумывать отдельный, несуществующий мир, в котором тебе все знакомо и в существование которого ты, не задумываясь, веришь. Мир с придурковатыми трагическими чудиками, повторяющими все по два раза, мир блаженных, печальных, ущербных, мудрых, диких и страстных людей. Мир Киры Муратовой. Я не знаю другого режиссера, чтобы вот так – произносишь фамилию, и сразу встает перед глазами образ совершенно особенного, единственного мира – мира только этого художника. Иногда бывает – видят явление или ситуацию и говорят: «Ну, это просто Хармс какой-то», еще говорят: «Ну, это Кафка просто». Так все чаще в последнее время, экономя слова, описывают сегодняшнюю ситуацию в стране. Одно слово – «Кафка» – все объясняет. А еще, бывает, говорят: «Ну, это просто Муратова». И не надо долго объяснять, что ты хотел сказать, – все понятно. Есть Образ. Есть Мир. Мир Киры Муратовой.

И она такая одна. Уникальная! ◆

Владимир Мирзоев

Считать Киру Муратову авангардистом удобно и приятно, поскольку сегодня в отечественном кино практически нет авангарда. Но, боюсь, это – досадное недоразумение. К.М. не эстет, она безжалостный антрополог. Искусство как тема или тотем ее совершенно не занимает.

В этом смысле К.М. подхватила традицию Достоевского, но не как потрепанное в боях боевое знамя (на уровне деклараций и надувания духовных щек), а как высокую болезнь, как психотический дискурс.

В ее фильмах за любым порогом любого дома – бездна, как в романах Достоевского. Человеку в глаза, в принципе, лучше не смотреть, а если смотришь дольше трех секунд – голова начинает кружиться и муть подкатывает. Правда, у Ф.М. в этой бездне – иногда Бог, иногда черт, как повезет. У Киры Муратовой – только черт.

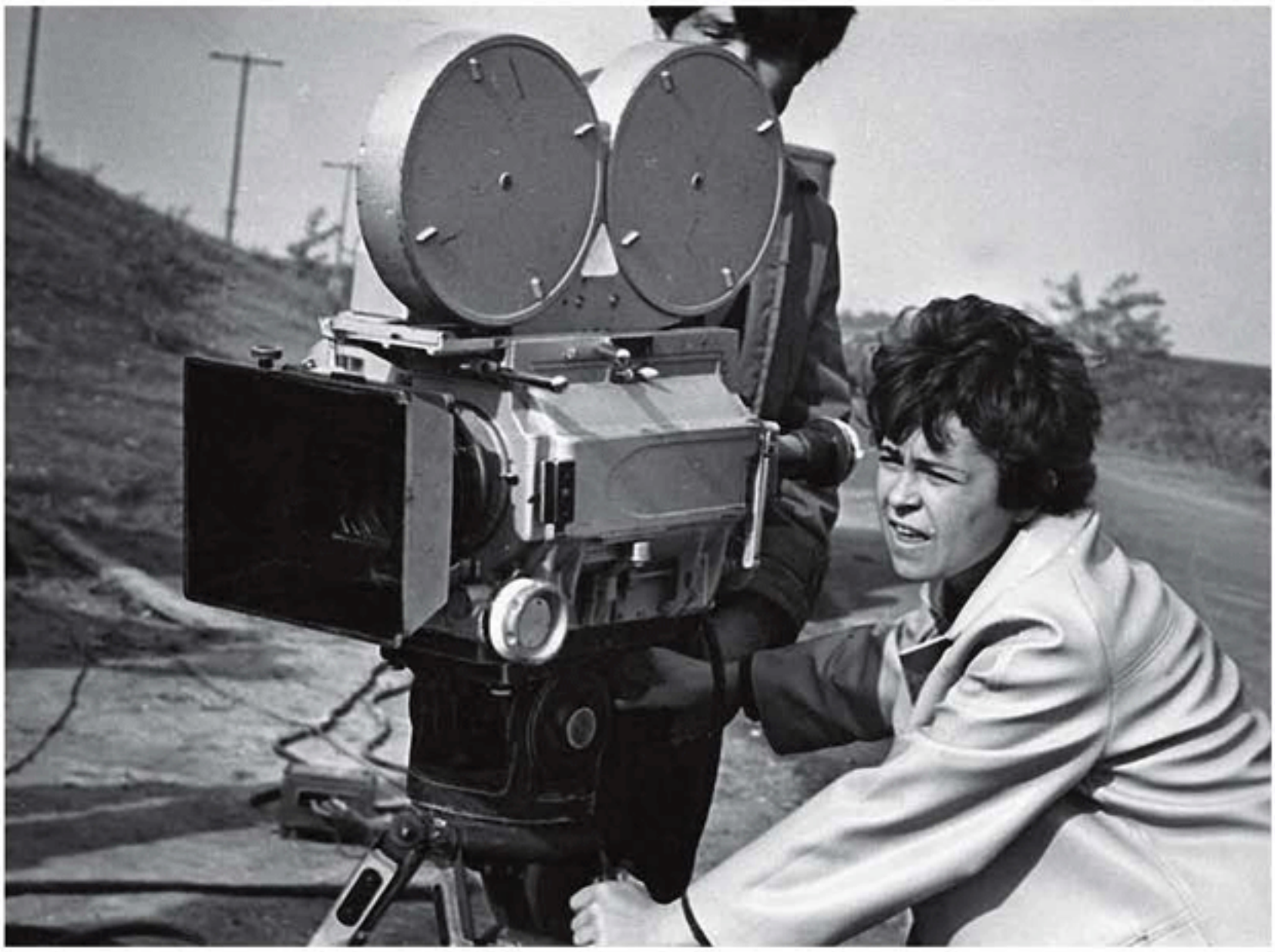
Еще одна ассоциация – Андрей Платонов. Автор, чья проза отлита из чистого советского золота. Тексты стратегического назначения – чтобы в космос летать. Муратова похожа на Платонова, потому что смотрит сквозь дымовую завесу любви и братства и прочих (слишком неловких) человеческих чувств, смотрит насквозь, навылет, оставляя в сознании дымящуюся рану.

Муратова имеет неутолимый вкус к абсурду – это общий знаменатель ее поколения, заставшего сталинизм и его чудесное превращение в «тараканище». Но у К.М. абсурд опять же не эстетского свойства («играйте, ради всего святого, а то перебьете друг друга дубинами») – это абсурд линии Гоголь – Достоевский – Чехов. Ключом абсурда открывается не только великая путаница, живая душа индивида, им открывается коллективная Психея, матрица, душа общества.

Социальные типы очень естественно живут перед ее камерой – в начале пути, а потом – «комната смеха» и кунсткамера. Советское общество, как волшебный горшок из сказки Гофмана, – из него лезет несъедобная пластиковая каша, лезет и лезет абсурд, и нет ему конца и края. Для авторов упомянутой выше линии материал неисчерпаемый.

Без Бога и любовь легко превращается в постыдное недоразумение. По этой тропинке Муратова идет значительно дальше Чехова, минуя «слишком человеческий», сентиментальный пессимизм. У Чехова – стоя на краю экзистенциальной пропасти, герои говорят параллельно, неразборчиво, но все-таки больше смотрят друг другу в глаза, чем в пропасть. Для К.М. это неловкая позиция – режиссер прыгает в эту пропасть, как будто там, внизу, нежное южное море, а не геенна огненная. Летит вниз ласточкой и на лету не без иронии комментирует – и то, что цепляет глаз, и свои непривычные ощущения.

Рената Литвинова – это три в одном: литературный персонаж, который ходит среди обычных людей, как Нос у Гоголя, – то есть насквозь и по касательной; но ведь и социальный тип тоже – прима-актриса погорелого театра; но и автор (аватар автора), у которого теплый, размятый во сне материал, так сказать, под рукой, под одеждой. Как они питаются друг другом? Почему они ненасытные, как будто вечные?



Любому режиссеру (на завтрак, обед и ужин) нужен актер, играющий роль анимуса или анимы – уж как кому повезет. Муратова после Высоцкого искала только аниму – женскую сторону своей души, – мужчины навсегда превратились в смешной объект нелепого, пошлого мира.

Прохладная реакция завзятых пошляков (широкой аудитории) на черный юмор Муратовой тоже понятна. У нас любят невинный гротеск без инфернальных отблесков на лицах героев (Гайдай, Рязанов). Для (пост)советской аудитории Муратова слишком «антигуманна», ее оптика не способствует бегству от реальности в уютный мир комедии, где члены большой семьи дружно хохочут, а потом переключаются на «Комеди Клаб». Через волшебное зеркало К.М. попадаешь прямиком в преисподнюю или на пустынный берег моря, где прибой меланхолично играет обломками кораблекрушения, садится прекрасное вечное солнце, варвары, не обращая на него внимания, ковыряются в грудах влажного мусора. ◆

Алексей Попогребский

Для меня Кира Георгиевна Муратова – это целая вселенная, местами страшная, местами чрезвычайно трогательная, такая же как наша жизнь, только совершенно другая. Когда смотришь фильмы Муратовой, первые секунды кажется: не может быть, это не наш мир, не наша планета, не люди, а какие-то пришельцы, но через считанные минуты, если не секунды, этот мир тебя затягивает и ты понимаешь, что жизнь устроена именно так – и именно так люди говорят, смотрят, ходят. Я в этом убедился, когда на каком-то фестивале в немецком городке оказался с ней рядом, буквально через какую-то перегородку. Я кого-то ждал, а Кира Георгиевна разговаривала с каким-то критиком, и по тому, как она говорила, по мелодике ее речи я провалился во вселенную ее фильмов. Тогда же я понял, что, несмотря на их кажущуюся сюрреалистичность, они совершенно реалистичны. Это был тот самый мир, который ее окружает и который она создает.

Для меня один из главных фильмов о любви – и не только родительской – это «Долгие проводы». Фильм, который трогает меня до глубины души. При этом я не могу и даже не пытаюсь трактовать героев, я просто им верю, и они меня захватывают. «Астенический синдром», «Настройщик»… Каждая из этих картин настолько пропитана своим автором, что, где там заканчивается кино, а где начинается реальность под названием Муратова, никогда не поймешь.

Я счастлив, что знаком с фильмами Муратовой, и знаком с ними с довольно юных лет. Для меня это один из главных режиссеров…

И какое огромное счастье, что Кира Георгиевна здорова и продолжает снимать. Дай бог, чтобы хотя бы половина такой творческой и жизненной силы была у кого-то из нашего поколения. В это верится с трудом, но зато есть к чему стремиться. Мы Вас очень любим и ценим, говорю и за себя, и за многих людей, кого я знаю. ◆

Светлана Проскурина

Осень. Вечер. Город, где я живу, называется Ленинград, и люди еще имеют привычку и охоту ходить в кино.

На экране блондинка: не очень молодая, с тягучим голосом, суетливая, ни на кого не похожая, несообразная какая-то, при этом лично мне не чужая. После ее финальных метаний и бесконечных возвращений нечем дышать. Что это было? Актриса? Разве кино может быть таким?

Так я узнала Киру Муратову и ее «Долгие проводы», превратившиеся в «короткие встречи», потому что я стала жадно ждать всякую новую ее картину, ловила любую подробность о ней... И каждая картина оставалась со мной полнотой отдельности или какой-нибудь незабываемой подробностью, которая оживала внутри, когда захочет: как, например, пустое место от апельсина, взятого на прощание Надей – Руслановой. Эту «нетость» ничем невозможно заполнить.

Кира. Кира Георгиевна не сделала ни одной проходной, невнятной, не своей картины. Интонации ее героев узнаешь – даже спиной к экрану. Любой кадр – самобытен, своеобразен и неизъясним.

Такая воля быть, такое уважение к «белому свету» во всем, что она делает.

Еще лично для меня важно и поучительно, как эта хрупкая, очень собранная и закрытая женщина умеет держать удар и демонстрировать особенную выдержку.

Однажды в Одессе я шла по улице и увидела на другой стороне Муратову – вместо пальто на ней был стеганый азиатский халат. Присутствие беды считывалось сразу – по тому, как она шла, по каменному отчаянию лица... но сколько в этой женщине было силы, какой-то чистой бедности и художественной безусловности.

Спасибо Вам, Кира Георгиевна, за урок достойного проживания своей участи, спасибо за щедрость дара, за последовательность и верность себе.

Спасибо, что Вы нам показали: это возможно. Спасибо, что я могу так любить мало знакомого мне человека. ◆

Али Хамраев

С кем только я не снимался!.. А вот с Кирой Муратовой у меня нет ни одной фотографии... Часто видел ее во ВГИКе вместе с белобрысым Сашей Муратовым, оба были ладные, симпатичные, вели себя скромно. Сначала думал, они брат и сестра, потом узнал, что живут вместе и Кира носит фамилию мужа. В коридорах института шептались, что сама она из Румынии. Ну и что?.. Мой однокурсник искрометный Эмиль Лотяну был из Молдавии, а на самом деле он – румын. Для меня всегда эти национальные дела, как говорится, были до лампочки. Папа мой таджик, мама украинка, по паспорту я узбек, лучшие друзья в ташкентском переулке детства – это татары, евреи, армяне, русские. В те времена мы почему-то спокойно относились к болгарам и румынам,

DE KIRA MOURATOVA
CHASSE AUX PAPILLONS
AR IOSSELIANI
RIOMP
DE RUSSIE A
POESIE
EATRE
Théâtre n
19 AVRIL
ANDRE V
THEATRE MALY DE

завидовали только полякам с операторского Ежи Гостику и Бруно Барановскому, их стильным брюкам в трубочку, виртуозному танцу твист и ярким майкам с английскими буквами.

Кира мне понравилась сразу: какая-то тайна в глазах, нежное лицо, мягкий голос. Она училась у самих Сергея Герасимова и Тамары Макаровой и поэтому мне казалась очень серьезной и непростой. А когда удалось в середине 60-х на каком-то подпольном просмотре увидеть «Короткие встречи», я был потрясен: Кира, оказывается, обладает невиданным талантом и магнетизмом. Я слышал про сложности со сдачей этого фильма, узнал, что напечатали только пять копий для проката в огромной стране. Нам с Одельшой Агишевым в те годы тоже пришлось выдержать тяжелую борьбу за наших «Белых, белых аистов», и я с особым вниманием начал следить за судьбой Киры Муратовой – режиссера, пришедшего в далеко не женскую, тяжелую профессию.

Мы виделись с Кирой на различных конференциях, семинарах, пленумах кинематографистов, она работала в Одессе, я – в Ташкенте. В начале 70-х что-то не заладилось на «Узбекфильме» у режиссера Эдуарда Хачатурова с фильмом по очень своеобразному сценарию-притче Тимура Зульфикарова. История о детстве поэта Востока была написана примерно так: «На глиняных, глиняных, очень глиняных крышах лежали белые, белые, белые снеги...» Дирекция студии не поверила молодому режиссеру и попросила меня взяться за эту сложную постановку. Поэтика сценария требовала оригинального изобразительного решения. Художник у меня для этого имелся в лице талантливого Эммонуэля Калантарова, а оператора надо было искать. Звоню в Москву Рустаму Хамдамову:

– Рустамчик, мне нужен оператор-гений!.. Помоги, друг...

– Говорят, в Одессе появился такой... По фамилии Клименко... Позвони Кире Муратовой...

Навсегда я запомнил телефонный разговор с «Куряжом», общагой при Одесской киностудии:

– Кира, здравствуй!.. Это Алик Хамраев из Ташкента!..

– Здравствуй, Алик Хамраев из Ташкента!.. Слушаю тебя...

– Мне нужен гениальный оператор!.. Рустам Хамдамов сказал, что ты знаешь Юру Клименко...

– Да, я знаю Клименко, он очень способный мальчик...

– Дай мне его телефон, пожалуйста!..

– Не дам, Алик... У Клименко ужасный характер, упрямый до жути...

– Меня это не пугает, Кира!..

– И он еще часто болеет...

– И это не страшно, буду лечить его!.. Выручай, Кирочка!..

– Сейчас я его позову к телефону...

Так я на десятки лет приобрел замечательного друга и великолепного оператора Юрия Викторовича Клименко. Через несколько лет,

когда я совсем запутался в бесконечных поправках руководства по фильму «Триптих», когда из-за отсутствия в нем оптимизма пришлось при помощи начального титра действие переносить из 1976 года в 1966-й, потом в 1956-й и наконец в 1946-й, я в панике сначала пригласил из Одессы монтажера Муратовой виртуозную и душевную Валентину Олейник, а затем умолил прилететь в Ташкент и саму Киру...

Какие это были удивительные дни и ночи в монтажных комнатах на втором этаже!.. Во время обеденного перерыва мы ели плов недалеко от «Узбекфильма». За мостом находились чайхана и магазинчик с вином, мы любовно называли это место «Мостфильм», здесь киношники избавлялись от стресса. А вечером нам в монтажную приносили шашлык, самсу, лепешки, фрукты, зеленый чай, ночью мы с Клименко валялись на матрасах, брошенных на пол, а девчонки во главе с неутомимой Кирой крутили, резали, кромсали километры целлулоида, среди ночи будили нас, показывали сложенную сцену, мы спорили, Кира злилась, потом хохотала, пила кофе и снова садилась за монтажный стол. А мы с Юрой Клименко валились на матрасы, потому что утром предстояло доснимать кадры, в которых будут звучать удивительные монологи и письма, сочиненные Кирой Муратовой. Один отрывок до сих пор у меня в ушах...

«О женщина Востока, как часто мы были к тебе несправедливы... Ты давно открыла лицо, но сними чадру с сердца, говорим мы тебе. Подойди сюда, разговаривай с нами на равных, я твой друг, а не господин твой. И ты не раба... Сними покрывало с души, вот твои глаза, вот твоя улыбка – все это прекрасно!.. Разве не видишь ты, что мужчины сели за стол?.. Мужчины голодны, пойди и приготовь еду. Пойди сюда, предлагаем мы, насытившись... Да ты не бойся, без страха садись рядом, поговорим с тобой как два равных человека. О, мы мечтатели, мы хотели бы видеть тебя нежной и таинственной, окутанной прозрачными шелками, и одновременно нам хочется, чтобы ты была товарищем в наших играх... И поэтому подойди без страха, ты так невинна, какое сонное выражение, какой покой!.. Неужели все это только защитная маска, созданная вековым рабством?..»

Когда мы с Кирой завершили монтаж «Триптиха», снова был плов в чайхане, а потом в комнате группы администратор подошел к гостье из Одессы с бумажкой и деньгами:

– Кира Георгиевна, пожалуйста, получите и вот здесь распишитесь...

– Это что такое?.. Деньги?.. Уберите немедленно!..

– Кира, ты их заработала... – говорю я сквозь зубы, но твердо.

– Не возьму!.. – голос у нее сорвался. – Ты меня кормил пловом, возил по горам, показал Самарканд!.. Я помочь к тебе приехала, а не деньги зарабатывать!..

Я взял из рук администратора деньги, подошел к урне и сказал:

– Не возьмешь?.. Тогда я их порву и выброшу в мусор!..

– Ты с ума сошел!..

Кира выхватила у меня пачку, и потом мы в гостинице пили шампанское...

А мы действительно в тот раз успели съездить в горы. Никогда не забуду, как Кира долго и молча смотрела на горы, на облака, слушала ветер, шумевший в высоких орешнях. Здесь плов я приготовил сам, хвастался, что мой плов ели Антониони и Бондарчук, Чухрай и Тарковский. Потом рассказывал разные байки, Кира заливалась смехом, заглушая горный ручей, мы говорили о жизни, вспоминали книги, говорили обо всем, только не о кино. Им мы были сыты по горло... Потом Кира фотографировалась с белым осликом, ласково обняв его за шею. Она тихо сказала ему:

– Я тебя очень люблю...

Кира думала, что никто ее не слышит.

В 1980 году мы с Юрой Клименко и Кирой Муратовой победили с нашим «Триптихом» на кинофестивале в итальянском городе с поэтичным названием Сан-Ремо. Я с фильмом оказался там благодаря великому Сергею Герасимову. Он специально прилетел в Ташкент во главе комиссии в составе Тамары Макаровой, Станислава Ростоцкого, Григория Марьямова. Они посмотрели запрещенный фильм, Сергей Аполлинариевич надел пиджак с тремя Сталинскими премиями, с одной Ленинской, со Звездой Героя Социалистического Труда, поехал в ЦК компартии Узбекистана и сказал руководству: «В мире сегодня 120 международных кинофестивалей, и нам нечего посылать. Мы с Хамраевым подумаем, как доснять оптимистический финал...» Вот какой учитель был у Киры Муратовой!..

Говорят и пишут, что у Киры был юбилей, что ей много лет, что она не хочет больше снимать кино. Я не верю этому, и вы, прошу вас всех, не верьте. Кира еще будет снимать, она моложе многих молодых. Только вот чуть отдохнет. И главное: если надо будет мой фильм или меня защитить от злых и трусливых начальников, кто поставит свою подпись рядом с подписью Сергея Параджанова, Андрея Тарковского, Алеши Германа, Ролана Быкова, Евгения Григорьева?..

Женя Голубенко, преданный спутник Киры, много лет назад подарил мне свою картину, где по небу летят юные создания. Там я вижу и Киру Муратову, и самого Женю, и многих моих друзей... Разве в КИНО можно не быть молодым и сильным?..

У меня есть фотографии, на которых я снят с Куросавой и с Феллини, с Параджановым и с Тарковским... А вот с Кирой у меня нет ни одной фотографии. Придется поехать в Одессу и приготовить плов... ◆

Николай Хомерики

Кира Муратова – один из самых важных режиссеров из ныне живущих. По крайней мере, на всем постсоветском пространстве. Ну вот как сказать, чтобы не пафосно было? Очень мало кто может похвастаться изобретением киноязыка. Оригинальной свежести конструкции ее кадра может позавидовать любой режиссер, в том числе молодого поколения. Муратова – из тех авторов, которые доказывают, что молодость не имеет отношения к возрасту. ✦

Есть у нас хорошая традиция: на первом курсе сценарного факультета пишем «Семейные легенды». Расспрашиваем бабушек, дедушек, родителей и записываем в вольной литературной форме. Читаем вслух. Для знакомства — чтобы однокурсники знали, от кого чего ждать, какие давать советы.

В прошлом, 2013 году был жестокий конкурс как для абитуриентов, так и для нас, преподавателей и сотрудников. Все наши впечатления, интуитивные прогнозы следовало перевести в сухие цифры — по пятибалльной системе, потом по десятибалльной, прибавить стобалльный ЕГЭ... Заполнить десяток ведомостей.

За этими полночными вычислениями одно лезет в голову: не родился еще гений, что придумает единицу измерения — чего? — одаренности, упорства, честолюбия, любви — к чему? — к чистому листу бумаги или к кино?

А вот уже и год пролетел, наши счастливчики бакалавры (очники) освоились во ВГИКе, начали писать сценарии, и мастерская наша поредела. Не все способны пройти строгую школу кинодраматургии. После каникул появились еще и дорожные дневники — «Как я провел этим летом», типичное вгиковское задание. Некоторые из них хотелось бы представить в журнале.

К «Семейным легендам» я прибавила рассказ из своей жизни, поскольку написала его именно в тот день, когда студенты порадовали своими «легендами».

Наталья Рязанцева

Наталья Рязанцева

КОТЫ ТОЖЕ ПЛАЧУТ

В те годы, голодные, послевоенные, все посылали друг другу посылки. Родственникам, друзьям, к праздникам, к дням рождения и просто так: у кого оказывался лишний килограмм сахара или банка тушенки, вспоминали про своих – братьев, сестер, племянников – и ждали оказии, чтобы передать посылочку с верным человеком, иногда и просто с проводником.

И вот – помню – мама быстро-быстро собирает посылку. Потому что – оказия! Надо приехать на Курский вокзал, к такому-то поезду, такой-то вагон, там некий сослуживец нашего дяди Вани едет прямо до Дзауджикау. Уже и не вспомнить: этот город – Владикавказ – не раз переименовывали, назывался он Орджоникидзе, потом Дзауджикау или наоборот… В общем, Северная Осетия. А нашего дядю Ваню перебросили туда недавно и еще не прикрепили к положенному ему снабжению. И двое иждивенцев – жена и маленькая Леночка, которую они удочерили во время войны. Сахар-то им всегда нужен – там фрукты.

Мама достала большую коробку из толстого картона – из-под американских подарков, были такие коробки с черными буквами по бокам, не русскими, американскими какими-то буквами, уложила туда мешочки с рисом, сахаром, какие-то консервы, коробочку конфет, и там еще осталось место. «А давай, – говорит мама, – твоего кота в сапогах Леночке пошлем, он почти как новый, ты все равно его забросила». Я говорю – конечно, давай! Мне было ничуть не жалко кота, я была уже пионерка. Мы завернули кота в какую-то тряпочку, я написала несколько поздравительных слов еще не знакомый кузине Леночке, а бабушка все поглядывала на часы, она вызвалась отвезти посылку к поезду. Я заметила, что ей жалко расставаться с нашим котом. Кот-то был необыкновенный, английский. Очень красивый кот в сапогах.

Бабушка работала переводчицей в газете «Британский союзник». У англичан был хороший обычай – к Рождеству дарить подарки всем русским сотрудникам, от переводчиков до уборщиц, а у кого из них были дети или внуки – те получали в придачу к одежде и обуви еще и игрушки и красивые книжки с картинками. Я часто ездила с бабушкой на Воздвиженку в знаменитый Морозовский дом, однажды на елке прочла там стишок по-английски, и умиленные англичане лично мне подарили зеленоглазого кота в сапогах. Но начиналась «холодная война», у нас – кампания против «безродных космополитов», и бабушка вынуждена была уволиться из редакции. Иначе отцу, то есть ее сыну, грозили неприятности на работе. «Мы знаем, что ваша мать общается с иностранцами». Такой вот вежливый террор. Вскоре «Британский

союзник» вообще закрыли, все эти добрые англичане были объявлены шпионами. Но это я узнала много позже.

А тогда коробку перевязали какими-то веревками, бабушка сказала: «Нет, не тяжело, я с удовольствием прогуляюсь» – и отправилась на вокзал. На метро, с пересадкой. Тогда еще не было «кольца», оно только строилось. Стало быть, от нашей «Комсомольской» нужно доехать до «Охотного ряда», там перейти на «Площадь Революции», а там уже по Измайловской ветке… А на Курском такие крутые лестницы…

Я помню, что в тот вечер отец вернулся с работы не поздно. Позвонил, чтобы ужин стоял на столе. Это была редкая радость. В те годы ответственные работники Министерства путей сообщения оставались в своих кабинетах до полуночи, а то и до двух часов, пока Сталин не спит в Кремле. Вдруг «хозяин» захочет с кем-нибудь поговорить? Он, как известно, был полуночник. «Сова», как сейчас бы сказали. Я тоже была «сова». А мама у нас «жаворонок», но, чертыхаясь и засыпая на ходу, подавала ужин трижды. Младшего брата надо накормить и загнать в постель, потом меня – «я еще есть не хочу, уроки делаю, честное пионерское!», – потом уж бабушка приходила греметь кастрюльками, иногда она дожидалась отца. Но мама тоже не спала, вскакивала в халате к своему рабочему месту.

А в тот вечер получился у нас общий ужин, долгий ужин, с расспросами отца – какие нам задачки задали и почему я не хочу быть санитаркой, хотя меня и выбрали на такую почетную должность. И вот сидим мы за этой мирной беседой, а родители уже поглядывают на часы. Бабушки-то нет. А пора бы ей вернуться. Поезд с Курского давно ушел. Но может, она не полезла в метро, ждет троллейбуса или вообще пошла пешком, она ведь любит прогуляться. Бабушка у нас закаленная, худощавого телосложения, по утрам обливается холодной водой и никого не боится. Это мне не разрешается ходить к вокзалам, где инвалиды пьяные матерятся и цыганки пристают – «дай погадаю», но я все равно хожу, куда хочу – туда и хожу, а хожу я – куда не разрешают.

И вдруг звон ключей за дверью, отец кидается открывать. И стоит там моя бабушка Наталия Сергеевна, какой я ее никогда не видела. Вся в слезах, берет съехал набок, волосы – полуседые – торчат из-под берета, а в руках разъехавшаяся коробка с английскими буквами. Скинула берет, жакет, машет рукой, ничего не говорит. «Что случилось?» Только хлюпает носом. Я никогда не видела бабушку плачущей. Мама тащит за ней лекарства, идут в ванную. Папа укладывает ее на диван, укрывает пледом, а ее трясет, знобит, и ни слова она вымолвить не может. Постепенно, по словечку вытянули из нее, что случилось.

Где-то в метро бабушку приняли за шпионку. Молодая милиционерша обратила внимание на коробку с иностранными буквами и сказала: «Гражданка, пройдемте». И вынула свисток. «Я к поезду опаздываю, это посылка», – умоляла бабушка. «А вот мы сейчас посмотрим», – сказала барышня с флажком, свистнула для острастки и передала бабушку с рук на руки двум теткам в милицейских формах. Отделение милиции

было там же, под землей. С милицией шутки плохи. Тетки распотрошили иностранную коробку, и одна уселась «произвести опись». Наивная моя бабушка – сразу видно, что «из бывших», – обещала им, что привезет паспорт, вот только дайте посылку отвезти, но ее усадили на табуретку и стали высыпать из мешочков крупу и сахарный песок. На газетку, перещупывая каждое зернышко. Что они там искали? О наркотиках в те времена и слухов не было. Видимо, шифровку, военную тайну на папиросной бумажке. Начиналась всенародная кампания «за бдительность». Шпиономания.

Что тетки говорили – бабушка не слушала. За ее спиной грохотали поезда, а между ними в отделение заглядывала веселая дежурная по платформе, та, что проявила бдительность. Бабушка сидела окаменевшая, оглохшая и не говорила ни слова, чтобы не заплакать при них. Они развернули кота и стали им любоваться. И мех у него настоящий, и сапоги кожаные, у нас таких не делают. Кот явно был иностранец, но бабушка не отвечала на вопросы о его происхождении из «Британского союзника». Одна из теток взяла ножницы, нащупала шов на животе у кота – «а мы аккуратненько, можно зашить потом».

Мы стали смеяться, утешали бабушку как могли, она тоже пыталась улыбнуться, но не могла, только губа дергалась. «Но все же хорошо кончилось!» – «Надо было им оставить посылку и бежать!» «Надо было им сразу сказать, где твой сын работает!» – сообразила мама. Наталия Сергеевна только слабо отмахивалась, а руки у нее были красные, навсегда обмороженные. «Надо было позвонить в МПС или самому Самодурову!» Действительно, к тому времени отец уже был генералом третьего ранга, лауреатом Сталинской премии и знал всех начальников метрополитена и их жен, они все вместе отдыхали в Гаграх. Но бабушке даже в голову не пришло напугать этих теток высокими связями.

У кота внутри оказались какие-то ошметки ваты и канвы. Теткам самим стало жалко красавца кота. В этот момент появился мужик, крупный и горластый, может, начальник станции. «Что у вас тут?» Тетки стали оправдываться и лебезить перед ним. Он велел им не мучиться дурью, все сложить как было и отпустить пожилого человека. Кое-как сложили. Веревки куда-то пропали. Бабушка взяла коробку в охапку, села в первый же поезд и поехала наугад, не понимая, в какую сторону и зачем она едет.

Я думаю, ее тяжелые болезни – инсульты, паралич – начались именно в тот вечер. Речь стала затрудненной, она больше не порывалась учить меня английскому и часто плакала ни с того ни с сего, беззвучно. А когда гостям рассказывали смешную историю, как бабушку приняли за шпионку, и показывали английского кота с распоротым брюхом, она силилась улыбнуться, но не могла. А не смеялась она никогда, не помню, чтобы она смеялась. И не помню, в каком возрасте я осознала длинный список ее потерь. Она привыкла «не раскисать».

Когда потеряли имение – дивный парк, созданный бабушкиным отцом, потом квартиру в Москве, квартиру отца в Петрограде, потом

КУРСКИЙ ВОКЗАЛ

и любимого мужа, и всех друзей – кто эмигрировал, кто в местах не столь отдаленных, а она осталась – фактически нищей, «бомжихой», как теперь это называется, с большой голодной семьей – двумя сыновьями десяти и семи лет, старой матерью, передвигавшейся на костылях, и старой, толстой преданной нянькой, тетей Полей. Их я видела только на фотографиях, хранившихся в большом кованом сундуке. Там же и дневники ее в толстых черных тетрадках, последние записи – осенью 41-го года. Я прочла их через много-много лет после смерти Наталии Сергеевны.

В аккуратных записях не было ни слез, ни жалоб, ни горьких сожалений об утраченном. А ведь была у бабушки во второй половине жизни еще одна долгая любовь – к агроному Нахимову, они даже построили квартиры по соседству, в том деревянном двухэтажном доме, где мне посчастливилось родиться, покупали саженцы, оплетали террасы диким виноградом. Но Нахимова посадили за то, что он Нахимов, и вернулся он совсем разрушенным, инвалидом, и бабушка ездила навещать его в какие-то пригородные больницы, возила гостинцы и подбадривала. А тут вдруг и сына ее старшего, дядю Митю, выслали под Томск, в Колпашево, и долго про него ничего не знали. И грянула война, уже и Москву бомбили, и даже нашу уютную Лосинку. В огороде вырыли «щель», рядом – самодельный пруд. Чтобы тушить зажигалки. Отобрали радиоприемник, оставалась только черная тарелка. И сирена. «Граждане, воздушная тревога…» Затемнение. Мне не было трех лет, но я прекрасно помню, как мне нравилось, что можно не спать, спрятаться в холодную яму, а когда фрицы улетят, бабушка будет мне читать стихи Пушкина и Некрасова, пока не догорят в печке все поленья.

…Как же было непривычно и странно, что бабушка тоже умеет плакать! Из-за какого-то кота в сапогах, из-за каких-то глупых милиционерш, никогда не читавших «Британский союзник», никогда не видавших настоящих английских котов. ◆

Анастасия Бобылева

ВЕЩИЙ СОН

Как познакомились мои родители

Ей было двадцать три, ему тридцать семь. Она – хрупкая и кудрявая, с огромными голубыми глазами. Выпускница экономического техникума, отличница. Он – статный грозный офицер, за плечами афганская война, химический университет, неудачный брак, двое детей. У нее за плечами разноцветный рюкзачок.

Была у папы толстенная зеленая тетрадь, куда он с утра вечно что-то торопливо записывал неразборчивым почерком. Лежала она на прикроватной тумбочке в их с мамой спальне. Лет с двадцати папа записывал туда все свои сны. Сны ему снились удивительные: готовые идеи для сценариев.

– Папа, – говорю я как-то, – папа, как вы с мамой познакомились?

Папа долго молчит, потом глупо улыбается. Достает зеленую тетрадь, листает странички, наконец находит и читает, спотыкаясь через слово в попытках разобрать потускневшие буквы.

– Сегодня я проснулся от невероятной жажды и сухости во рту. Странно, вчера вроде не пил. Оглядываюсь – я в тропиках, вокруг джунгли, птицы поют. Иду по песчаной тропинке, путаясь в зарослях высокой травы. Жажда невероятная. Впереди колодец, а рядом девушка. Маленькая такая, наклонилась так, что видно грязные босые пятки, и что-то тянет из мрачного нутра колодца. Чувственный изгиб спины, длинные кудрявые волосы, в которых золотится луч солнца. Не оглядываясь, девушка вытаскивает огромный кувшин, ставит себе на голову и удаляется в недра джунглей. «Красавица! – кричу я ей. – Красавица, дай водой напиться!» Девушка оборачивается – на губах едва заметная улыбка, глаза большие, голубые. Протягивает кувшин. Пью, не отрывая глаз от девушки. Молчит, улыбается. «Где же такие красавицы водятся?» – спрашиваю, ухмыляясь. «На далеком

севере», – тихо отвечает девушка. «Я тебя найду, слышишь, обязательно найду. Как тебя зовут?» – «Илона». Девушка забирает кувшин, ставит на голову и уходит. Долго смотрю ей вслед, потом просыпаюсь.

Папа заканчивает читать и загадочно смотрит на меня. Я отвечаю таким же загадочным взглядом.

– А что потом?

– А потом, спустя три года, я приехал в Норильск навестить свою сестру Веру. И в гостях увидел твою маму. Правдой сон-то был.

Мой храбрый и безрассудный отец

Дело происходило во время афганской войны. Папу призвали как-то глупо и непонятно, он вообще не любил об этом рассказывать. Папа был красивым, невыносимо красивым, отлично пел, танцевал, играл на гитаре, кадрил молоденьких женщин и умел водить автомобили. Жаль, но на войне певцы, танцоры и казановы не очень востребованы. Поэтому папе поручили разъезжать на военной машине, развозя боеприпасы и прочие военные штуки в разные части.

Однажды вечером, когда папа, выразительно размахивая руками и ногами, читал стихи Есенина глупо хихикающей медсестре, к нему подошел серьезный мужчина и сказал, мол, Сашка, хватит страдать глупостями, собирайся, поедешь. Папа сильно расстроился, потому что медсестра нравилась ему больше, чем ездить. Медсестра нахмурилась, она ведь не считала себя «глупостью».

Папа нарядился, прошелся гребешком по русым волосам, обворожительно ухмыльнулся своему отражению и запрыгнул в грузовичок. И поехал. По дороге как-то даже неожиданно для себя заблудился. Когда он это понял, было довольно поздно. За окном темнота, ночь, огни вдалеке. Но папа был безрассудным: он решил, что карта местности – это для слабаков, поэтому лишь сильнее надавил на педаль и поехал по проселочной дороге в надежде сократить путь.

Папа открыл боковое окошко и закурил. Вдалеке послышались громкие хлопки, затем звуки перестрелки. Папа нахмурился. Выстрелы звучали как-то неприлично близко, они нервировали отца. Он приподнял брови, мельком глянул в зеркальце заднего вида, с ухмылкой оценил себя и нажал на кнопку магнитолы. Зазвучала веселенькая музыка, песня какого-то русского певца. Вдалеке продолжалась перестрелка. «Наверное, учебные работы», – подумал папа и выглянул из окошка.

– Так держать, парни! Давай-давай! – задорно прокричал он в темноту.

Кажется, ему что-то ответили, но папа не расслышал. Он сделал музыку громче, и выстрелы утонули в задорном припеве. Внезапно раздался грохот. Папа удивленно обернулся. Кажется, кто-то случайно попал в грузовик пулей.

– Эй, мужики! – выкрикнул папа из окна. – Вы чего творите, мужики! Я вам тут не хухры-мухры везу, сейчас все взорвется!

Однако «мужики» не услышали. Выстрелы продолжились. Папа нахмурился и сильнее надавил на педаль. Машина глухо взвизгнула и в ускоренном темпе повезла отца от перестрелки. По машине прекратили стрелять.

Папа вновь глянул в зеркальце, ухмыльнулся в стиле Джеймса Бонда: мол, молодец я, справился.

Часа в три ночи отец наконец приехал в свою военную часть. Глядя на взволнованных солдат, вытаскивавших груз, папа закурил, прислонившись к дверце машины.

– Что-то наши совсем с ума посходили, – недовольно пожаловался он солдатам. – Представляете, стрелять начали. Я им кричу, мол, мужики, что вы делаете, груз-то опасный, взорвется! А они не слышат.

– Саня, ты как ехал? – дрогнувшим голосом спросил молодой офицер, прижимая деревянную коробку.

– Да черт его знает, как-то ехал. Свернул километра через четыре от нашей части, а там по проселочной дороге. Ближе ведь, чё мы так раньше не ездили?

Папин вопрос остался без ответа, офицеры молча переглянулись.

– Бобыль, ты так больше не езди. Там уже не наша территория. Скажи спасибо, что жив остался. Не езди так больше.

Как тетя Вера поплатилась за свою красоту

Без ложной скромности скажу, что Бобылевы всегда отличались незаурядной красотой, чувством юмора и харизмой. Тетя Вера была молода, аппетитна, черноброва, с копной пушистых русых волос и с задорным блеском ярко-зеленых глаз. Ходила в джинсовом комбинезоне, громко смеялась, кусала полные влажные губы до крови, здоровый алый румянец не сходил с ее щек.

Она работала вожатой, ее обожали дети, а все дееспособные мужчины волочились за ней, домогаясь чести провести хотя бы две минуты наедине. Вера не знала грусти, не знала рамок приличия, чувствовала себя раскованно в любой компании и обожала давать надежду самым безнадежным поклонникам.

Однажды в свой выходной, вечером, когда солнце лениво катилось в розоватый закат, она возвращалась с моря: мокрые волосы беспорядочно распластались по загорелым плечам, лисьи глаза светились беспричинным девичьим счастьем. Вера куталась в большое махровое полотенце, лямки купальника упрямо манили голодные мужские взгляды.

Вера шла по полю, мурлыча что-то себе под нос. На горизонте виднелся табун разномастных лошадей – они громко ржали, стучали копытами и всячески привлекали Верино внимание.

– Какие у вас красивые лошадки, – улыбнувшись, крикнула Вера в спину молодому цыгану.

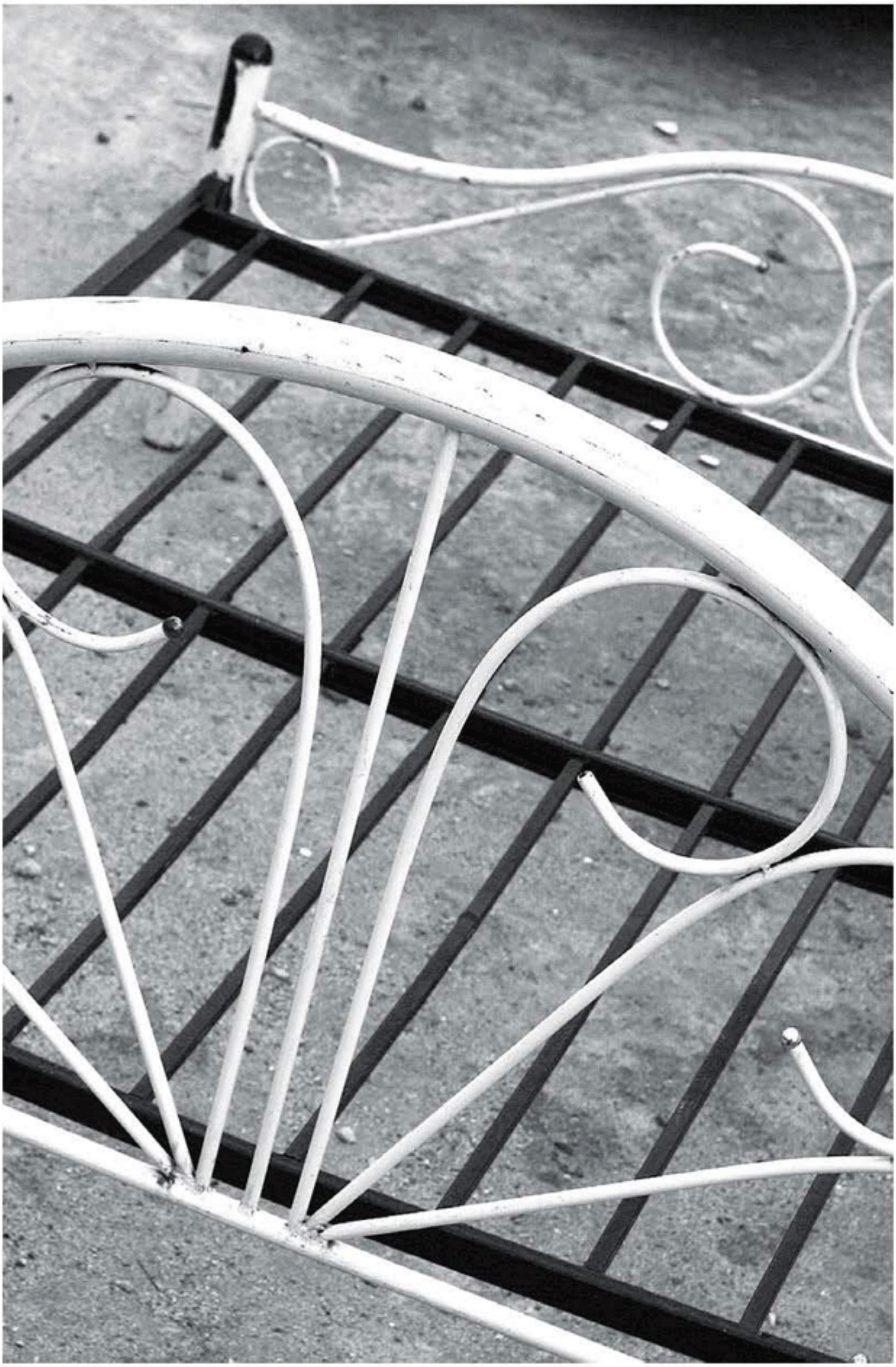
Парень обернулся и на несколько секунд лишился дара речи. Смуглая кожа, короткие черные волосы, красная рубаха. Он держал коня за поводья.

– Можно погладить? – спросила Вера, перекладывая пакет с одеждой в другую руку. – Чудо как хороша! А зовут как?

– Риджан… – еле вымолвил цыган, не сводя глаз с Веры.

Риджан угрюмо перебирал копытами, слюнявил трензель, размахивал хвостом в отчаянных попытках прогнать слепней с крупа.

– Вот, – цыган закопошился в карманах потрепанных брюк. – Вот, можно… можно сахарком угостить.



Он на дрожащей грязной ладони протянул завалявшиеся кусочки серого рафинада.

Вера, как-то совсем по-женски попискивая, кормила Риджана с рук, беззаботно поглядывала на цыгана, а потом так же беззаботно закивала головой на приглашение остаться в таборе на вечер, посидеть возле костра и попеть песни.

Петь песни Бобылевы очень любят. Когда-то давно была у нашей семьи традиция: собирались Бобылевы (дедушкина линия) и Корнеевы (бабушкина) за огромным столом на заднем дворе большого дома и начинали соревноваться: кто кого перепоет. Потом соревнование переходило в стадию «кто кого перепьет», но это уже другая история.

Костер тихонько трещал, искрился. Вера пела под гитару, заправляла пушистые пряди волос за ухо, обворожительно улыбалась каждому.

Милош, а именно так звали цыгана, не сводил с девушки глаз. После, усадив пьяненькую Веру на Риджана, довез до ворот лагеря и там, стоя в душной темноте под кроной березы, ласково спросил:

– Сколько ты стоишь?

Вера заливисто рассмеялась и ответила, что она бесценна. Махнула на прощание веточкой душистой сирени и скрылась за оградой.

Милош стал частым гостем на территории лагеря: безвозмездно чинил розетки, прибивал полочки, дарил Вере цветы, учил ее кататься на лошадях, звал на ночные купания и каждый раз на прощание спрашивал незыблемое: «Сколько ты стоишь?»

Однажды в очередной ночной заход на море подхватил ее и затащил далеко-далеко от берега, за самые буйки, на лунную серебристую дорожку. Вера кокетливо верещала и брыкалась, а потом поймала не на шутку серьезный взгляд Милоша и замолчала. Так они и молчали: Милош, стоя по грудь в воде на песке, а Вера – затерявшись где-то в его руках.

А потом Милош поцеловал ее.

Вера не могла заснуть. Ворочалась, думала. Блуждала невидящим взглядом по белому потолку. Знобило.

На следующий день Милош не пришел. Не появился он и через неделю. Смена в лагере близилась к концу. Вера страдала. Потом заболела. Сердце терзалось, и было не ясно, что болит больше: душа или горло.

Той ночью спалось неспокойно. В лагере бесновались пионеры – Королевская ночь все же. Вожатые тоже бесновались – кричали песни, танцевали под магнитофон, пили в коридорах корпуса и дурачились. Вере ничего не хотелось, хотелось только спать.

Проснулась от громкого хлопка, спросонья едва приподнялась с пуховой подушки и закричала. Рот ей заткнули тут же, руки скрутили, а потом наступила темнота и дышать стало нечем – на голову надели мешок, пахнущий сырой землей.

Вера слышала, что говорят на другом языке, говорят бегло, уверенно, сосредоточенно. Узнала и голос Милоша, что по звукам крутился где-то рядом, кому-то командовал и вел себя довольно истерично.

Вера пыталась вырваться, но получалось плохо – мужские руки крепко ее сжимали. Потом ладони перевязали веревкой, закинули девушку на плечо.

Во дворе Веру взвалили животом на седло, позади сел Милош. Он упрямо, нервным шепотом повторял:

– Верочка, все будет хорошо, ты только не бойся.

Пропажу всеми любимой вожатой заметили только утром. Был дикий скандал, привлекли и милицию, и местных жителей. Пионеры с утра и до ночи разыскивали Веру по лесам и оврагам, уже даже не надеясь найти ее живой.

Через два дня цыгане объявились сами: предлагали обменять Веру если не на деньги, то хотя бы на пару коров. Заместитель директора лагеря, Леонид, не одобрил такого положения дел и обошелся простым избиением. Веру вернули. А потом, спустя несколько лет, Вера вышла за него замуж и очень гордилась историей о своем похищении, правда, всегда умалчивала о выкупе.

Самоубийство

Однажды прабабушка Дуся решила повеситься. Произошло это как-то внезапно. Как обычно, она сидела за деревянным столом, штопала детские носки, на кухне вскипал чайник. Ее муж, прадед Костя, пришел с работы пьяным и прямо с порога, замахав кулаком, заявил:

– Хрен тебе, а не получка!

Заявил и упал на койку. И захрапел. Дуся засуетилась: совсем по-бабьи начала причитать, побежала стягивать с деда сапоги. Он брыкался, ругался и в конце концов зарядил жене ногой по животу. Тут Дусино терпение лопнуло: она зарыдала и, как была босиком, побежала в сарай.

В сарае она нашла веревку и хотела было придушить деда, но вдруг перекрестилась, поняв, что задумала грех.

Тогда она закинула веревку на перекладину, где обычно дед Костя любил демонстрировать ловкость и гибкость своего тела, затянула потуже и, приподнявшись на носочках, просунула голову в петлю. Просунула и замерла.

Во дворе послышалось хлюпкое шлепанье. Дуся решила, что это дед Костя осознал все свои ошибки и идет каяться. Она приняла очень скорбное выражение лица, уперла руки в боки и принялась ждать.

В сарай протиснулось румяное личико Жени, восьмилетнего сына Дуси. Он жевал бублик.

– Мамунь, ты чой-то?

– Ничего, Женчик, иди домой, – Дуся замахала на него рукой.

– Там батя спит, – безмятежно заявил Женя.

– А Лида где? – интересовалась Дуся, не вылезая из петли.

– Лида гуляет.

– Ну иди, тоже погуляй.

– Мамунь, – Женя шагнул за порог сарая, – ты чой-то, вешаться собралась? Мамунь, ты чой-то?

– Ты матери не указывай! – внезапно рявкнула Дуся.

Женя изменился в лице, половинка бублика упала на дощатый пол. Дуся тут же зашлась в истошных рыданиях.

– Шалопай, – тянула она, захлебываясь в слезах, – ты как с едой обращаешься?

Потом Дуся вылезла из петли, достала ремень и, плача, отхлестала ни в чем не повинного Женю за упавший бублик.

Моя большая финская семья

Мою прабабушку звали Херттой, и родом она была из далекой Финляндии.

Женя

Деда Женю я никогда не видела. Я не знаю, когда он родился, кем работал, и, кажется, об этом никто из нашей семьи не знает. Как-то на Рождество упросили его сестры присоединиться к гаданиям. Женя ходил кругами вокруг стола, посмеивался над «девичьими глупостями», курил в форточку и наконец сдался. Грубо плюхнулся на стул, закрыл ладонями глаза и сказал:

– Гадай, Райка, гадай!

Рая принялась азартно тасовать карты. Разложила.

– Тут смерть выпала, Жень…

Женя громко засмеялся, шумно встал из-за стола, сказал, что сестры его дуры, а на следующий день умер.

Однажды он спас свою семью. Дело было в военное время. Стремительно наступали немцы. Из пригорода Петрозаводска по Онежскому озеру эвакуировали людей. Дуся и ее дети, Женя и Лида, сильно спешили на паром. Муж Костя был на фронте, и он не то чтобы усиленно сражался за родину, рискуя собственной жизнью. Костя был не пригоден к службе, поэтому состоял в агитбригаде, где задорно играл на губной гармошке и танцевал, поддерживая дух Красной Армии. И хоть я никогда в своей жизни не видела деда Костю, но именно этот момент в его жизни заставляет меня чувствовать какое-то душевное родство с ним. Это настолько вписывается во всю судьбу нашей семьи, в мою собственную жизнь: Бобылевы – Киселевы просто рождены для песен и танцев даже в военное время.

Женя путался в собственных ногах, падал, канючил, клянчил у матери какие-то глупости и как будто бы совсем ничего не соображал. Вдобавок был сильно болен: нажрался снегу и подхватил ангину. Чтобы попасть на паром, требовалось пройти медкомиссию – вспышка эпидемии в тылу никому не была нужна. Дуся, русская бабища, была здорова, как бык, Лида также не отставала. А вот Женю забраковали. Не поедешь, говорят, зачем ты там больной нужен. Выздоравливайте, потом приходите.

Дуся стояла на берегу в обнимку с дочерью, Женя грустил неподалеку. Стыдно было ему, пятилетнему, за все свои глупости, за сожратый снег, за то, что лишил семью последней надежды. Сидя в драном тулупе, Женя буквально ненавидел себя и свое чертово горло, он разгневанно кидал снежки в сторону уплывающего парома.

Паром был уже едва виден на линии горизонта, когда раздалось шумное, застилающее слух, гудение. В небе показались самолеты, они были достаточно далеко от города, но звук был силен настолько, что казалось, летят они прямо над стоящими на берегу людьми.

Дуся от ужаса не могла сдвинуться с места: она впервые собственными глазами видела войну. И никакого инстинкта самосохранения.

Падали снаряды. Озеро и стоящий на том берегу город бомбили. А Дуся стояла на берегу. Женя кидал снежки. Последний замерзший комочек снега приземлился на лед и тут же послышался очередной взрыв. Паром, на который они не попали, задымился и стремительно пошел ко дну.

Мама и художественные изыски

В моей горячо любимой маме, в этой хрупкой большеглазой женщине в разноцветном сари, никто и никогда не узнает самого настоящего капитана милиции, служившего на зоне и производившего двадцать четыре выстрела из двадцати пяти. Во мне тоже тяжело узнать человека, быстрее всех в районе собирающего и разбирающего автомат Калашникова. Когда я победила, мама впервые расплакалась от умиления и все время повторяла: «Гены не пропьешь».

В молодые годы мама совершала спортивные пробежки вокруг тюрьмы, ежедневно ходила на стрельбу, дома в шкафу посреди вечерних платьев висела форма цвета хаки, хранился чемоданчик на случай «военной атаки», противогаз и прочие штуки.

Мама часто посещала заключенных, выстроивших наш родной город Норильск. Зэки разных степеней тяжести преступлений томились в душных камерах. Так мама познакомилась с Художником. Сначала он предложил набить ей татуировку орла на всю спину, но мама почему-то отказалась. Тогда Художник написал ей картину: огромные заснеженные верхушки гор, у подножия сочный зеленый лес и маленький изогнувшийся ручеек. Маме понравилось, и она повесила картину в прихожей. Тогда Художник написал маме любовное письмо. Маме понравилось, и она положила письмо в коробочку с ценными фотографиями. Тогда Художник нарвал у тюрьмы цветов и торжественно вручил их маме. Маме понравились цветы и немножко Художник, она поставила букет в гостиную. Папе это совсем не понравилось: он напился и выкинул цветы на балкон. Я сказала папе, что он черствый, а папа ответил, что я ничего не понимаю в любви. Я так совсем не думала, потому что Стасик из второго класса нравился мне безумно.

Потом Художник подарил маме огромную игрушечную лису. Точнее, он подарил ее мне через маму. И тогда я спросила, почему Художник ничего не подарил папе. Разразился дикий скандал, и мама с папой по очереди запирались со мной на кухне и спрашивали меня, что же такое любовь и с кем я останусь.

Я сказала, что любовь – это когда мама и папа вместе.

Больше о Художнике я ничего не слышала. ◆

Анна Кузьминых

«ОТЧЕГО ТЫ СТОИШЬ ВДАЛИ?»

Июль, Сухум

Я почти упала на змею. В последнюю секунду что-то заставило встряхнуть полотенце. Змея скользнула кругом и скрылась в вещах. В радиусе полукилометра на пляже никого не видно. В метре от меня лежит огромная длинная палка, как будто заготовили. Стою смотрю на нее. Не решаюсь.

Зову на помощь. Крепкий мужчина по одной тряпочке собирает мои вещи палкой, пока змея не остается на пустом песке. Я сгребаю все в охапку и ухожу скорее, пока он медлит. Оборачиваюсь – готово. У меня вспыхивают щеки. Неприятное чувство неловкого, необъяснимого стыда за эту бестолковую смерть провожает меня до дома.

Никто не догадывается, что я прилетела сюда, потому что у меня дома ремонт и жить мне негде, сил разбираться с этим нет, все заняты, мама здесь, мне очень больно, а диагноза моего никто не знает. Окружающие почему-то думают, что я отдыхаю. Сухум.

Здесь столько полуразрушенных зданий, из которых смотрят кроны, и так мало людей, что кажется, будто стоял когда-то город, но потом пришли деревья и съели его. Потому они такие большие вымахали, потому у них длинные веские пуза.

Совсем нет рекламы.

Я видела один щит, где-то на въезде в Сухум. Тариф «Курортный». А в городе – пустота. Как в центральной части Рима, где все продается и все покупается без рекламы, потому что это и так Рим, и где даже супермаркет днем с огнем не сыщешь, если кто-то из местных не расскажет, в каком закоулке они замаскировали продуктовый под что-то красивое и ненужное.

Но в Риме нет этой оглушающей зелени. Там она красива, претенциозна, но не звонка. До минор. Что-то на спуске, не на подъеме.

Мама хочет попробовать обезболить меня уколом гормона, раз больше ничего не помогает. Я долго не соглашаюсь, я очень не люблю гормоны, она уговаривает меня. Расходимся. Через день приползаю как миленькая. Мамочка, уколи.

– Не буду. Эти аборигены тебя в случае чего не спасут.

– Зачем тогда предлагала?

– Думала, у тебя будет приятное ощущение запасного выхода, на который ты просто не можешь решиться.

Эти улицы оживляют во мне образ Лары из «Доктора Живаго», потому что Пастернак писал, что она не пыталась быть красивой и притягательной, тем очаровывая еще сильней.

Эти ветки похожи на ожившую акварель. Как на пленэре, чуть от листа отвернулся – потекло. И не хочется признаваться, что так даже лучше.

Здесь природа восполняет все, что ты видел в жизни неживописного. И это тихое приподнимающее чувство внутри – благодарность.

– Аня, принеси мне мой телефон, возьми в сумке. Если там не лежит, то не бери.

– Да уж, хорошо, мам, не возьму, если не лежит.

Она смотрит на меня сурово, так, будто не заметила своего простого точного каламбура, но она заметила, и вообще, я не уверена, что это не специальная острота. Очень сложно с этими умными людьми, я постоянно теряюсь.

Всего два раза заходила в воду за три недели воздуха. Болею. Почти не шевелюсь. Смотрю неумелые телефонные фото ребят, возвращающихся затемно с экскурсий. На заднем плане всегда маячат другие фотографирующиеся люди. И как только женщины так изгибают бедра да вскидывают руки при виде объектива? что значат эти позы изломанных деревьев? что говорят психологи? или они сами так фотографируются? При виде таких позирований вживую или на снимках в ушах сразу раздается дребезжащий голос гида, читающий какие-нибудь пошлые стихи о том, какая великая у него страна. Пошлость непошлых людей и удивительная точность, неизменная уместность красоты абхазской природы.

– Ань, я не выйду на набережную в такое время.

– Как? Почему?

– Сейчас же люди с кругами с пляжа идут. Сырые люди с надувными кругами под мышкой идут с пляжа через весь город. Это же напасть какая-то. Гадость. Моя воля, я бы отели бронировала, только предварительно узнав, ходят ли мимо люди с кругами. «Алло, девушка, извините, не подскажете, вокруг вас много людей с кругами под мышкой?

А вы не могли бы выйти и посмотреть? Сколько конкретно? Спасибо, мы подумаем».

Как же хочется плавать! Хожу в воде из стороны в сторону. В глубину – красивая сторона, к берегу – нет. В красивую сторону видно перспективу тонких водяных струек на поверхности, становящейся небом, видно моногамию и тишину. В некрасивую опять видно всех вас. На горизонте есть черная точка чьей-то головы – кого-то очень здорового, судя по всему: он может плыть в красивую сторону бесконечно, но, мне кажется, он не видит в воде моногамии. Здоровым людям можно не заморачиваться.

Внутри все вспархивает и барахтается, все в попытке взлететь. Ощущение краткости жизни вспыхивает с каким-то материнским отливом, с желанием успокоить – более, нежели укорить.

Хочется вызвать «скорую», чтобы просто сказать кому-то, что тебе нужна помощь, кому-то, кто этого еще не слышал. Надо дотерпеть до России, там есть шанс чего-то добиться.

В а р я. Аня, я обновила версию игры, теперь стало прикольно, но непонятно.

Я. О, это как моя жизнь! (*Пауза.*) Понятно?

В а р я. Не-а.

Я. Зато прикольно.

Я не хочу рассказывать истории. Есть удивительные бессловесные вещи, сломы одного внутреннего цвета на другой, вязкие, надутые состояния нутра, от которых по всему телу щекотно. Для них и нужно кино. Для той передачи, которую слова бы сломали.

В кино хочется снимать то, чего не передать другим искусством – ни литературой (даже поэзией! даже!), ни музыкой, ни живописью. Только тогда есть шанс затронуть потенциал кинематографа.

Июль – август. Россия, больница

Из квартиры по лестнице меня несли на стуле, с одной стороны отец, с другой – врач. У меня отказали ноги. Около подъезда переложили на каталку, и, вдруг увидев небо, я целую вечность плыла к машине «скорой помощи». Очень рано на улице, и на небе тоже рано, еще нет и семи утра. Небо огромное, его очень много, и оно чище всего вокруг, его как будто вымыли, а нас нет. Мне не страшно, но немного тоскливо и хочется, чтобы уже вечерело. Я вплываю в потолок.

Как странно, отдаленно воспринимаются люди, если их голоса в твоем сознании не имеют лиц. Уже несколько часов, как я в больнице. Со мной в палате две бойкие женщины возраста моей мамы. Обе болтают

наперебой. Я лежу в попытке уткнуться лицом в подушку, не переворачиваясь на бок, чтобы не тревожить спину. Меня обстреливают вопросами, я молчу или мычу. На мне нет очков. У меня минус семь. Я вас не знаю.

Только в больницах бывают такие таинственные каши! Ешь и не знаешь, что за крупа. И хоть десяток человек опроси – у всех свое мнение. Чудеса!

Хочется благодарить, благодарить полностью, заливая, заполняя все допущенные пробелы, благодарить раз и навсегда, как печатью. Вдруг все чувствуется. Ананасовость ананасов, синева синего, земельность земли.

Вдруг все уместно, и боль уместна, даже не уместна, а нужна, и все нужно!

Не верится в широту своего счастья. Это что-то другое, неведомой протяженности и фактуры. Я внутренне даже не могу с ним справиться. Меня штырит.

Новая соседка достала из шкафа телевизор, который спрятала туда я.

– Ой, а у них и телевизоры есть!

– Да вы что, ничего себе!

Ставит на стол. Пуск. Включается с характерным шкворчанием бело-черных пятен на экране. Первая же интонация полощет по лицу. Зачем люди так разговаривают? Построение фраз, сам синтаксис телевизионного общения, закругление и завышение слов, размывание смыслов, какая-то забористость безвкусицы. Засыпаю под передачу про изменяющих мужчин.

Мой слух вопит. Беруши не спасают.

У меня очень тяжелая коляска. Пока еду до туалета, врезаюсь в капельницу, угол кровати, угол стены соответственно. Но все равно это не так ошеломляюще жалко, как когда кто-то толкает сзади. Особенно кто-то из родных.

Пожалуйста, ну пожалуйста, ну пожалуйста, не надо со мной разговаривать! Мы же просто лежим в одной палате, это можно делать молча.

Я не умею отвечать на неточные, пустые вопросы малознакомых людей. Меня будто загнали в угол и избивают. Я буду молчать.

Мы сидим на желтой кованой скамейке больничного садика, я и самый близкий мне человек. Еще пару дней назад он привозил меня сюда на коляске, сейчас же я сижу, бодро подобрав ноги по-турецки. Пока он не приходит, мне так пронзительно, жду и волнуюсь, а когда приходит – совсем спокойно. Уже несколько лет мы общаемся

с перебоями, последний был длиною в год. Первые секунды смотришь в его лицо и может показаться, что это совсем не тот человек. Кажется, все линии настолько сместились, настолько не вторят тем образам, которые держит наше воображение месяцами, что можно было бы и обознаться, признать его каким-то очень неверным подобием, какой-то частью сна. Но чуть углубиться – и все распробуешь, и как будто домой вернулся, а у мамы есть коронное блюдо, и оно сейчас на столе.

Я просыпаюсь оттого, что кто-то в шесть утра моет мою палату. Приоткрываю глаза, встречаю солнце и шорох. И эта женщина моет пол, как дышит, тихонько, по-птичьи, аккуратными отдельными шагами, и оглядывается на меня посмотреть – не разбудила ли. Я тут же замыкаю взгляд: нет, не разбудила. Мне так светло. Этот человек с раннего утра намывает больничные палаты, одну за другой, одну за другой, но не обосабливается от нас, от наших жизней, от нашего сна, а старается изо всех сил не потревожить никого своей работой. Так просто, но так разительно, так недосягаемо тяжело.

Всего неделю не ходила, а первые шаги, как перезвон колоколов, – дух захватывает. Схожу за кипятком и заварю чай.

Все-таки бывают лица: посмотрел, распробовал и будто выспался, будто вдохнул. Не виделись годами, а тут смотришь – светлое лицо же, все еще светлое, и ничем это не стереть. А налеты, а что налеты, они все по поверхности волочатся. Никому не нужные и неприкаянные. Все ухмылки, все шаги не в ту сторону, все боком. В лицо смотришь, в глаза самые – светло. И веришь в человека больше, чем, возможно, он сам, потому что он может сомневаться, а ты в нем без сомнений. И сам от этой веры тоже силы черпаешь. Удивительно!

Сквозь утренний сон все вопросы вхолостую. После четвертого слегка приподнимаюсь над подушкой.

– Что?

– Листья сухие на столе, выкидываю, да?

Листья с букета роз. Листья красивы и честны, листья с небольшой желтизной, листья высыхают. Как их ни положи – композиция, геометрия, калейдоскоп. От них маленькие синие тени, они хрустят. Иногда я сажусь рядом и перебираю их руками, играя природой и светотенью.

Но глупый, взъерошенный, как неуклюжий птенец, стыд мешает мне остановить ее, мешает сказать, что люблю, изо всех сил люблю эти листья, люблю то, что они тут лежат, и синие тени тоже люблю!

– Выкидываю тут всё.

Уборщица проводит рукой по лакированной поверхности, сметая бумагу, остатки хлеба, обертку сладкого батончика из аптеки и мои листья. Мои листья.

Восемь месяцев неутихающей боли, четыре неверных диагноза. И вот найдено. Фибромиалгия. Красивая печальная болезнь для таких, как я. Ни одного случая смерти и ни одного выздоровления за врачебную практику.

Хроническая боль. Лихорадка. Прием транквилизаторов ежедневно.

Долго по кабинетам умоляла добавить мне новокаин в ночные уколы, иначе невыносимо больно колоть. Добавили. Все равно больно. И только сегодняшняя медсестра зашла и сказала:

– Тебе больно? Ничего, я знаю секрет.

Она ввела сначала новокаин, выждала пару минут, а потом сменила колбу и ввела лекарство. Раньше вводили из одной и новокаин не успевал обезболить, его действие запаздывало. Так просто. Но это нужно подумать о человеке, потом взять отдельный новокаин, засекать время, дольше вкалывать, дольше возиться. Это столько лишних движений и расчетов, которые никто не делал, потому что и без них чай вытерпишь, не сбежишь. И так легко было не задумываться, а заставлять человека терпеть. Как твердолоба бывает система, как в ней туго и приглушенно раздаются твои крики и какое большое чудо каждое маленькое решение, принятое с открытыми глазами.

Смутно помню, как работал раньше мой мозг. Добавили антидепрессант и антиконвульсант дважды в день, постепенно увеличиваются дозы. Я просыпаюсь и засыпаю в пустоте. Я не могу читать. Смысл не долетает. Эти таблетки частично забирают боль. Стоит ли такая разница в мучительности боли моего сознания? Пытаюсь понять и не могу, потому что я ничего не понимаю. Чтобы написать эти строки, мне понадобилось около двух часов.

Смотрят силу импульсов. На легкое изменение температуры воздуха моя нервная система реагирует, как у нормальных людей на пожар. Спрашивают, как я живу вообще. Нормально живу. У меня всегда пожар.

Когда лежишь в больнице месяц, чувство, будто вокруг сменяются арендаторы твоего жилья. Чувство поколений. Постоянно кто-то прощается. Все говорят: еще увидимся. Зачем это нужно? Может, людям стоит научиться прощаться без этих смазочных фраз? Четко принимать тот факт, что, скорее всего, мы уже никогда не увидимся, и прощаться честно, полностью, без «еще»?

Все еще не могу принять тот факт, что ждать полного обезболивания бессмысленно. Это и есть принятие – без ожидания высвобождения.

Ты можешь терпеть сильнейшую боль, зная, что ее вот-вот снимут, но уменьши я ее вполовину и объяви бесконечной, как ты взвоешь в тот же миг. Я вою.

Август – сентябрь, исследования

Третья ночь лихорадки. В полубреду всплывает образ абхазской ежевики. Каждое утро я выходила за ней на заброшенную железную дорогу. Важнее всего было чувство встречи с природой, важнее всего было возвращаться. Ежевика была несладкая, но я ела ее, ела без конца, с жадностью, без оглядки. Будто не имела возможности усомниться, будто приручала. Я лежу в темной кровати, во рту дрябло и кисло. Кто-то заходит в комнату.

– Ань, я еду в «Ашан», тебе что-то нужно?

– Мам, если бы то, что мне нужно, было в «Ашане»!

– Ну Ань, ну хоть что-нибудь.

– Ну мам, ну хоть что-нибудь!

Завтра операция на глазах. Немного волнуюсь, учитывая весьма небольшое количество глаз, которыми обладаю. Но даже приятно сделать что-то понятное и простое, точно имеющее результат. Иногда с той же целью я мою посуду.

Где-то в Москве кто-то пошел во ВГИК. Все это неопознанно далеко, как под сомнением. Кажется, если помахать туда рукой, никто бы не разглядел.

Почему еще мне трудно разговаривать с людьми: разные границы очевидного, следовательно, с разных отметок начинается то, о чем стоит, имеет смысл разговаривать; в разной степени ревностное отношение к истине (безразличие в большинстве своем, имеющее, однако, свои уклоны и оттенки, но тем не менее безразличие, грустное, налитое, непоправимое).

Каждую весну мне кажется, что холода отступают навсегда, что это была битва и мы победили. Я не могу принять такую цикличность, где бóльшую часть цикла хочется наглотаться земли. Каждое лето наступает как долгожданное решение трудной задачи с помощью элементарного здравого смысла. И каждую осень мне кажется, что все разрушено, что мир нужно отвоевывать с нуля.

Для исследования нужны были мои волосы. Спрашиваю: сколько? Чайную ложку. Это они хорошо придумали. Стою в кабинете и как дура ищу ложку глазами. Дают ножницы и колбу. А это зачем? Сюда подыши, будем смотреть воздух. Забирают волосы, воздух, тонну крови и кусочки кожи. Кажется, что кто-то где-то сможет собрать вторую меня. Я бы серьезно поговорила с этим человеком.

Еду в Москву. Так и не научилась любить этот город, где с первых секунд причмокивают вслед.

Всё смотрит в окно поезда. Вообще всё. Мое и чужое прошлое, ничье будущее, личная и общечеловеческая боль, кусковая, мигающая радость, чьи-то джинсы.

Немного темнеет в глазах. Развозят невкусный кофе.

Из окна смотрит всё и трогает меня за плечо. Остаюсь одна, не глядя смахнув его руку.

Сентябрь, Италия

Плюс восемь, сыро, я сижу на камнях на Набережной неисцелимых. Темнеет. Для меня вся Венеция – сплошной Бродский. Вся Венеция – только Набережная неисцелимых, куда ни пойти. Эссе об этом городе, наверное, любимый его текст. Почему-то проза Бродского всегда была даже вкуснее стихов, я и познакомилась-то с ним, прочитав Нобелевскую лекцию, а все эти «не выходи из комнаты», «надцатые мартобря» – все это гораздо позже. Но даже если бы они не случились, если бы я осталась навсегда в неведении относительно того, что Бродский вообще писал какие-нибудь стихи, даже если бы он их действительно не писал, он все равно бы был поэтом. И его проза – поэзия. А если бы он снимал кино, его фильмы были бы поэзией. Даже если бы он лечил зубы, это бы было поэзией.

Я подумала об этом впервые, читая именно «Набережную неисцелимых» когда-то в автобусе Паттайя – Бангкок в шесть утра, плюс сорок по Цельсию. Поэзия не литература.

Плюс восемь, сыро, я сижу на камнях на Набережной неисцелимых. Темнеет. Поэзия – это этот город. Поэзия – этот самый момент, который я сейчас живу, момент, когда красота уже воплотилась в твердь, но еще не отделилась от воды.

За мной стоит отец и курит. Я не сразу замечаю, как он вернулся, проводив в номер Варю и маму после наших долгих прогулок, бесед, лакрицы со вкусом травы от кашля, восторгов первого вечера в Италии. Маме не нравилось, что мы с отцом будем гулять вдвоем, а их отправляем спать, но и она, и Варя слишком устали. По правде, у меня тоже ноют ноги, замерзли уши, но я говорю, что совсем нет. Я говорю, что не хочу спать, хотя хочу и чувствую себя совсем маленькой.

– Пошли?

Мы оставляем воду здесь, то есть, почти выныривая, уходим в узость улиц. Папа иногда молча указывает мне на особенно красивые дверные ручки. Пахнет мерзлыми водорослями, тем самым запахом, что делал счастливым Иосифа Александровича. Действительно ими пахнет.

Отходя и несколько раз оглядываясь, мама просит хотя бы не гулять медленно-медленно под руку, «а то вы двусмысленно смотритесь». Мы идем под руку, медленно-медленно. Мы не смотримся двусмысленно.

Мы выходим к оживленному мосту, все заполнено разными языками, вспышками айфонов, остатками чьих-то выходных духов. Люди фотографируются, не меняя лиц. Тут и там молодые мальчики предлагают парочкам купить розы. Женщины едва заметно мотают головой, немножко морщатся, мол, не хочется и не к месту. Но им хочется. И мне хочется. И я морщусь. А папа покупает.

Чувствуется, что вечер углубился, уже совсем ночь, хотя темнее не становилось. Мы идем вдоль воды. По шатрам, раскинутым над пустой дорогой, понимаем, что это рынок. Я представляю, как днем люди в гондолах здесь покупают зеленые связки, как трещит воздух, а потом снова падаю в тишину. Ночь. Отец улыбается. Он очень любит свежие овощи, рыбу и большие полные пакеты продуктов с остатками земли. С детства мы всегда ездили на рынок вдвоем, это наш радостный ритуал. Папа выбирает долго и со вкусом, осматривает много товара, хотя заранее знает, что и у кого станет покупать. Он перекидывается со всеми парой слов, пробует фрукты, по нескольку раз спрашивает, чего я хочу, ходит между прилавками, жмет продавцам руки, широко улыбаясь, и забирает все вкусные запахи этого места.

Моя мама не любит рынки. Она не любит, когда много людей, и не любит глупые шутки. Сама она шутит только с серьезной интонацией и только очень смешно, но над ее юмором трудно смеяться. Его хочется записать.

Мы подходим к отелю – оставить сумки, взять шарф и выйти еще раз к воде, но, оказавшись около простыней, ноги отвергают эту затею. Я, уже лежа, пытаюсь достать из-под себя покрывало и почувствовать сладость чистого белья. Папа стучит в мой номер, я что-то бурчу, он не слышит и почти сразу уходит.

Утром мама, зайдя за помадой, встречается с розами на комоде. Мы с ней обмениваемся взглядами. «Пошлость какая-то, – говорит. – Давай одевайся».

Первый итальянский завтрак. Мама несколько раз просит убрать книгу, с третьего я слушаюсь, но потом открываю снова.

– Лёш, ну скажи, а!

– Еще одно кофе, пожалуйста... Ань, они не понимают.

– Лёш, потому что кофе один.

– One more please, – я машу руками официанту через ползала.

– Нет, господа, мне Лёша всю жизнь запрещал с ним читать за одним столом!

Папа пожимает плечами. Мама настаивает.

– Мам, ну я специально книгу перед поездкой купила.

Я отсаживаюсь за другой столик. Беру еще сыру с чаем. Они доедают быстрее, уходят собираться, а я все завтракаю. Проходя, отец легонько целует меня в затылок, и сразу становится стыдно. У него есть какая-то

способность выражать особое «любовное недовольство», из-за которого тут же немедленно хочется стать другим человеком, при том что проваливаться под землю – не хочется.

Я тяжело расставалась с этим городом, пыталась взять в машину немного засохшие розы, но «что за излишняя сентиментальность» и маме «только этого не хватало».

Маме не хватало еще и папиных песен посреди галереи Уффици пару дней спустя. Папа, конечно, прикалывается. Поет «только рюмка водки на столе», стоя перед картинами Боттичелли.

– Лёш, ты в Италии. Здесь не только.

За несколько недель мама научила меня находить картины Джорджоне в зале с тридцатью работами его учеников. По-человечески объяснила, чем же так особен Рафаэль. Познакомила с каждым из рода Медичи и даже (с потом и кровью) заставила открыться мне прелесть скульптур, которой в моем мире никогда не существовало.

Я с трепетом замирала перед «Пьетой» Микеланджело, танцевала на мосту Флоренции с папой импровизированный пьяный вальс под уличных музыкантов, стояла сорок минут без движения, запрокинув голову, в Сикстинской капелле, спала у стенки в Колизее, пока все слушали гида.

Маме было сложно с нами. Она ходила с экскурсоводом, который знает куда меньше ее, и кивала. Отходила в сторону с того моста, где мы танцевали с отцом, чтобы никто не узнал, что она имеет к нам отношение. В Риме радовалась папиному «пойдем развалины смотреть» и оставалась на раскопках после «всё, я развалился». Делала нам замечания. Водила экскурсии сама. Просила не фамильярничать, прилюдно называя ее «любимой». Просила не фотографироваться, как дураки. Просила вина.

Морщась и мотая головой, принимала розы, которые отец покупал ей у уличных мальчишек. Съезжая из отеля, отрезала стебли и, пока никто не видит, бережно убирала головки цветов в бардачок. ◆

Аркадий Шумарин

БРИТИШ ГРЕНАДИР

Молодой офисный работник легкой походкой движется между рядами рабочих мест и замедляет шаг у одного, расположенного с краю. Юноша немного наклоняется вперед и легонько толкает в спину склонившегося над клавиатурой человека.

Александр, молодой мужчина лет тридцати, поднимает голову со сцепленных в замок рук и обводит сонными глазами пространство вокруг.

– Проснись и пой! – раздается над его ухом бодрый голос. – Неужели спишь на рабочем месте? Тогда хорошо еще, что это я тебя разбудил...

Саша поправляет волосы на голове и поворачивается к молодому человеку, который стоит рядом и вопросительно смотрит на него.

– Да сам не знаю, вроде глаза только на минуту прикрыл, – виновато говорит Саша, после чего делает вялую попытку потянуться. Затем он берет со стола кружку, задумчиво заглядывает в нее, делает глоток, отчего сразу же морщится.

– Ты чего такой сонный? – с интересом спрашивает Сашу молодой человек.

– Сегодня приезжает мама, чтобы отдохнуть здесь неделю-другую. Я наводил порядок в другой квартире, остался там ночевать, но спать там оказалось невозможно: соседи не дают.

Молодой человек понимающе кивает, Саша тем временем продолжает.

– Она семь лет в России не была, с тех самых пор, как вышла замуж в Лондоне: хотела получить там гражданство. А сегодня возвращается: поеду ее встречать.

– Так это же здорово! – восторженно говорит молодой человек. – Воссоединение семьи и все такое прочее, разве нет? Из-за чего ты тогда волнуешься?

– Да так… – Саша задумчиво поводит кружкой в воздухе. – Отчима вот в первый раз увижу.

– Что же ты, совсем и не знаешь про него ничего?

– Почему же, знаю кое-что. Зовут его Уильям Джеймс Пауэлл. Она называет его Вилли, – Сашу немного передергивает. – Пенсионер, всю жизнь проработал лондонским фотографом.

Он смотрит на ухмыляющееся лицо приятеля, а тот вдруг, спохватившись, бросает взгляд на наручные часы, выпрямляется и разворачивается, чтобы уйти.

– Ну ладно, мне самому нужно идти. Удачи тебе сегодня! – говорит он, прежде чем исчезнуть из виду.

Саша кивает ему, потом делает еще один глоток из чашки, снова морщится, но уже не так сильно, оборачивается к окну, за которым колышется зеленая листва деревьев, а затем поправляет кресло и всматривается в экран компьютера.

На табло прилета высвечивается информация о различных авиарейсах.

Саша отводит усталый взгляд от табло и отправляется к нужному сектору.

Напротив выхода стоит гудящая толпа встречающих: некоторые держат в руках таблички, другие разговаривают по телефону или ходят взад-вперед, стараясь размять ноги.

Саша осматривается и останавливается чуть в стороне от толпы. Он рассеянно проводит рукой по волосам, всматриваясь в людской заслон, когда сзади его неожиданно обнимают чьи-то пухлые руки.

– Сашенька! – раздается восторженный женский голос.

Удивленный Саша освобождается из объятий, разворачивается и видит перед собой невысокую полную женщину средних лет, которая со счастливой улыбкой смотрит на него снизу вверх.

Саша радостно улыбается и слегка наклоняется вперед, чтобы обнять свою мать. Та целует его в щеку и крепко прижимается к нему.

– Здравствуй, мама.

– Сашенька! – вновь повторяет она и отнимает от себя. – Дай хоть посмотреть на тебя! Как возмужал, ну вы посмотрите! Ну а как я рада тебя видеть!..

Глаза ее становятся мокрыми от слез, готовых хлынуть наружу, и она вновь прижимает Сашу к себе, а он, легонько посмеиваясь, целует ее в щеку.

– Да что же это я, – говорит Сашина мама.

Она отстраняет сына от себя, быстро смахивает появившиеся на глазах слезы и поворачивается назад.

Чуть позади нее стоит пожилой мужчина небольшого роста с окладистой седой бородой, но еще не поседевшими темными волосами. Сочетание этого с бирюзово-голубыми глазами делает его больше всего похожим на какого-то средневекового короля. Рядом с ним стоит пара небольших чемоданов.

– Это Уильям, – мама представляет мужчину Саше.

Король делает шаг вперед и протягивает Саше руку для пожатия. Тот, слегка помедлив, пожимает ее. На теплую улыбку англичанина и слова приветствия Саша отвечает слабой полуулыбкой, которую мать как будто и не замечает.

Прижав руки к груди, она со стороны наблюдает за мужчинами, а когда приветствия заканчиваются, берет Сашу под руку и тянет за собой к выходу, на ходу заговаривая с ним о чем-то, потом сразу же поворачивается к Уильяму, сообщает что-то ему и заливается звонким радостным смехом. Англичанин смущенно улыбается себе в бороду, а Саша отвечает матери легким мотанием головой, тоже улыбается и берет у нее из рук сумку.

Толпа позади них гудит, кто-то громко радуется долгожданной встрече, под потолком раздается голос диктора, сообщающий о прибытии нового рейса.

Саша помогает отчиму положить чемоданы в багажник машины, захлопывает багажник и помогает матери сесть в салон.

– Спасибо, – сквозь смех говорит она, когда он открывает перед ней дверь. – Какой ты у меня галантный, прямо как Уильям.

Как только все рассаживаются, Саша заводит машину и ведет ее к выезду с парковки. Мама на заднем сиденье с интересом всматривается в пейзаж за окном.

– Подумать только: семь лет не была в России! Нет, я даже представить этого себе как-то не могла… – грустно говорит она, а затем наклоняется вперед, к сыну: – Саш, мы ведь все равно через центр поедем, так давай город еще посмотрим, пока добираемся.

Машина выезжает с парковки и движется по шоссе.

Сашина мама откидывается на спинку кресла и смотрит на сидящего рядом мужа. Тот завороженно наблюдает за проплывающим за окном пейзажем и широко улыбается, заметив обращенный к нему взгляд.

– Я в самолете все рассказывала Уильяму, как мне хочется увидеть, что здесь теперь нового, – обращается мама к Саше.

– Хорошо, – просто отвечает он, глядя в зеркало заднего вида на прильнувшего к стеклу англичанина.

Машина движется по улицам города, приближаясь к центру.

Они проезжают мимо памятника Юрию Долгорукому, мимо Кремля, мимо Большого театра.

Картина за окном ежесекундно вызывает у англичанина приступы восторга. Он издает негромкие восклицания, указывая на достопримечательности, делится впечатлениями с Сашиной мамой, которая с таким же интересом смотрит в окно и выглядит невероятно счастливой.

Саша и сам невольно улыбается, наблюдая в отражении зеркала заднего вида за детским восторгом своих родителей.

Машина проезжает по улицам Ногинска, движется мимо электромеханического завода и останавливается у подъезда блочной пятиэтажки, окруженной рукотворными садиками. На лавочке напротив подъезда расположились трое местных алкашей, собираясь отдохнуть.

Саша глушит мотор, выходит из машины сам и помогает выбраться маме. Вместе с Уильямом они достают из багажника чемоданы.

Самый худой из алкашей, сидящих на лавочке, первый замечает подъехавшую машину. Он толкает локтем своего соседа, после чьего недоуменного взгляда молча кивает в сторону машины. Тогда второй алкаш сразу же толкает третьего, самого толстого, и тоже кивает в сторону Саши и его гостей.

– Гляди-ка, – задумчиво говорит худой. – Это чего, Валентина, что ли? Вернулась из этой, из Англии?

Алкаши вместе делают попытку сфокусировать взгляд на машине, и вскоре у них рождается новый вопрос.

– А кого это она привезла? – подозрительно спрашивает второй гуляка.

К подъезду подходит Саша с чемоданом и сумкой в руках.

Самый толстый из трех забулдыг неловко слезает со скамейки и подходит вплотную к Саше.

– Я тебе сколько раз говорил, – угрожающе произносит он и разминает плечо. – Не ставь машину на это место, а то мозги тебе… вышибу. Вышибу, да. Слышишь?

Саша бесстрастно смотрит в налитые кровью глаза и собирается что-то сказать, когда внезапно сзади раздается деликатное покашливание.

Саша оборачивается: позади него оказывается Уильям с другим чемоданом, а рядом стоит Сашина мама.

– Мм, – в замешательстве произносит она, оглядывая собравшихся. – Здравствуйте.

Двое алкашей, оставшихся сидеть на лавочке, с интересом разглядывают Валентину и ее мужа.

Англичанин поднимает брови и невозмутимо оглядывает всех. После чего возглавляет процессию, обходит лавку и идет по направлению к входу в подъезд. За ним идет Сашина мама, взяв сына под руку и уводя подальше от надувшегося толстяка.

Саша подходит к фортепиано в большой комнате своей квартиры. Открывает крышку и начинает одним пальцем наигрывать простую мелодию.

Уильям с довольным выражением на лице сидит за накрытым столом с рюмкой коньяку в руке, мама тем временем что-то ищет в серванте, тихонько посмеиваясь.

– Чего ты смеешься? – рассеянно спрашивает ее Саша, отвлекаясь от фортепиано.

– Да Уильям сказал, что с удовольствием остался бы жить в России, потому что здесь смешные налоги, отличный недорогой коньяк и прекрасная жареная говядина.

Саша с сомнением смотрит на англичанина, который отправляет себе в рот очередной кусок мяса.

– Саша, представляешь, Уильям сейчас прилетел в Россию, а ведь его дед, прапрапрадед, уже давно был в России.

– Когда же это? – Саша удивленно поднимает брови.

– Ему пришлось воевать в Крымскую войну, и он даже пробыл какое-то время в плену. У них в семье ходит такая легенда, что какой-то русский сохранил ему жизнь, после чего они были очень близки. Ты можешь себе представить такое? – спрашивает мама, протирая тарелку.

Саша изумленно смотрит в сторону англичанина. Уильям все это время дружелюбно наблюдает за ним, а теперь салютует в его сторону рюмкой коньяка.

Саша с задумчивым видом отворачивается к фортепиано и начинает наигрывать мелодию заново.

Саша и Уильям сидят за столом в большой комнате.

Тарелки давно опустели, от бутылки коньяка уже практически ничего не осталось.

Саша молча катает хлебный катушек по тарелке. Неожиданно Уильям начинает что-то тихо бубнить себе под нос. Саша внимательно вслушивается в мелодию.

– Что вы поете? – с интересом спрашивает он.

– Это моя любимая песня, ее пели еще мои деды, – отвечает ему Уильям с сильным акцентом. – Это… марш… английский гренадер.

Саша поднимает брови, на мгновение задумывается о чем-то, потом неожиданно резко встает из-за стола и садится за фортепиано.

– Спойте погромче, а я вам подыграю.

Это предложение вызывает у англичанина восторг, он сам поднимается из-за стола и подходит к Саше. Из-за двери появляется мама в очках, она держит в руках книжку. Заметив, что ее сын сел за фортепиано, а муж готовится петь, она широко улыбается и садится за стол, чтобы их послушать.

Саша негромко подбирает аккорды. Уильям тем временем слегка прокашливается и, кивнув Саше, набирает в легкие воздух и приятным голосом начинает петь марш британских гренадеров.

Трое алкашей на лавочке у подъезда о чем-то разговаривают, громко и хрипло смеются. Они уже поднимают граненые стаканы, чтобы чокнуться ими, когда с первого этажа до них доносятся заключительные строки оглушительного припева: «With a tow, row, row, row, row, row, for the British Grenadiers!»

Мужики на лавочке от изумления раскрывают рты и оборачиваются на звук. Поднятые руки со стаканами так и застывают в воздухе.

Саша сидит за своим рабочим столом. Рядом с ним, прислонившись к стене, стоит молодой человек и внимательно слушает Сашу, делая небольшие глотки из кружки у себя в руках.

– Да, а больше всего на него произвел впечатление обыкновенный коньяк московского разлива, который ему очень понравился, – говорит Саша с немного обескураженным видом. – Он сказал, что всю жизнь мечтал пить коньяк, а не виски.

– Так он наш человек! – со смехом произносит Сашин приятель. – Подумать только… Что-нибудь еще он рассказал?

– Вспоминал, как его прапрапрадед был в Балаклаве и прекрасно запомнил это название, потому что там был ужасный холод и солдатам приходилось носить глубокие вязаные шапки с прорезями для глаз, которые поэтому и назвали позже балаклавами.

– Дааа, – мечтательно произносит парень. – А ты теперь когда к ним поедешь?

– Мне нужно несколько дней в городе посидеть, чтобы с работой закончить, – отвечает ему Саша, отвернувшись к экрану компьютера. – К концу недели поеду.

– Везет тебе, – вздыхает молодой человек.

Саша задумчиво смотрит на своего приятеля, а затем поворачивается в сторону.

Сашина машина останавливается у подъезда блочной пятиэтажки. На лавочке напротив подъезда опять сидят трое местных алкашей.

Саша выходит из машины, берет с собой сумку и идет по направлению к входу в подъезд.

Внезапно дорогу ему преграждает толстый мужчина, который кажется Саше в этот раз гораздо агрессивнее и в большем подпитии.

Мужчина переводит мутный взгляд с припаркованной машины на Сашу, качает головой и замахивается для удара.

– Я ж те говорил вроде, мужик…

Кулак не успевает достать Сашу: тот отходит в сторону и алкаш промахивается. Но его подсуетившийся друг хватает Сашу сзади и отводит ему руки. Самый худой из троицы в это время стоит в стороне, подначивая остальных.

Толстяк успевает заехать Саше по лицу, второй удар приходится в бок. Но Саше удается вырваться. Он отходит в сторону, немного согнувшись от боли.

Неожиданно рядом с алкашами оказывается Уильям. Одному из нападающих он резко ударяет ногой в колено, заставив того с проклятиями упасть, затем разворачивает к себе самого толстого и наносит одновременный удар по ушам ладонями обеих рук, оглоушив его.

Самый худой успевает сбежать, молнией перескочив рукотворный садик и скрывшись за домом.

Уильям подходит к Саше, который к этому моменту успевает выпрямиться, бережно хватает его под мышку и ведет к входу в подъезд мимо поверженных алкашей. Саша исподлобья бросает на англичанина благодарный взгляд, потом останавливается и оборачивается.

Позади них мужики начинают приходить в себя: они уже неуклюже поднимаются на ноги, кряхтя от усилий.

– Откуда вы все это знаете? – спрашивает Саша, кивая в сторону поверженных гуляк.

– I'm a british grenadier! – улыбается в ответ Уильям и помогает Саше зайти в подъезд.

Саша сидит на стуле в большой комнате, запрокинув голову. На столе аптечка и открытый пузырек с перекисью водорода. Сашина мама тщательно обрабатывает ваткой свежий синяк на скуле сына.

– Саша, не ожидала, что все так сложится… – говорит мама. – К нам еще на днях приходил милиционер.

– Что еще случилось? – обреченно спрашивает он и морщится.

– Соседям не нравится, что Уильям живет здесь, – мама отнимает от Сашиного лица ватку и обиженно смотрит на сына.

– Что этим хроникам может не нравиться? – раздраженно спрашивает он.

– Им не нравится, что он громко поет, – она продолжает обрабатывать синяк. – Каждый вечер он ест ростбиф, пьет коньяк и поет свою песню. Не знаю, чем это вызвано, но эта песня почему-то очень злит всех местных… Они считают, что он буянит, орет, поэтому вот даже пожаловались участковому, чтобы он Уильяма приструнил.

Из коридора показывается Уильям и безмятежно прислоняется к дверному косяку.

– Когда пришел участковый, – продолжает мама, придерживая голову сына, – у него полезли глаза на лоб от того, что это поет англичанин, даже не на русском языке. – Легкая улыбка трогает ее губы. – Они очень мило поговорили, и Уильям даже спел ему эту песню.

Саша переводит взгляд с матери на стоящего в дверях англичанина. Тот смотрит в сторону и широко улыбается своим мыслям.

На лавочке около подъезда неподвижно сидят три старушки с суровым выражением на лицах.

– Вот Валька-то… – говорит одна из них. – Съездила в Англию свою и такого же алкаша, как здесь, нашла. Зачем в Англию надо было ехать? Песни орет, а вчера Ваську отдубасил: тот второй день ничего не слышит толком.

– Еще и дерется вдобавок, – не расслышав ничего, добавляет вторая.

Третья старушка просто обернулась к ним, а потом энергично закивала головой, неизвестно с чем соглашаясь.

Сашина мама стоит у окна на кухне и задумчиво смотрит наружу.

В комнату заходит Саша и ставит на стол кружку.

– Саш, ты посмотри: ограда давно сгнила уже, надо починить. Положить несколько кирпичей, чтобы совсем не развалилась, и только.

– Хорошо, мам, только где эти кирпичи взять-то? – с сомнением произносит Саша.

– Сходите с Уильямом до старого господского дома, там должен был еще кирпич остаться, не весь же его на завод потратили.

– Если только не разворовали, – невесело улыбается Саша.

Саша и Уильям выходят из подъезда, проходят мимо сидящих на лавочке старушек и рукотворного садика, в котором подрезает растения местная жительница.

Уильям с Сашей подходят к живописным развалинам старой усадьбы. Англичанин с молотком в руке заинтересованно осматривает давно заросшие очертания фундамента и все вокруг и шумно вдыхает свежий воздух.

– До революции здесь был родовой дом помещиков Терлецких, – сказал Саша. – Его разграбили еще в двадцатые годы. Потом построили сначала коровники, потом употребили его в фундамент завода.

Уильям оборачивается к Саше и кивает ему.

В одном углублении, похожем на овражек, осталась часть кирпичной кладки с довольно еще приличным кирпичом и какими-то округлыми отверстиями.

Уильям бодро подходит к этой кладке, замахивается молотком и выбивает три-четыре кирпича. Саша поднимает их, отряхивает от грязи и кладет в сумку. Уильям замахивается снова и выбивает еще один кирпич. Вынимая его из кладки, замечает какой-то блеск.

Саша помогает Уильяму достать то, что они нашли.

– Ты посмотри… – удивленно говорит Саша.

Перед ними лежит жестяная коробка, на которой дореволюционным шрифтом написано «Пастила Эйнемъ». Уильям с величайшим удивлением на лице берет коробку в руки и легонько встряхивает: внутри явно лежит что-то тяжелое.

Саша кладет жестяную коробку на стол в большой комнате. Уильям садится на стул рядом.

Мама аккуратно открывает коробку, и они все заглядывают внутрь. Там лежит полуистлевшая пачка писем и что-то завернутое в тряпочку.

Сашина мама аккуратно разворачивает первое письмо. Рядом с ней с одной стороны стоит нахмурившийся Саша, с другой – улыбающийся Уильям.

Усадьба Терлецких, 1918 год. Вечер.

Просторная комната. За столом женщина средних лет пишет письмо. За закрытой дверью раздаются громкие голоса, слышны

распоряжения, шум, суета. С громким топотом кто-то пробегает по коридору.

Женщина вздрагивает, отрывается от письма и испуганно смотрит на дверь. Потом успокаивается и продолжает писать.

Звучит закадровый женский голос:

– Милый Андрюша, обстановка очень усложняется. Усадьбу нашу грабили уже дважды, и мы вынуждены уехать. Если ты читаешь это письмо, значит, ты его нашел в нашем условленном месте. Я оставляю тебе несколько дорогих писем и кое-что на память от прадедушки. Ты же помнишь Андрея Павловича? Помнишь, наверное, как он любил качать тебя на коленях, напевая английский марш… Оставляю тебе его серебряные часы. Будь здоров, Андрюшенька, увидимся. Твоя сестра Мими.

Женщина берет со стола карманные часы, заворачивает их в носовой платок и кладет вместе с письмами в жестяную коробку из-под пастилы «Эйнемъ». Плотно закрыв коробку, она подходит к печке, выдвигает сбоку один кирпич, прячет коробку в тайник, возвращает кирпич на место и садится обратно за стол, поправляя волосы. Затем она берет со стола фотографию и всматривается в нее.

На фотографии изображены двое улыбающихся солдат, сидящих вместе: один из них одет в военную форму русской императорской армии, другой – в военную форму Великобритании.

Сашина мама бережно разворачивает тряпочку, и в руке у нее оказываются потемневшие от времени карманные часы-луковица с двумя крышками и кольцом для цепочки.

– Уильям, – говорит мама. – Посмотри.

Она передает часы Уильяму, тот пытается их открыть. Крышка поддается плохо. Наконец Уильям поддевает верхнюю крышку и открывает ее. На ней написано: «Sergeant William Powell, 3rd Battalion, the 1st (or Grenadier) Regiment of Foot Guards, 1856».

За кадром звучит марш британских гренадеров. ◆

Олег Зинцов

ТРИ ФОТОГРАФИИ

Реалисты, к числу которых принадлежу и я, принимают фото отнюдь не за «копию» реального, а за эманацию прошлой реальности, за магию, а не за искусство.

Ролан Барт, Camera lucida

1. Мама

Что это за место?
Кто это снял?
я не помню кто снял
это около дома
мне лет наверное шесть
Что ты помнишь про это?
видишь валенки
у меня обуви было две пары
зимой валенки летом галоши
Разве это зима?
это лето
нет осень уже
холодно же
в галошах
а нет
просто я их изрезала
решила их починить
мама была на белка́х
(это горы со снежной вершиной)
коровы там ели под снегом
а я стала галоши чинить
и изрезала
она мне этой галошей как даст
но странно
если мама ушла на белки́ с кем она меня оставляла
Соседи?
не помню

я ходила с миской
мне наливали туда молока
и хлеба давали
была тетя Луша
была тетя Клава
но тетя Клава жила далеко
мы однажды с ребятами
к ней в гости решили пойти
у нас радио не было
и когда мы пришли на развилку
была уже ночь я услышала радио и сказала там тетя Клава живет
и вот значит были валенки и галоши
мама сказала вот теперь у тебя галош нет
У тебя здесь коса
это две косы так раньше носили
одна и другая
коронкой переплелись
а в них ленточка
в этом платье я в школу пошла
значит мне седьмой год
видишь какая я уже взрослая
А одно было платье?
нет два
это хорошее
видишь татьяночка
Что это значит?
кокеточка вышита такая
За тобой только поле
Вы совсем на окраине жили?
да что-то такое
дальше там ягоды речка Катунь
горная речка
а это где-то на ровном месте
вот кто-то меня сфотографировал а кто я не помню
Ты говоришь это около дома но дома здесь нет
дом был двухэтажный
остальные какие-то маленькие
а в том двухэтажном
наша комната
правление
сельсовет или что-то
на втором этаже кинобудка
а в этой комнатке у нас был такой ящик
и в нем жили куры
а на нем спала я
он как сундук или ларь

может помнишь у нас был такой
рядом с домом где уголь хранили
Витя спал на полу когда приезжал
а мама спала на кровати
Разве Витя с вами не жил?
он учился в районе
наверное это был интернат
еще была фотография
где я годовалая
а Вите десять-одиннадцать лет
в вязаном во всем видел ты эту фотографию
Нет
и мама там молодая ей тридцать лет
а это наверное ближе к осени
когда мы уже уезжали
видишь сухая трава
а тут были кусты
туда все ходили писать и какать
была семья казахов
они туда с чайничком ходили
а во время войны Куликовы
у них пятеро было детей
и на всех одни валенки
а штанов совсем нет износились
мама рассказывала они в туалет бегали так
один наденет валенки побежит без штанов посидит на снегу
другому валенки передает
а когда Сталин умер в 53-м году
был жуткий мороз
в нашем правлении все собрались
а мы с ребятами на большой горке снежной стояли
и я всем вещала
там Сталин лежит
видишь все плачут
я никогда не забуду
он лежит в сельсовете
все плачут ревут
мама говорит у нее были вязаная юбка и кофта
и юбка все время рвалась
она подрезала потом довязывала
и ей не давали мануфактуры потому что у нее была юбка
а давали у кого совсем ничего не было многодетным
но это в войну
Ты говоришь это фото сделано перед отъездом?
маме надо было бежать
она ведь сидела

и потом ее вербовали на контрабанду
через границу монгольскую
а она забрала меня из детдома
там говорили оставь мы к ней привыкли
но мама меня забрала
Вас ведь не ждали?
маме говорили не приезжай
бабушка
Валя и Зоя
и Валин первый муж Вася
жили в одной комнате в квартире с соседями-немцами
но мы приехали
и жили на кухне кровать там поставили
мы с мамой на кровати спали а Витя на полу
еще и соседи
а потом мы уехали к тете Нюсе
она на Нижнем поселке в бараке жила
тетя Нюся лежала склероз костей
а туалет был на улице
потом ее увезли в дом инвалидов
она просила дочь Свету забери меня домой
по дороге она умирала
но успели ее довезти умерла дома
маму в детстве когда голод был сдали в интернат
и про нее забыли а тетя Нюся старшая сестра тогда ее нашла
увидела случайно
и если б не Нюся маму бы обратно домой не забрали.

2. Отец

Мы жили на третьем этаже. А это выход на крышу второго этажа. Я сейчас понимаю что это была вставка между домами. Вот один дом а вот второй. А между ними как будто каменная лужайка. А вокруг скалы и на них цветы. Мы никогда не пытались подлезть и туда заглядывать.

Там были балки. Видишь висят качели. По балкам вились растения. Росли мочалки в виде длинных тыкв. Когда высыхают с них оболочку растрясешь и что останется это и есть мочалка.

Мне здесь лет пять. Значит это год 1952 или 53. Вот здесь совсем маленький Олег. Ему наверное

три. Да. Мне тогда четыре. Снимок только в эту сторону. С другой стороны я не вижу. Там была дверь. Открываешь дверь и выходишь туда просто. Даже порог я не помню.

Я помню только как ставил пластинки на радиоле. Радиола была на ножках высокая. Я залезал на стульчик или табуретку и ставил пластинку а на нее иголку. Я даже квартиру не помню. Говорят там была служанка-китаянка. Я ее тоже не помню. Бабушка с дедушкой жили отдельно совсем на другой улице. Это уже когда поехали в Советский Союз то все вместе. И стали жить вместе а в Китае жили отдельно.

Это вид во двор а в другую сторону была сопка. Мне кажется я ее хорошо помню с детства. Я когда недавно приехал в Далянь ее узнал. У нас адрес был Лу Синь-лу 62. Сейчас есть дом 58. А потом переходишь через площадь и там уже 70-е дома. То есть наш дом где-то здесь должен был быть. Там теперь стоит пятиэтажная поликлиника постройки наверное 60-х годов. Я во двор заглянул там старый дом стоял двухэтажный. Но туда не было никакого подхода. Все заборами было закрыто.

Медсестра принесла мне такую же кодаковскую как у нас фотографию. И сказала что она тоже жила на улице Лу Синь-лу. Эта улица идет прямо от вокзала. Тогда в Дальнем жили тысяч семьсот а сейчас 6,6 миллиона. Тут дом построили огромный почти небоскреб. Он мог занять и место нашего дома. Получается наш дом был около площади. Может даже на самой площади.

По-моему это был отцовский фотоаппарат Кодак. Снимок сделан наверное со штатива.

(папа, ты не говоришь о родителях, а вы сфотографированы все вместе: они, ты и твой младший брат Олег, который умер в детстве от дифтерии и оставил мне только имя. наверное, мне следовало что-то спросить, но меня слишком занимало пространство за фотографией, тайна того, что лежит у самых границ твоей памяти и куда мне не заглянуть. а ведь я помню эту фотографию с детства и меня всегда волновало, а что там, за)

3. Я (но не только)

не помню сколько мне лет
но мне нравится фотография
нравлюсь на ней я
сижу на берегу
положив руку на колено
снимок сделан в профиль
у меня тонкие руки
футболка и брюки клеш
я знаю что это на озере
в пансионате
озеро Увильды
я впервые написал это слово

хотя много раз говорил
а теперь непривычное
Увильды
нас возил туда дед на своих жигулях я все еще помню их запах
другие названия:
город Дальний – там родился отец.
город Мукден – там родился дед.
Лу Синь-лу, 62 – адрес в Дальнем, где они жили.

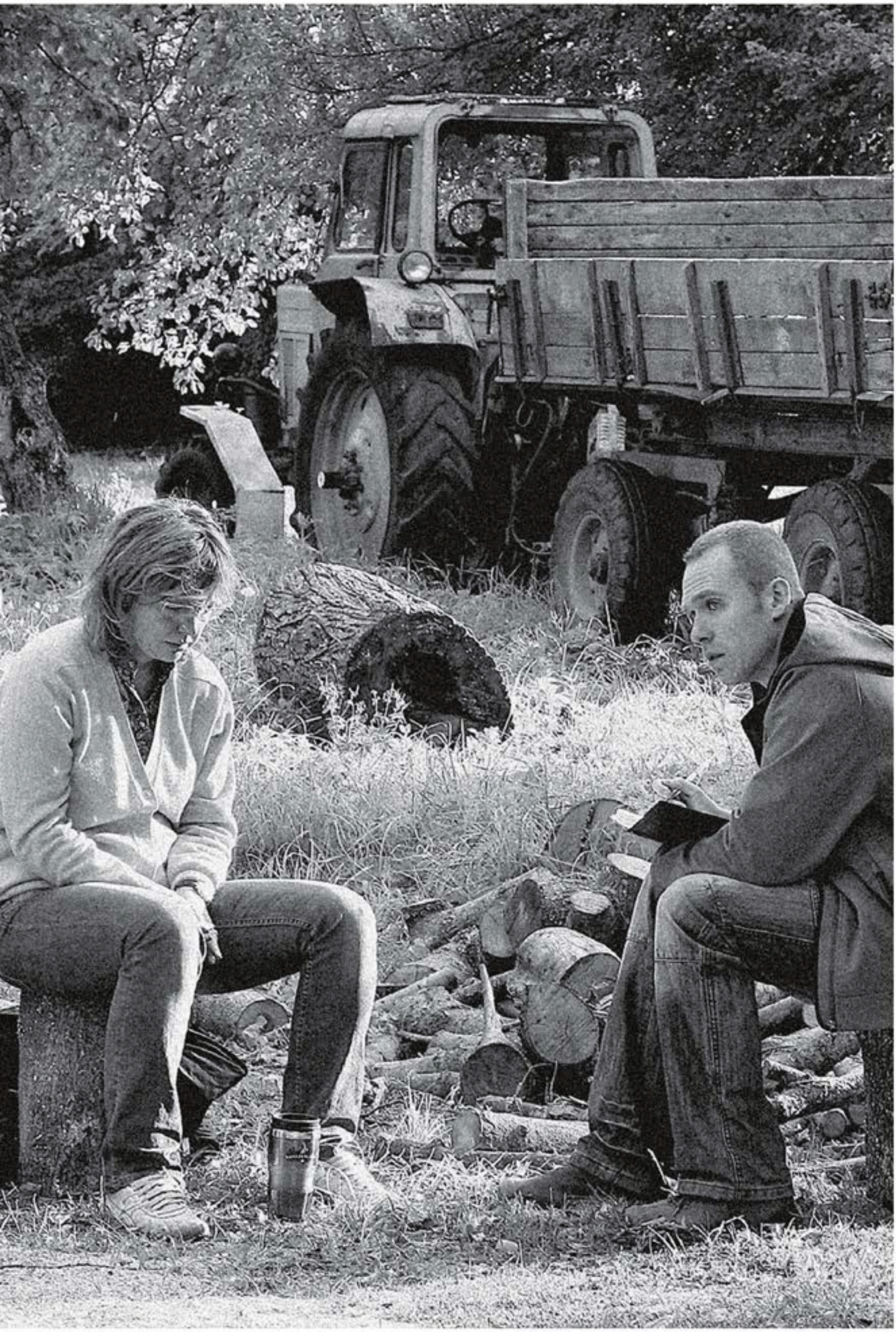
Он указан в автобиографии деда, написанной перед переездом в СССР.

Деда уже нет, но вот что он написал на теперь пожелтевшей бумаге:

По вступлению в Маньчжурию частей Красной Армии – с 6 сентября 1946 г. по 24 октября 1946 г. работал техническим переводчиком в Телефоно-Телеграфном Управлении г. Чанчунь (Чаньчуньская Зона Связи К.А.). В конце октября вернулся в г. Дальний к месту жительства родителей, прибывших в г. Дальний еще в 1935 г.

а я-маленький сижу на берегу и не знаю
что дед умеет говорить по-китайски
и по-японски немного
не знаю о его изменах
и о будущих своих
когда я пишу это меня тошнит как в тех «жигулях»
тогда приходилось останавливаться выходить
мама держала меня чтобы я отдышался
клетчатая рубашка на ней
мама я не рассказал тебе что я видел
когда работал санитаром
старуха сидела посреди больничного коридора
в шелухе желтоватого белья
которое счистила с себя словно была луковицей
а все просто ходили мимо
и когда мы отдали бабушку в больницу
я-то знал о той старухе
и как все будут мимо ходить
но я-давным-давно
я-на-берегу
еще не знал ничего
Увильды родниковое озеро
прозрачное очень холодное
большие шахматы над обрывом
сосны по которым я лазал
мое детство это деревья
и я-обезьянка
вот что я помню
в нашем дворе был детский сад
мы пробирались туда перелезали через забор

и играли в индейцев
одно дерево росло рядом с сараем
по нему мы забирались на крышу
разбирали шифер
воровали там всякое
мы-индейцы какую-то ерунду
рейки чтобы из них делать стрелы
а пацаны постарше крали велосипеды
из-за этого дерево вскоре спилили
а сарай стоит до сих пор
хотя последний раз я был в том дворе
когда ездил на похороны деда
но что там могло измениться
ведь это место не где-то
скорее когда-то
я-путешественник
неподвижно сидящий на берегу
в замочной скважине времени
в 3D-измерении
в фантастическом фильме
про 2014 год ✦



Кристина Матвиенко

НОВЫЕ ДРАМАТУРГИ ДЛЯ «НОВОЙ ДРАМЫ»

То, что сегодня в драматургию и сценаристику активно приходят новые авторы, во многом результат размывания системы прихода в профессию, случившегося еще в конце 1990-х. Именно тогда на двух разных территориях – в театре и в кино – исчезла значимость прежних стандартов обучения. Перелом отделил целую эпоху, когда сценаристов учили быть «мясом» для кинопроизводства, от времени, когда нивелировалось желание встроиться в стандарт: это просто перестало быть интересным и полезным.

Параллельно с разрушением привычной системы ценностей складывалась телесериальная жизнь, привлекшая к работе над сценариями и «парвеню», устанавливавших по ходу дела свои порядки. Телесериалы стали прибежищем для тех, кто был журналистом или «младодраматургом» без опыта театрального рабства, и для тех, кто вообще впервые в жизни стал писать что-то «для кино», – не удивительно, что именно эти авторы стали писать по-своему, а не по стандарту. Драматурги шли в авангарде еще и потому, что хорошо справлялись со спецификой маленького экрана, в чем-то идентичного замкнутому театральному пространству с его «единством места». Главным автором сериала Валерии Гай Германики «Школа» (2010), взорвавшего все привычные телевизионные правила, была драматург из Киева Наталья Ворожбит, удачно транспонировавшая свой опыт работы над пьесой про девочек из спортинтерната «Галка Моталко» (2001).

Т р е н е р. Что за запах, Света? Я спрашиваю, что за запах?

К о м е т а. Духи.

Т р е н е р. Я идиот?

←
Фекла Толстая и Евгений Казачков в лаборатории Михаила Угарова
Фото Михаила Кудряшова

К о м е т а. Ну я не знаю!

Т р е н е р. Здесь курили!

К о м е т а. Не, ну что вы такое говорите! Не, ну вы приколист, Андрей Николаевич!

Тренер достает из-за шторы пепельницу. Гневно сотрясает. Комета моментально в рыд.

К о м е т а. Ножи пришли вчера вечером, я им не разрешала, а они все равно. Вы же знаете, какие они наглые.

Т р е н е р. Конкретно, фамилии!

К о м е т а. Не кричите на меня!

Т р е н е р. Я говорю – фамилии кривоногих дебилов!

К о м е т а. Потому что, если вы будете на меня кричать, у меня опять срыв будет, а через неделю соревнования. (Рыдает.)

Еще одним автором «Школы» был Юрий Клавдиев, харизматик «новой драмы», за плечами которого к этому времени уже была работа над такими поддержанными профессиональной средой фильмами, как «Кремень» (2007) Алексея Мизгирева и «Все умрут, а я останусь» (2008) Валерии Гай Германики. Клавдиев исключительно одарен умением, как выразился петербургский режиссер Алексей Слюсарчук, «точно организовывать лексикой психологические признаки персонажей».

Из пьесы «Медленный меч»

В л а д. Послушайте!..

Т а к с и с т. Что?

В л а д. Можно музыку поменять?

Т а к с и с т. Можно.

Выключает радио. Пауза.

В л а д. Эй?

Т а к с и с т. Да?

В л а д. Я не сказал – выключить совсем. Я попросил поменять…

Т а к с и с т. А что еще слушать-то? Мне больше ничего не нравится…

В л а д. Вот всегда хотел спросить – что такого в этом шансоне вашем?

Т а к с и с т. Почему моем?

В л а д. Ну, я сколько езжу – его только водители слушают в основном.

Т а к с и с т. Ничего подобного. У меня все друзья слушают. Они не все водилы.

В л а д. Вот кстати – а кто у вас друзья?

Т а к с и с т. Нормальные мужики… просто люди, так как-то…

В л а д. И все слушают шансон?

Т а к с и с т. Ну да… а что еще слушать-то? Попсу, что ль? Что мы – идиоты совсем, что ли?

В л а д. А кроме попсы?

Т а к с и с т. Не, это рок, я это никак… уши устают. Мне весь день наворачивать по городу – прикинь?

В л а д. Ну?

Т а к с и с т. Вот и ну… мне если в уши всю смену срать вот так, громко – я офигеть могу. А мне нельзя.

В л а д. Клиент пострадает?

Т а к с и с т. Да что клиент – клиент лег в больницу, и всё. На человека наехать могу – а у людей не у всех есть деньги по-нынешнему в больницах лежать.

В л а д. А у клиентов есть?

Т а к с и с т. Ну, в такси сел – значит, есть. У кого нет – те на автобусах катаются.

В л а д. Логично.

Т а к с и с т. Нутк…

Пауза.

В л а д. А дома тоже шансон слушаешь?

Т а к с и с т. А что? Слушаю. Я ж тебе уже говорил – а что слушать-то? Или ты слишком это… слишком изящный, что ли? Правду не любишь?

В л а д. Это шансон – правда?

Т а к с и с т. А, что ли, нет? Нормальные мужики нормально рассказывают. Что, как, все дела… Кто тебе еще так скажет? Путин по телевизору? Он и на жизнь так же смотрит…

В л а д. Как?

Т а к с и с т. По телевизору!

Довершили строительство новой системы ценностей большие компании типа «Амедиа», которые стали возить в Россию иностранных гуру от сценаристики. Мастер-классы с убедительными заклинаниями про четыре акта и два перелома, магией поворотов и «крючков», фетишем форматирования «американской лесенкой», несомненно, повлияли на профессию. В результате образовалось целое сообщество людей, которые вняли призыву «лучше синица в руках, чем журавль в небе» – лучше работать на телек сегодня, чем писать для полного метра, который, быть может, не случится никогда. Платные кружки по обучению правилам сценаристики стали обыденностью, и даже если определенный процент прошедших через их сито людей так и не стали авторами, критическая масса скопилась – и стала кадровой реальностью студий, снимающих телесериалы. Ритуализация пришедших с Запада техник смешалась с отсутствием профессионального диплома, свободой от обязательной грамотности и одновременно с практическим освоением профессии вышедшими из ниоткуда новыми специалистами. Так ВГИК потерял лицензию на мыловарение.

В параллель со становлением телеэры складывалась система артхауса, или, как его стали называть в 2000-е, «фестивального кино». Туда и пришли люди, не имевшие опыта привычного послушания, но

писавшие на свой лад, в том числе авторы «новой драмы», начиная с Кирилла Серебренникова («Изображая жертву» по пьесе-сценарию Владимира и Олега Пресняковых, 2006), Ивана Вырыпаева («Эйфория» по своему же сценарию, 2006) и Василия Сигарева («Волчок» по своей же пьесе-сценарию, 2009). Так разрушилось представление о том, что есть одна страна, одно кино, один ВГИК. Взамен появились и окрепли хаотично сложившиеся технологии и представления о том, чему нужно учиться.

Одной из органично родившихся школ, а точнее, местом для получения опыта и его опробования на стыке театра и кино стала «новая драма» и круг «Театра.doc», где в 2004 году вела занятия Людмила Петрушевская, проходил фестиваль «Кинотеатр.doc», привлекший внимание к ученикам Марины Разбежкиной, и сложилось сообщество новых авторов, использовавших владение приемами театральной документалистики в написании сценариев для кино. На почве внимания к языку родилась целая генерация драматургов и сценаристов, получивших доступ и к кино, и к телевидению: они исповедуют следование за логикой подлинной живой человеческой речи и отказываются от искусственного конструирования сюжетов. Логика Павла Пряжко, отдающего предпочтение тому, что при монтаже выбрасывается в корзину, вслушивающегося в гул времени и пространства, работающего с непосредственностью его выражения через язык и стертую психофизиологию современного человека, *не*взрослого и *не*окультуренного, – вот что оказалось новой повесткой дня.

Марина Разбежкина включила курс сценаристики в свою Школу документального кино и театра.

Марина Разбежкина. Документальному кино сценарий не обязателен. Но в нашей школе мы с первого дня учим режиссеров работать с текстом.

Текст позволяет собрать твои мысли в кулак, позволяет им обрести форму.

Можно долго махать руками в разговоре и даже что-то прояснить, но только записанная речь, записанные мысли дают тебе уверенность в том, что замысел верен.

На мой взгляд, работа над сценарием документального фильма должна происходить так.

Режиссер, а часто он же и сценарист, пишет первую версию сценария, в которой фильм как бы уже снят, а режиссер-сценарист в этом тексте – демиург, потому что он знает то, чего не знает его герой.

Допустим, он знает, что на десятой минуте фильма его герой женится, на двадцатой у него умрет мама, а на тридцатой случится то, что сценаристы называют отложенным событием, а режиссеры попросту кульминацией: герой посадит самолет на болото и спасет пассажиров.

Сценарист в данном случае становится демиургом-гадалкой, предсказательницей, повторяю, герой пока ни сном ни духом…

Конечно, для подобного первичного текста неплохо как следует познакомиться с героем, вникнуть в обстоятельства его жизни и понять,

зачем ты отправляешься с ним в это путешествие, которое в документальном кино может быть чрезвычайно длительным. Ты должен понимать, что твой сценарий будет весьма фантазийным, если герой работает дворником, а у тебя он спасает самолет. Но написав текст исключительно для себя, ты вдруг осознаешь, куда тебе двигаться и куда ты можешь прийти.

Потом, начав съемки, нужно отложить этот текст, засунуть его подальше и следовать за героем. Не приведи бог подстраивать героя под придуманный сценарий. Герой, конечно, может подчиниться, но зритель непременно почувствует, что картина фальшивая и вы пытаетесь выдать игру за реальность.

И только когда фильм снят, вы находите свой первоначальный текст и сверяете его с полученным материалом.

И – о чудо! У вас тридцать процентов совпадений или пятьдесят; сто не бывает, но на то она и жизнь. Значит, приступая к фильму, вы так хорошо понимали своего героя, что предсказали часть событий.

И вот сейчас, перед монтажом, хорошо бы написать новый сценарий. Потому что у вас сто часов материала, а фильм будет длиться не более полутора часов. Вот эти сто часов и есть основание для нового сценария, который будет больше похож на фильм, нежели первая текстовая версия.

Еще я всегда прошу студентов вести дневник с момента рождения замысла фильма, а потом и на съемках. Этот дневник, если студент все-таки не поленился ежедневно записывать свои мысли, тоже становится основой для сценария.

«Синий слесарь», по пьесе Михаила Дурненкова. Режиссеры Михаил Угаров, Руслан Маликов. Театр DOC

«Долгая счастливая жизнь», автор сценария Александр Родионов, Борис Хлебников. Режиссер Борис Хлебников

Зачем вся эта работа? Затем, что текст, написанный и осмысленный, работает с головой студента гораздо эффективнее, нежели необязательный разговор. Уже не первый год замечаю, как абитуриент, предложивший для поступления очень несовершенные тексты, вдруг так «расписывается» во время учебы, что хоть книжку издавай.

Вот почему у нас уже несколько лет сценарное дело – обязательный предмет и ведет его кинодраматург Александр Родионов, а в этом году к нему присоединилась и Любовь Мульменко.

Любовь Мульменко – одна из тех, кто пришел в кино через документальный театр. Сценарист фильмов «Комбинат «Надежда» (2013) Натальи Мещаниновой, «Еще один год» (2014) Оксаны Бычковой, «Как меня зовут» (2014) Нигины Сайфуллаевой; преподает в Школе документального кино и театра Разбежкиной – Угарова.

Любовь Мульменко. Я всегда предупреждаю перед началом лекции, что буду говорить только о своем опыте, а он, во-первых, специфический, а во-вторых, он – чистая практика. Я могу говорить о том, как работаю я сама, о каких-то закономерностях внутри моей частной профессиональной истории, о тактике, выбранной интуитивно. Мой путь – это путь через язык, через постижение в первую очередь речи, письменной и устной, через постижение коммуникации, и я не уверена в том, что это подходит всем.

Учебники для сценаристов обычно сфокусированы на сюжете, на конструировании, на путешествии героя из точки А в точку Б, на «крючках», движках, рычагах и поворотах. Вряд ли я в состоянии изложить сценарную математику более внятно и доходчиво, чем авторы

этих пособий. Поэтому я концентрируюсь на разговоре о героях, о том, как и на каком языке они друг с другом существуют, в какой среде, в каком мире, в каком возрасте.

В общем, на моих лекциях предмет обсуждения – это скорее антропология, лингвистика, этнография, психология, социология, а не теория драматургии. Если речь идет о цикле занятий, а не о разовом выступлении, я обязательно даю упражнения: частично опираюсь на методическую базу Class Act, частично – на семинар театра Royal Court, в котором я однажды участвовала, частично выдумываю задания сама. Мне кажется, что главное – разбудить (или развить) азарт узнавания разных «словариков», которыми оперируют разные люди, когда разговаривают, азарт наблюдения за человеческой судьбой, азарт поиска узловых точек, точек бифуркации, точек невозврата, точек выбора между двумя равными ценностями или, наоборот, двумя равными ужасами, когда человек понимает: что бы он ни выбрал, он будет несчастлив. Другая важная задача – бесконечно расширять (углублять) свой опыт сильных страстей, не бояться зайти слишком далеко в своем страдании или в своем счастье, пользоваться каждой возможностью, чтобы узнавать новое место или новое общество, усложнять и умножать свою биографию, вникать в чужие.

Мне говорили, что есть такая киношкола в Америке, там учатся студенты из самых разных стран. И первое, что делают с ними в этой киношколе, – отправляют на практику в мир, максимально не похожий на тот, откуда приехал студент. Лондонского благополучного парня засылают в крошечную африканскую деревню, а девочку из мексиканской дыры – в Венецию какую-нибудь. Там они должны не просто побывать, а пожить пару месяцев, снимая свою первую работу. Коротко говоря, я – за такой подход. Со мной примерно так все и вышло, когда я каталась то в Сибирь, то на Дальний Восток в документально-театральные экспедиции. Я до сих пор под большим впечатлением от этих поездок, я помню, как стремительно разворачивался передо мной мир и какой он оказался густонаселенный. У меня теперь есть целый корпус сущностей, типов речи, судеб, к которому я обращаюсь, если придумываю героев и истории про них.

В киноработах Мульменко чувствуются сформированные опытом работы в театральной документалистике любовь и внимание к речевым деталям, «редкостям», выламывающим ситуацию из обыденного и помогающим в обыденном увидеть уникальное. Помноженное на как бы документальную манеру съемки, это умение дает эффект экзотичности происходящего, выраженного через слово, а не ситуацию. Собственно, на том стояли многие из театрально-документальных опытов Мульменко и ее товарищей по цеху – драматург дарит нам, зрителям, пропущенное через фильтр актерской характерности ощущение особости языка, его музыкальности и оригинальности. Поэтому же, вероятно, и в фильме Бычковой, и в фильме Сайфуллаевой есть специфическая

статичность ситуаций, внутреннее время которых подсмотрено и сохранено драматургом, – как если бы она поймала в «клетку пьесы» реальность и смотрит, что с ней происходит, – по рецепту Петрушевской.

Кинодраматургии учит Олег Дорман в Московской школе нового кино. Его студентка **Татьяна Кравцова** так описывает занятия: «Скажу честно, если бы у меня был другой учитель, не уверена, что я училась бы. Наши занятия – это не только уроки ремесла, это школа этики, нравственности, высокого слога, прекрасного русского языка!

Начинали с простого – описывали самые яркие зрительные впечатления дня, потом писали диалоги, потом – сцены на заданные темы, потом «заявки» на хорошо известные фильмы, на признанные шедевры киноискусства. После этого начали пробовать писать сценарии короткометражек и наконец сценарии полного метра.

Занятия обычно проходят так. Вначале – речь мастера. Затем кто-то из студентов читает свою работу, другие члены группы ее обсуждают. Последнее слово за мастером. Как правило, от автора и его «шедевра» после обсуждения остается мокрое место. Но это и хорошо. Именно слушая замечания Олега, мы учимся и профессии, и человечности, и философии, и ремеслу критики. Критика всегда жестока, но и деликатна в то же время. После обсуждения остается не ощущение собственной никчемности, а понимание дальнейшего пути.

Мнение коллег не менее важно, но в другом смысле. Слушая замечания людей, обсуждающих одну и ту же историю, убеждаешься в том, что разные зрители, глядя на экран, видят «разные» фильмы. Вместе с этим понимаешь, почему не интересны истории, не затрагивающие глубинные человеческие проблемы. Это поднимает планку требований к самим себе и заставляет отсекать все поверхностное или социально тенденциозное».

Корпус занятий сложился и вокруг новых арт-директоров «Любимовки» Михаила Дурненкова и Евгения Казачкова, вместе работающих на ТВ. У Дурненкова большой опыт работы с театральными режиссерами: спектакли по его оригинальным текстам и сценическим версиям идут в Александринском театре («Изотов» Андрея Могучего), Театре Наций («Фрекен Жюли» Томаса Остермайера), МХТ («Сказка о том, чего мы можем, а чего нет» Марата Гацалова), «Гоголь-центре» («Братья» Алексея Мизгирева) и много где еще. Год назад они вместе с Максимом Курочкиным начали регулярные занятия в «Театре.doc» – с тем, чтобы через своего рода «резиденцию» доводить до ума уже готовые тексты молодых авторов.

Любимовский семинар устроен фактически по принципу play development.

Евгений Казачков. Это не образовательный процесс, в котором «продвинутые» учат начинающих. Это лаборатория, в которой равные помогают

«Кухня». По пьесе Максима Курочкина. Режиссер Людмила Ефимова. Театр СФУ «Шлагбаум»

равным в творческом процессе. Помогают чтением фрагментов пьесы по ролям, реакцией, вопросами, мыслями, живым обсуждением. Никто не предлагает конкретных правок, не придумывает за автора, не критикует, как учеников. Все равны, все доверяют творческому потенциалу друг друга, уважают авторский замысел. Просто некоторым авторам внешние стимулы помогают продвигаться вперед в работе над текстом. Такие вешки на пути: ты знаешь, что через месяц тебе нужно иметь новый фрагмент текста, что его ждут коллеги-профессионалы, что ты получишь обратную связь и стимул работать дальше, возможно, скорректируешь свое ви́дение. Кому-то больше помогает сразу «разминать» текст с режиссером и актерами, кому-то – работать в более плотном графике, например в ситуации, когда ты должен представлять новый фрагмент не раз в месяц, а каждый день. И за десять дней в таком «шоковом» режиме сделать черновой вариант пьесы. Кому-то полезно представлять пьесу, над которой еще идет работа, сразу зрителям – следить за реакцией аудитории, задавать потом вопросы залу. А кто-то вообще не готов посвящать в творческий процесс никого. Ему бы только время и чтобы не отвлекали. И чтобы о зарабатывании денег не думать. Общая исходная идея заключается в том, что драматургам можно и нужно помогать. И поскольку природа театра в любом случае коллективная, то помощь в работе над пьесой тоже может быть коллективной. Формы для этого возможны самые разные, главное, чтобы автор чувствовал, что это действительно то, что подходит именно ему. Будит фантазию, стимулирует к работе, дает силы двигаться дальше.

У нас не классы, а просто встречи. Поэтому у нас нет универсальных художественных целей или задачи следовать трендам. Мы идем от замыслов и намерений самих драматургов. Если они хотят, чтобы был «документализм», участники могут дать фидбэк по поводу того,

ощущается он или нет. Посоветовать что-то для повышения его уровня. Поразмышлять и поговорить об этом.

Если же речь идет в целом о достоверности, правдоподобии, то это, наверное, вневременная вещь. Об этом всегда уместно говорить, даже если мы обсуждаем нереалистическое произведение.

— То есть ваши советы из области «у вас тут было намерение сделать страшно, но не получилось, и мы сейчас подскажем, как этого добиться»?

Евгений Казачков. Да, могут быть и такие, на уровне эмоций и ощущений, которых хотел добиться автор. Но автор может и сам спросить: работает ли эта линия, понятно ли, что вот это связано с этим? Или участники занятий спрашивают автора: а почему же ты не хочешь, чтобы герой и его мотивация стали понятнее? Или: а не кажется ли тебе, что в этом месте ничего не двигается, а могло бы? Или у автора ступор: не знаю, что делать дальше. Страшно, или слишком много идей, или, наоборот, ни одной. Или есть одна, но она кажется «недостойной». Обсуждение узким кругом помогает.

— Имеет ли эта «учеба» отношение к тому, чему вас обучали, скажем, приглашенные зарубежные ТВ-сценаристы?

Евгений Казачков. Ты продолжаешь настаивать на слове «учеба», и кавычки не спасают его от тоталитарного одновекторного звучания. Эти встречи и обсуждения имеют, наверное, отношение ко всему, что несут в багаже опыта и знаний о жизни, искусстве и человеческом восприятии все участники. Сценарные техники и практики тоже полезная в этом смысле вещь. Иногда они применимы в работе над пьесами. Но нужно понимать, что кино- и телеиндустрия все же устроена иначе, чем театр. Автор, который общается с аудиторией через экран и вовлечен в дорогое производство, вынужден более строго относиться к инструментарию, принимать во внимание большее количество специфических правил. В общем, как мы говорим, «неправильная пьеса ценится гораздо выше, чем неправильный сценарий».

В театре коммуникация со зрителем устроена иначе. Она живая, она происходит здесь и сейчас. В театре больше пространства для маневра и эксперимента. Он там даже необходим, чтобы общение авторов, исполнителей и зрителей оставалось живым – а иначе зачем нужен театр?

— А понятие «линия» по отношению к пьесе ты употребляешь от желания «правильности» или просто для удобства?

Евгений Казачков. Это для удобства. Не в смысле «идеальная, канонически выстроенная линия», а в смысле – линия героя, сюжетная линия, тематическая линия. Связанные вещи в развитии. Правильность определяется тем, чего хочет добиться автор, насколько ему это удалось и не выстроил ли он незаметно для себя еще что-то, чего не предполагал.

— То есть эти обсуждения - это такой разговор, он ведется для того, чтобы автор лучше понял сам себя и позволил своему тексту лучше «вылупиться»?

Евгений Казачков. Именно! Просто немного регулярности и постоянный состав участников (на определенный период). Чтобы сам себя понял,

четче определил цели, увидел ловушки, которые в одиночку мог не заметить, обсудил все в обстановке доверия и уважения, но с определенной планкой и требованием вовлеченности. «Высидел» текст и «вылупил», да.

Михаил Дурненков. Это дружелюбное профессиональное обсуждение со своими, где все хотят тебе помочь и никак не ограничивают твою творческую свободу. От своих можно многое вынести, это не травматично и ужасно полезно, потому что люди оценивают с точки зрения своего писательского опыта, делятся писательскими стратегиями.

Потом, когда пьеса готова, мы зовем режиссера, и тот делает читку уже на публике. После читки – обсуждение. Все, больше никаких привилегий у авторов-участников нет.

Главное в этой лаборатории – дать возможность тем драматургам, которые могут обсуждать в процессе работы (таких немного, кстати, и я вот, например, к таким не отношусь, меня сбивает, если в процессе кто-то что-то советует), дать им возможность писать пьесу, постоянно получая советы (фидбэк) от коллег, которым драматург доверяет.

Идеология тут самая простая: помочь автору укрепить его уникальный авторский голос, развить его собственную поэтику. Какой смысл множить безликих профессионалов в театре, где индивидуальность выше технологичности? Это в кино технологии вынуждают нас придерживаться каких-то законов, а театру нарушение традиций только на пользу.

В 2004-м и в 2014-м в Doc проходили семинары Людмилы Петрушевской: на них молодые драматурги (да и просто все желающие) учились технике сочинения ситуаций – через импровизацию и воображение, плотно совмещенные с реальным опытом наблюдения. Один из учеников Петрушевской – не по Doc, а по школе-студии «ШАР» – режиссер анимационного кино Леонид Шмельков рассказывает, как эти знания применяются на практике и чему, собственно, можно было научиться у Петрушевской.

Леонид Шмельков. Прежде всего надо сказать, что мы, конечно, не настоящие сценаристы. Мы учились в школе-студии «ШАР» на режиссеров анимационного кино. И там у нас были занятия с Людмилой Стефановной, а предмет назывался «Психодрама». И главным приобретением для меня в этих занятиях было само общение с Людмилой Стефановной – человеком невероятного таланта, невероятной энергии. Ну а если конкретнее, то у нас было такое простое задание-игра. Мы писали на отдельных бумажках разные слова, клали эти бумажки в шапку, перемешивали и тянули не глядя по две штуки. А потом из этих двух не связанных между собой слов надо было придумать сказку. Причем очень быстро. Один придумывает, другие помогают. Без какой-либо предварительной подготовки. Были и другие разные задания. Но почти всегда похожий метод. Быстро, не тратя время на размышления, начинаешь придумывать. Если получилась дурацкая сказка – не страшно. Можно придумать другую.

«Братья Ч». Автор сценария Елена Гремина. Режиссер Михаил Угаров

Насколько я знаю, такого рода упражнения – это не авторская методика Людмилы Стефановны. Она говорила, что в похожем ключе она сама когда-то занималась в студии Алексея Арбузова.

Еще она рассказывала: когда ее дети были маленькие, вечером перед сном они требовали от нее сказку и она каждый раз рассказывала им новую историю. И я теперь с этим тоже столкнулся. У меня двое детей, и старшая постоянно требует истории. А память у меня хуже работает, чем воображение, поэтому я чаще придумываю, чем рассказываю какую-то существующую.

Кроме занятий с Петрушевской на многих других уроках в «ШАРе» с Ваней Максимовым, Андреем Юрьевичем Хржановским, Алексеем Дёминым и другими мы занимались похожими делами: очень часто надо было что-то быстро придумать, написать, рассказать. И, как мне в итоге кажется, орган, который у нас в голове (или еще где-то, не знаю) отвечает за воображение, придумывание, поддается тренировке. Если каждый день что-то придумывать, то со временем можно научиться делать это быстро и хорошо.

Другой вопрос – о чем и про что ты потом будешь придумывать свои истории. Это зависит уже от конкретного художника и, наверное, обучению не поддается, да и, в общем, в нем не нуждается. Разве что общение с хорошими, большими, яркими людьми тебя в этом плане может как-то настроить, помочь.

Помимо этого у нас, конечно, были и сценарные занятия, где нас учили самой технике написания сценариев. И это тоже полезно. Но я для своих фильмов, если честно, не написал ни одного настоящего сценария, «правильного» сценария. Потому как одно дело текст, а другое – изображение. Ощущения от текста и фильма разные, и иногда просто нет смысла все подробно описывать словами, если в итоге будет

картинка и ощущения от нее будут совершенно другими. Я пишу только коротенькие списочки того, что может произойти, чтобы просто не забыть, иногда сразу с картинкой-кадром. Иногда пишу, чем это пахнет и какая музыка может звучать. И все свои фильмы всегда делаю по своим сюжетам, которые таким образом записываю.

Пока мне не приходилось учить взрослых писать сценарии, мы вместе с Сашей Шадриной и Светой Матросовой проводили занятия с детьми, и хоть иногда это и называлось сценарной мастерской, в общем мы занимались с ними тем же самым, чем с нами занималась Людмила Стефановна, – развитием воображения. Тренировкой нашей внутренней «придумывалки». И у детей это идет гораздо легче, чем у взрослых. У них пока очень мало стереотипов в голове, нет какого-то готового решения или какого-либо образца «правильного» сценария. Взрослым сложнее, но если их растормошить, то тоже получается.

Многие современные авторы принадлежат уральской школе драматургии, или школе Николая Коляды, по инициативе которого в 1994 году в Екатеринбургском театральном институте открылся курс «Драматургия». Колядовские ученики – в диапазоне от Олега Богаева, Василия Сигарева, Александра Архипова, Владимира Зуева до Ярославы Пулинович, Анны Батуриной, Ирины Васьковской, Таи Сапуриной и многих других – на семинарах и постоянных читках-разборах своих текстов в кругу однокурсников прежде всего развивают слух, настраивают его на красоту и причудливость речи. Учатся определенной постановке взгляда, в согласии с колядовским мировоззрением сосредоточенного на жизни тех, кто рядом, – обитателей спальных районов, тесных квартир «панелек» и «хрущевок».

Олег Богаев, автор «Русской народной почты» (премия «Антибукер» 1997 года), преподающий в ЕГТИ и возглавляющий журнал «Урал» – стартовую площадку для многих драматургов, говорит про метод Коляды: «Он дает способ отстранения автора от самого себя. Молодой человек написал пьесу и убежден, что это гениально, и не может увидеть себя со стороны. Коляда что делает? Он вслух читает. И ты, когда его слушаешь – а Коляда невероятно артистичный, – ты видишь свой текст как чужой. Он отдирает от тебя твой текст, присваивает, его читая, и ты видишь все дырки. Это невероятно полезно, потому что свои пьесы драматурги вслух не читают. Так произошло у нас с Сигаревым – он какую-то пьесу написал, а Коляда прочитал вслух».

Валерий Шергин, автор гротесковой комедии «Концлагеристы», раз в неделю приезжает из Екатеринбурга в Ижевск преподавать в местной Школе удмуртской драматургии, организованной Павлом и Инге Зоринespecially при независимом, выросшем из любительского, театре Les Partisans. Пьеса одного из учеников Шергина – Михаила Соловьева, следователя по основной профессии, – попала в программу «Психоночь» «Любимовки»-2014.

Шергин учит людей, которые часто вообще ничего общего с театром не имели, поэтому имеют право на самые простые вопросы: как пьеса выглядит и что это такое? Главный принцип – как и на семинарах Коляды: ученики приносят пьесы, их читают, потом обсуждают.

Валерий Шергин. За первый год курса стало понятно, что нашим ученикам не хватает все-таки базового театрального образования. В Екатеринбурге у Николая Владимировича Коляды мы все-таки учились в театральном институте, и такие предметы, как история театра, история литературы, были огромным плюсом. Поэтому мы просим учащихся делать доклады по истории театра для самих себя – они выбирают любую интересную тему и рассказывают, например, о театре абсурда, комедии дель арте… Ну и разбор пьесы проходит немного иначе – более подробно. Самые удачные читают на зрителя ребята из театра Les Partisans. Это тоже хороший опыт для начинающих драматургов. Конкретные темы мы не задаем, задачи не ставим, главное, чтобы писали. Но, к удивлению своему, я заметил, что на первых порах многие приносили чернуху – тот материал, который часто приписывают уральской школе. Чернуха, порнуха, мрачнуха… Подумал: а почему так? Ведь не просил никто. Никто не сговаривался… А может, это Ижевск такой сейчас, каким раньше, вероятно, был Ебург?

Максим Курочкин. Я не знаю, как писать пьесы. Точнее, не знаю, как писать пьесы, которые мне нравятся. А в написании других не вижу особого смысла. С такой исходной посылкой становиться педагогом лучше ближе к концу игры. А я только втянулся. Отсюда шум и ярость вместо метода.

Вот образец: только один поймет, пойдет далеко, круша обстоятельства жизни, избегая сладких ловушек. Остальные развлекаются. Но это все равно хорошо, так как умрем все, а писать пьесы лучше, чем не писать. Или наоборот: поймет один, последовательно подорвется на всем, круша обстоятельства профессии. Еще раз: зайдет далеко один. (Это преувеличение, но единственная уступка педагогической этике.) Нет прекраснее занятия, чем писать пьесы. Отчаяние, как драматургическая техника, выскочить из собственных умений, перестать понимать, как работает драма, каждый раз собирать ее станки заново, развивая особенности стартового импульса. Трансформация, выход за пределы опыта, помнить о зрителе равнодушном, не заискивать, а давать шанс, быть фриком, пьеса должна помочь прожить день, помочь встать, доползти до зубной щетки, не заискивать, картинка умерла, сочетания слов бесконечны, использовать последние годы, когда мы не понимаем, как работает мозг. Дальше все будет из учебников, вербатим необходим, это вериги и смирение, это нужно дерзким и полезно всем, соитие снимает драму, после пьесы вы должны стать уязвимее, алкоголь в жизни писателя, что бы ни делал – делай другое, все делают ровно то же, что и ты, работа над спектаклем обессмысливает

пьесу, техника контролируемой неизвестности, культура сатисфакции, все девушки внутри пьяные, будущее обессиливает, самоограничение Герберта Уэллса, смерть героя как неудача автора.

Читка пьесы Вячеслава Дурненкова «Сухие завтраки», режиссер Михаил Овчинников. Центр им. Вс. Мейерхольда

Двигаясь разнообразно и без ясно осознанного целеполагания, современная сценаристика и драматургия (а за 2010-е годы эти два рода занятий сильно сблизились, если не срослись) подсказывают все же общий, хотя и смутный, вектор: желание выйти за пределы собственно «искусства», сломать «станок», использовать новый, варварский инструментарий, в своей дикости дающий обещание, что «реальность изображенная» и «реальность-реальность» на короткое мгновение совпадут. Отсюда бесконечные попытки «документировать» жизнь через речь, психофизику человека, обстоятельства времени и места, путешествия в другие миры и прочее, что принес с собой театр «новой драмы» 2000-х. Этим не ограничиваются новые (или обновленные старые) техники – много и другого, тренирующего воображение как особого рода пластичность художнического сознания. Важен же в итоге факт разрушения вертикали профессионального образования, ставящего студентов вузов на одну доску со студентами новых открытых мастерских, – вот это расширение входов в профессию и делает ситуацию вполне уникальной для российского контекста. Даже если максимально далеко пойдут не все, не многие, пусть только один из. ✦

ОПЫТ

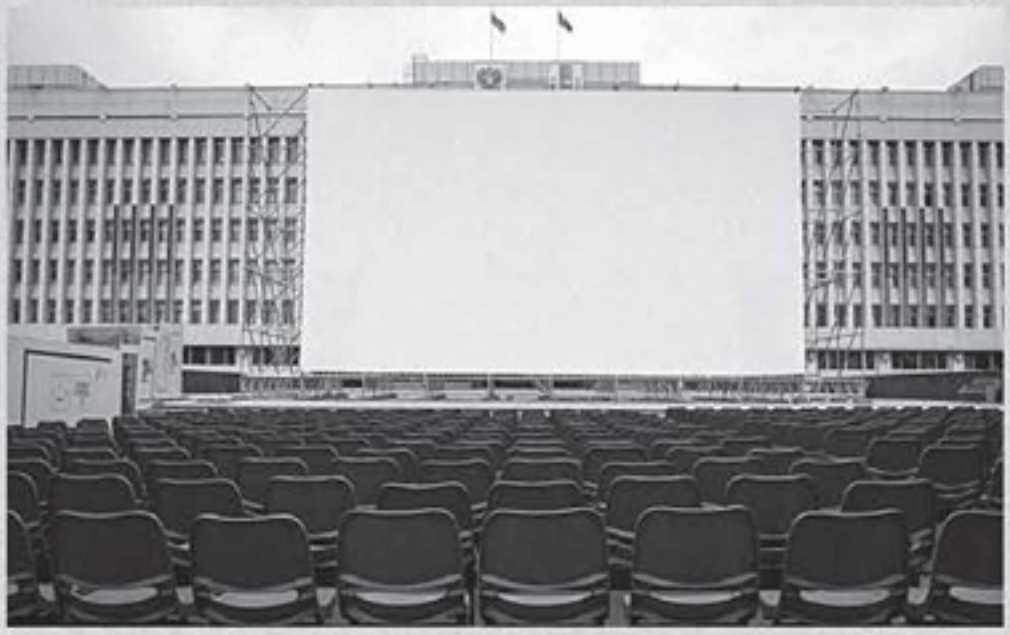
На краю света, в Южно-Сахалинске, проходит кинофестиваль «Край света». Москвичи Алексей Медведев, Алексей Агранович и сахалинец Денис Яньшин организовали в его рамках творческий семинар «Гений места» для тех южносахалинцев, кто любит кино и хочет его снимать. Начать решили со сценарного дела и доверили мне честь его провести.

Писать может каждый. Не потому, что «у каждого есть история», — большинство людей счастливо живут без великих тайн, преступлений, подвигов, и это прекрасная жизнь. Да история и не делает фильм. Это сумма событий, она не снимает вопрос, как показать ее через ткань реального времени, через клочок экранного пространства.

Любительское кино — то, которое увидено сквозь чужой язык и взгляд. Вернее, история, пытающаяся рассказывать себя по образу чужих историй, «косплеящая» настоящие фильмы — и оттого не умеющая быть. Профессионализм не выход из беды любительского кино — он не изменит порочность маршрута, лишь сделает терпимым недостаток содержания.

Сделать кино по своему образу и подобию — вот выход. Бог ведь создал по Своему образу и подобию не ангелов, красивых или ужасных, а человека. Что такое человек? Посмотрите в зеркало и еще лучше в автобусную давку. Это не всегда красиво и часто безлико, но каждый — при любых сходствах — окажется уникальным. Каждый человек уникален не историей, но своим ракурсом. Мы носим с собой наш ракурс — и он творит нашу жизнь.

Может быть, «кризис сценариев», о котором изредка приходится слышать, мы в принципе не решаем профессиональным обучением. Единственное тут качественное спасение — увидеть собственную жизнь, собственный мир так, как видит его камера неигрового фильма, и рассказать, записать его. Тогда сможет быть пойман, отобран, найден уникальный предмет для работы.



Эти тексты не фрагменты сценариев — это фрагменты упражнений, которые участники делали на семинаре и после него. Все эти сцены основаны или на непосредственном наблюдении, или на свидетельском воспоминании, или же на обобщении собственного опыта. В некоторых случаях я просил написать еще сцену или две, связанные событийно с присланной. Иногда просил после этого написать еще и еще. Записывать не истории, а процессы. Не из итога, результата — а изнутри течения ситуации, от сцены к сцене. Чаще всего задание начиналось вопросом, ответом на который был текст. Заданий было много, и, думаю, их следы в достаточной степени сохранились в некоторых публикуемых текстах, не стану докучать вам особым рассказом о них.

Эти молодые южносахалинцы оказались талантливыми и зоркими. Нефтяник Юрий Мишулин, панк-рокер Дмитрий Понизов, юный хозяин ларька Владимир Ильин, член малой церкви Николай Никонов... Журналистки Анна Матвейкина и Елена Опрышко, танцовщица Наталья Карпова и мастер макияжа Анна Ли... Фотограф Алена Цветкова и актер Сергей Шумин... Мария Тумашова, Олеся Бондаренко и Антон Кудрявцев, работы которых — ниже...

Жизнь на краю света очень обыденна и намного менее экзотична и жестка, чем жизнь где-нибудь поближе — в Екатеринбурге ли, в Москве ли. Но я уверен, что единственный способ не сомневаться в ее смысле и ценности — это записать ее из своего ракурса. Тогда он — этот ракурс — станет центром огромного мира.

Александр Родионов

Мария Тумашова

ХОЧУ РАССКАЗАТЬ ВАМ ИСТОРИЮ

Мария ТУМАШОВА

Родилась в 1994 году. По образованию – энергетик. Работает оператором нефтегазовых установок. С 2012 года участвует в работе мастерской «Европеец-Азиат» (участник съемочной группы). Живет в Южно-Сахалинске.

Хочу рассказать вам историю, правда, ее немного трудно писать.

Когда мы подростки, нам хочется казаться иными. Но мы не делаем чего-то отличающего нас, чего-то особенного – мы делаем все так же, как другие, но с большей силой… или глубиной, что ли.

В школе я не любила учиться, не любила людей, меня окружающих, я уже точно знала, что я дура и ни на что не способна. Не общалась с родителями и дружила только с теми, кто так же болен, как мне казалось. В восьмом классе, в какой-то из осенних дней, я со своими одноклассниками, как и всегда, сидела в подъезде, нами уже давно облюбованном, – мы обычно поднимались на последний этаж, и там уже были приготовлены места. Мы купили пива, и не просто пива, а две бутылки двухлитрового «ДВ» красного на троих – как так вышло, но для нас это было в порядке вещей... В итоге сама не помню, как дошла до дома, помню только, что была очень грязная и по дороге точно встречала косые взгляды осуждения. Тихо зашла домой, папа возился в комнате. Я тогда с ним не особо дружила, поэтому прошла без особых любезностей и радости встречи. Я прошла в зал, быстро переоделась. Я не видела интерьер комнаты, новые детали, если такие были, не смогла бы описать даже при большом желании. В голову еще бил алкоголь. Я хотела выйти из комнаты и в дверном проеме встретилась с взглядом папы.

Все, что было в голове, вообще все, что было во мне, все мысли, желания, мигом растворились в этом взгляде. «Ты что, пьяная?» – спросил папа, зная ответ. «Нет», – я просто не знала, что ответить. Дальше я ничего не помню, а может, просто не хочу помнить. Когда я проснулась, на улице было темно. Неяркий свет шел

с кухни, и доносился тихий разговор родителей. Я еще не пришла в себя и легла опять спать. Утром я проснулась опустошенная, заметила огромные синяки у себя на теле, но совсем ничего не болело, все вокруг было слишком напряженное и тихое. Я села на кровати, не зная, что в таких случаях делают и вообще что делать дальше. Папа зашел в комнату – я догадалась, что он станет оправдываться и просить у меня прощения, такое у него лицо было. Я сделала вид, что собираюсь в школу. «Ну и как так получилось? Прости меня». А у меня внутри и обиды не было, вообще ничего. Пустота. «Папа, я совсем чуть-чуть», – мне просто нечего было сказать ему, не хотелось говорить «я тебя прощаю». «Да ладно тебе, чуть-чуть». Он обнял меня, и мне пришлось... Дальше мы не разговаривали опять, потому что мы вообще не говорили. Нам не о чем было.

Может, это про папу. Правда, здесь много как-то.

Не помню, сколько мне было, но точно недостаточно для таких событий. Помню, что это было зимой. Около десяти вечера я возвращалась домой от подруги. Она живет в десяти минутах от моего дома. Как всегда, на дороге было скользко, зато фонари в нашей деревне уже поставили и было светло. Но ни души кругом. Я шла с мыслью, что скоро буду дома и сяду на кровать перед телевизором. Я всеми фибрами души была уже в постели. Сзади медленно ехала машина. Я немного испугалась и боковым зрением попыталась разглядеть, чья это машина. Мы тут все друг друга знаем. Страх мой быстро развеялся, когда я услышала слева: «Маша, ты что ходишь так поздно? Давай подвезу». Я быстро разглядела в темной машине Дениса, друга моего старшего брата Игоря. С ним в машине был еще какой-то молодой человек. Я не боялась Дениса, хотя он и не был примером для подражания. Мои родители всегда ставили его в пример в самом нехорошем смысле. «Ты что, хочешь закончить так, как Перегудов?» Он был наркоман, давно забытый своей семьей. «Ладно», – ответила я и села в машину. «Ты откуда? От Кристины?» – спросил меня Денис, чтобы как-то завести разговор. «Да», – ответила я, не очень-то хотелось разговоры заводить. «Давай мы сейчас в магазин заедем и потом быстро тебя отвезем?» – кажется, он с другом и не отводил взгляда от дороги. «Ладно», – у меня в запасе еще есть целый час, мне к одиннадцати домой, думала я, а у самой, где-то там на втором плане, вертится: зачем я села в эту машину, давно бы дома была.

Мы остановились возле нашего единственного магазина. Во дворе, как ни странно, никого не было. Обычно к вечеру здесь или в самом магазине собиралась толпа молодежи, из года в год так, только поколения сменяются. Когда-то отцы стояли, а теперь их дети или младшие братья. У нас тут обычно совсем нечего делать, хотя до города ехать пятнадцать минут. Они вышли из машины молча, Денис и его друг, мы с ним так и не познакомились. Я сидела в машине минут пять и, кажется, совсем ни о чем не думала. Они вышли из магазина, в руках было по

бутылке лимонада. Странно, думаю, почему лимонад. Они сели в машину, и Денис сразу же повернулся ко мне и достал что-то из кармана. «Будешь?» – показывает беломорину. И его друг соизволил на меня посмотреть, но все испортила его ухмылка. «Нет, не буду, мне домой надо», – сказала я и через минуту уже затягивала травку. Не знаю, как это произошло, или не помню. Мы по кругу пускали эту чертову сигарету и молчали. Они только затягивались и слюнявили прогорающий кончик. В машине жутко воняло. Я уже давно знаю этот запах, но только знала. Курить не пробовала. На улице никого. А над нашей машиной то загорался фонарь, то гас. Я последний раз затянулась и больше не брала.

Денис включил музыку, и они разговаривали о чем-то, но для меня уже далеком. Я откинулась на спинку сиденья и куда-то погружалась – далеко-далеко. Туда, где я еще не была. Мне было запрещено входить в это место. Я уже не слышала, о чем они говорят. Вдруг меня начали пугать резкие покалывания в ногах, которые шли выше до колен, потом в живот, в руки, лицо онемело, и эта волна накрыла меня с головой. Я вышла.

Когда я открыла глаза, не поняла, где я. То ли лес, то ли утро уже, то ли я умерла. Увидела смутно, как друг Дениса смотрит на меня. «Маша, все нормально?! Как ты? А мы хотели тебя уже в лес везти и там оставить». Видимо, он пошутил, но мы точно были где-то почти в лесу. «Да, нормально все», – еле шевеля губами, я все-таки смогла выговорить. «На, попей лучше», – дал мне лимонад Денис, а сам, видимо, еле сдерживает смех. «Ну ты и напугала нас». Я взяла бутылку и изо всех сил пытаюсь открыть. Она была уже открыта, но у меня никак не получалось снять эту проклятую крышку. «Давай сюда, открою», – вызвался мне помочь друг слева. Я еще ощущала колики по всему телу и дрожь, я ужасно замерзла. Надо домой, надо домой, надо домой – твердила я про себя. Впереди на часах еще не было одиннадцати. Мне отдали бутылку. Я попила, и стало намного лучше. Так вот почему лимонад, усмехнулась я где-то внутри себя.

«Ты до дома дойдешь?» – спросил меня Денис. Они оба смотрят на меня и, кажется, как и я, жалеют об этой встрече. «Да, нормально все», – мне стало лучше, но страх не покидал меня. Мы развернулись и так же молча доехали до моего дома. Я открыла дверь. «Ну давай, осторожно. И, наверное, никому не надо говорить о сегодняшнем». Я молча вышла. Ноги трясутся. Страшно, вдруг сейчас все не спят.

Я поднялась на второй этаж. Но мне стало хуже. В глазах плывет, и сердце бешенно бьется. Кажется, оно сейчас сломает грудную клетку. Я глубоко вдохнула и не могла выдохнуть, потому что сердце и грудь невыносимо жгло. Я вошла домой. В зале горел свет и играл телевизор. Видимо, никто не спит. Я быстро прошла в комнату. Села на кровать и принялась снимать одежду, чтобы лечь скорее в кровать. В комнату зашла мама. В шкафу лежали полотенца. «Ты где была?» – мама, как обычно, спросила у меня, роясь в шкафу. Мне стало невыносимо плохо.

«Мама, мне плохо. Я сейчас умру...» – и я заплакала. Мама подбежала ко мне. «Что болит? Ты упала? Головой ударилась?» «Дааа...» – проревела я ей, не зная, что можно было еще сказать. «У меня сердце болит, сейчас разорвет там все», – я уже задыхалась от невозможности дышать. «Быстро давай все снимай, и в кровать. А это что? Ты почему такая ледяная?» Мама от испуга не знала, как себя вести. Я и правда чувствовала телом ее горячие руки, они обжигали, как кипяток. Снаружи тело было ледяное, а внутри все горело до одури.

«Толь, быстро звони в «скорую», Маше плохо». «Что случилось?» – папа прибежал на мамины крики. «Не знаю, вызови «скорую» быстрее». Мама погрела мои ноги руками и укутала в толстое пуховое папино одеяло; как же я люблю это одеяло, подумала я. «Сейчас, подожди, доктор приедет». Она выключила свет в комнате и пошла к папе. В голове я прокручивала цепочку событий и причину. В голове вообще было много картин и раздумий. Видимо, это трава так действует. Мне стало теплее, но сердце сильно билось. Казалось, кровь сейчас вскипит от скорости сердца. Ведь такое бывает, наверное. Я услышала, как кто-то плакал в другой комнате. Может, я слышала, а может, и показалось мне. Но даже если и так, я рада, что все так получилось. В этот момент, когда я задыхалась, а мое сердце рвало мне грудную клетку. Я уже точно не хотела больше никогда в жизни услышать плач моих самых родных.

Вечером мама вязала варежки девушке моего самого младшего брата, они переехали уже к родителям в дом. Папа в такое время садится ужинать, но теперь у нас полноценные семейные ужины. Мы все ждем, пока Сережа и Настя приедут с работы, чтобы всем вместе сесть за стол. Я, папа и мама сидим в комнате мамы, они уже спят раздельно, каждый обвиняет другого, что тот громко храпит, хотя все мы знаем, что они оба ужасно храпят. Всегда обожала родительскую кровать, она заражает аурой сна, как только садишься, хочется утонуть в ней. В детстве я всегда ложилась спать в их кровать, а когда папа шел спать, он относил меня в мою. Мы сидели на кровати, а наш пес, маленький, но очень старый пинчер, сидел у маминых ног, он вообще от нее ни на шаг не отходит. По телевизору шел какой-то очередной русский сериал про полицию и бандитов, родители обожают такие сериалы.

«Покрутите, а то у меня уже руки отваливаются», – мама дала мне и папе по клубку серой пряжи, из которой и мои варежки.

Мама разъединяла большой клубок сдвоенных ниток на два, а мы с папой скручивали.

«Папа, неправильно крутишь, – говорю я, – нужно не нитку на клубок накручивать, а клубок на нитку».

Я лежала поперек кровати между родителями, папа посмотрел на меня. «Посмотрим, кто быстрее скрутит», – сказал он мне, улыбаясь. А я в этот момент совместного дела почувствовала какую-то полноту всего окружающего. Как будто все так и должно быть, но мы до этого так долго шли. ◆

Олеся Бондаренко

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ БЕЗВЫХОДНЫХ СИТУАЦИЙ

Олеся БОНДАРЕНКО

Родилась в 1989 году. По образованию – учёный-экономист. Работает координатором строительства электростанций (нетрадиционная энергетика) на Курильских островах. Руководит волонтерским движением «Больничная клоунада на Сахалине». С 2012 года участвует в работе мастерской «Европеец-Азиат», режиссер короткометражного фильма. Живет в Южно-Сахалинске.

– Мальчик болел неизлечимой генетической болезнью муковисцидоз и умер в возрасте одиннадцати лет. Мой друг.

– Мое основное образование – экономическое.

– Осенью в Южно-Сахалинске листва с деревьев облетает очень быстро, и большую часть сезона деревья стоят голые.

– Я не могу принимать ванну больше пяти-семи минут, потому что моментально повышается давление.

Вечер. За окном уже стемнело. В однокомнатной квартире на журнальном столике горит небольшая лампа. Человек сидит у столика спиной к нам. Мужчина. Двадцати пяти – тридцати лет. Нам пока не видно, но он чем-то увлеченно занят. Это поглощает все его внимание. Он никого не замечает, полностью погрузившись в работу.

Когда мы его обходим, то становится понятно, что так привлекло его. Он собирает самолетики. Маленькие хрупкие железные детальки по всему столу, инструкция, пинцет, высунутый язык.

Несколько разных моделей самолетов в коробочках дожидаются своей очереди. Кропотливая работа ведется над P-51 Mustang. Военный самолет времен второй мировой войны. Он небольшой – примерно 6 на 7 сантиметров. Поэтому в сборке важна четкость, что и показывает всем своим видом этот человек.

И вот пропеллер и шасси на местах – последний штрих нанесен. На лице мужчины появляется улыбка.

Вот он, самолет! Готов! Он прекрасен! Эти мысли читаются на лице мужчины. Он завороженно смотрит на собственное произведение искусства, боясь лишний раз дотронуться до него.

Еще минута – и вот уже самолет вовсю летает по комнате, поддерживаемый одной рукой создателя. Эта детская радость от игрушечного самолетика поражает и умиляет…

Истребитель плавно пикирует на подоконник.

– Алло, Капитошка, это ты?

– Да, привет, Сань! Как дела?

– У меня все хорошо. Вот сижу.

– Ты в больнице или дома?

– В больнице. Папа с Димкой только что вот ушли, приносили PSP, я там у друга брал, чтобы Димка дома на свой PSP перекачал игру.

– Понятно. Что еще делал?

– Да ничё, смотрел телевизор… играл в игры. А вы когда придете?

– Не знаю, Саш, постараемся, как обычно, в субботу. Если тебя домой отправят, ты предупреди, хорошо?

– А ты узнала у волшебника? Он починит?

– Саш, он сказал – посмотрит, пока ничего не обещал.

Капитошка – это я! Клоунский псевдоним. :) До 17:12 – экономист. С 17:30 – учитель английского.

Стемнело. На часах 20:30.

– Алло, Людмила Викторовна, я могу сейчас подойти, в принципе. Просто днем у меня никак на неделе не получится. Да, распечатала, принесу. Как он? Ну ясно, иду.

В мае по вечерам еще совсем не тепло, придется ускориться.

Железный высокий забор из колышков. КПП. За забором детская областная больница. Множество двух- и трехэтажных корпусов хаотично раскинуто по территории.

– Уже прием посетителей окончен, девушка! У нас до семи! – показалась в дверном проеме темная фигура охранника.

– Извините, пожалуйста. Я в педиатрию. Ненадолго. По важному вопросу.

– У каждого вопросы самые важные! Проходи.

В палате необычно светло. Мальчик и бабушка сидят рядом на кровати и просматривают книжку с комиксами.

– О! Привет, Капитошка! Ты так поздно! – поднял голову ребенок.

– Привет, Санечка! Да, в другое время не выходит. Саш, я с бабушкой выйду, поговорю чуть-чуть? А потом что-нибудь поделаем, хорошо?

– Ну-у хорошо, только не долго, – загрустил мальчик.

– Людмила Викторовна, вот, держите.

– Ой, спасибо большое тебе! Завтра же расклею, в Быков еще поеду, там раздам.

– Смотрите, я здесь ваш и свой телефон указала – имейте в виду. Ну как он вообще?

– Да знаешь, вот сегодня хотели ЭКГ сделать, как ты просила, повели его на третий этаж, так у него давление подскочило тут же, а ведь только на площадку вышли! Я не знаю, Леся, как мы его повезем! Он раньше хоть по лестнице мог сам подниматься, а сейчас и пару шагов тяжело сделать. Ну, ЭКГ-то мы постараемся сделать; в палате, говорят, можно попробовать прям, оборудование принесут. Врачи уже все идут нам навстречу, понимают, видимо, что недолго осталось, – на этих словах она начала тереть глаза. – Ой, хоть поплачу, а то при нем сдерживаюсь, конечно, а как курить иду, так реву, как сумасшедшая, не могу остановиться, все лицо вон опухло, страшная такая.

– Людмила Викторовна, все будет хорошо. Министр же сказал, что поможет. Теперь от нас мало что зависит. Будем ждать. Вам покреститься бы.

Захожу домой. На столике в коридоре лежит письмо. Отправитель – экспертный совет Молодежного союза экономистов и финансистов России.

Думаю, ошибка какая-то.

Получатель – Бондаренко Олеся. А нет, не ошибка.

Открываю. Среди прочего большими буквами написано: «Поздравляем! Вы стали обладателем 1-го места в номинации № 47 международного конкурса МСЭФ (Молодежного союза экономистов и финансистов)».

– Ого, – говорю сама себе.

Вспомнила, что дипломный руководитель после защиты отправляла мой диплом куда-то. Я закончила по специальности «мировая экономика», а тема диплома – «Международное инвестиционное сотрудничество в области освоения природных ресурсов страны и региона».

Муж услышал, что я разговариваю с кем-то в коридоре, и вышел ко мне.

– Письмо?

– Я заняла первое место со своим дипломом, смотри!

Внимательно прочитав, он вынес вердикт:

– Тебе может быть не очень приятно, что я скажу сейчас.

– Говори, раз начал.

– Это полная чушь. Еще раз убеждаюсь в том, что экономисты полные дураки. Нет, ну они вообще хоть читали твою работу? Я видел, как ты ее писала, я прочитал ее от корки до корки! Я знаю, что это за работа. Как она могла занять первое место в международном конкурсе?!

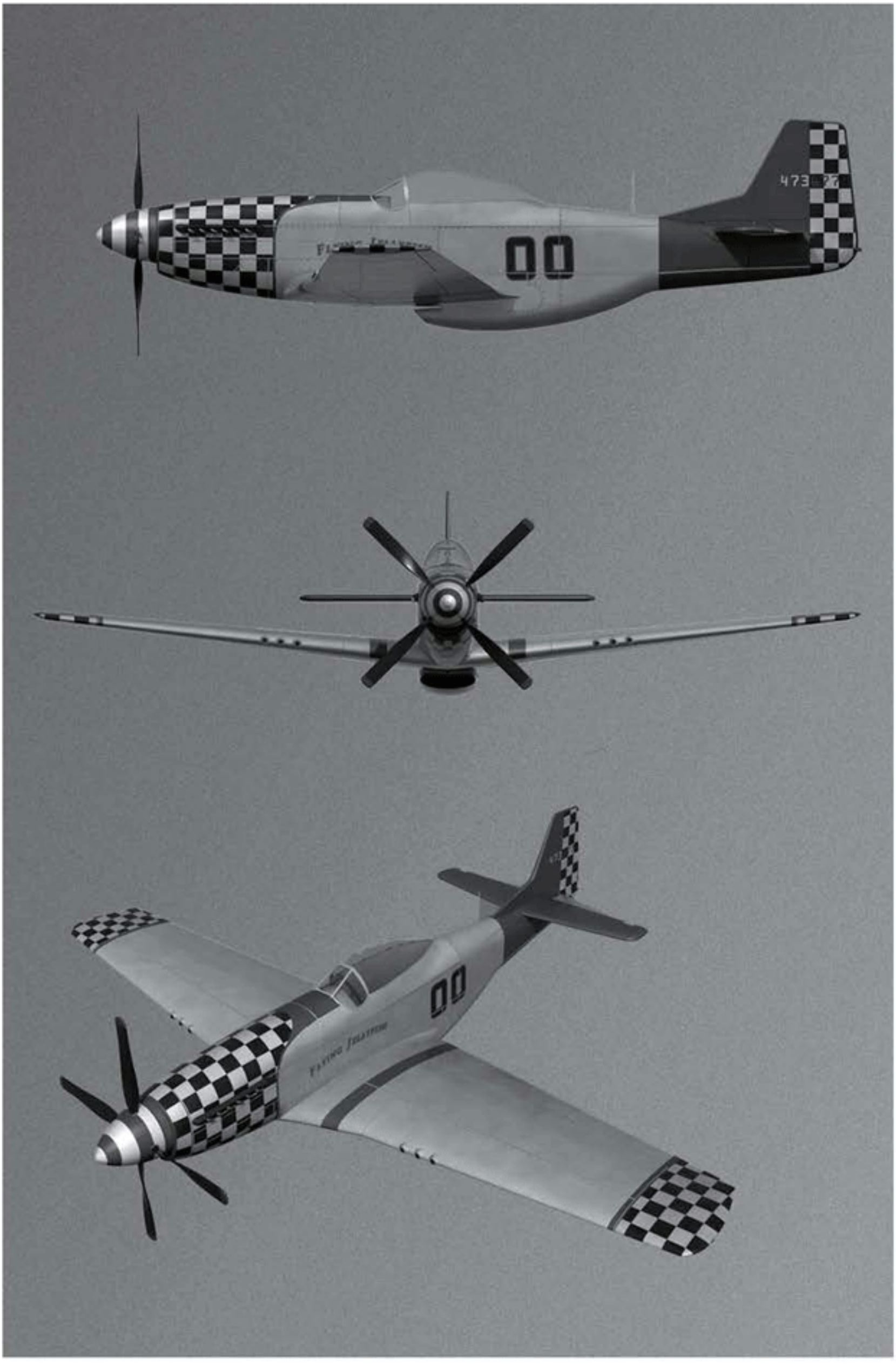
– Да, ты прав, мне не очень приятно.

– Я же говорил. Извини, но просто это действительно так... О! Можно я им напишу письмо с цитатами из твоей работы?

– Ну что за ерунда!

– Извини, извини, это просто глас негодования.

Снежок. Площадь с большой и красивой елкой. Время еще раннее, гуляющих людей не очень много.


00
00

Пять-шесть лошадей, увешанных разнообразными красочными тряпками и лентами, чтобы придать им праздничный вид. Чуть поодаль укутанные с головой хозяева этих животных греются чаем из термоса. Три девушки с красным шариком явно кого-то ждут.

А вон и Сашка! Его несет на руках отец. Рядом смирно шагает младший брат Дима.

Сегодня у Саши день рождения.

– Привет, Капитошка! Привет, Моня! Привет, Ляля! Я уже устал! – выпалил Сашка.

– Здравствуйте, девочки! – говорит папа.

Саша смотрит по сторонам, он уже знает, что сегодня его ждет.

– А мне можно будет покататься? – волнуется Димка.

И вот уже двое мальчишек на пестрых лошадях нарезают круги вокруг елки. Папа старается поспевать за Сашиной лошадью, он держит в руках дыхательный аппарат.

Свет мягко разливается по ковру. Лампа стоит на полу, поэтому дальше свет не распространяется.

На диване по-прежнему сидела девушка, уставившись в стену. Мужчина тоже смотрел куда-то в пустоту, после чего развернулся, надел наушники и стал играть. Вдруг он обернулся.

– Так ты идешь гулять?

– Да, сейчас.

– Иди скорее, а то поздно слишком будет!

– А ты не хочешь со мной?

– Нет, у меня игра только началась, – сказал мужчина, виновато улыбнулся и, отвернувшись, продолжил виртуальный бой.

Девушка продолжала сидеть. На экране компьютера летали самолеты, проносились автоматные очереди… дым, стрельба, война.

Посидев около минуты в тишине, девушка произнесла:

– Я тогда уйду надолго.

– Что? Лесь, я ничего не слышу! – раздраженно сказал мужчина, снимая рывком наушники.

– Я говорю, что пошла! – ответила девушка, немного повышая голос.

– Давай, не задерживайся.

Девушка встала. Не торопясь подошла к окну. Фонари подсвечивали снежную дорогу. Пейзаж поманил ее на улицу. Не медля более, она надела что-то потеплее, сверху пуховик и шапку и стремглав выбежала из дому. Ей очень захотелось свежего воздуха.

– Алло, Катя, здравствуйте! Вы уже подошли?

– Здравствуйте, Олеся! Я уже близко! Я просто тут упала, сейчас отряхнусь и буду на перекрестке. Пять минут!

Обеденное время. Город снова ожил. Машины едут во все стороны. Торопятся. Людей тоже стало больше, чем еще пару часов назад.

Я стою и смотрю на сопки, жду. Вдалеке показалась бордовая куртка. Еще пара минут.

– Ой, здравствуйте еще раз! Извините, что заставила ждать, – запыхавшись, приветствовала меня только что подошедшая женщина.

– Да все хорошо, у меня до двух обед. Вы уже взяли справку?

– Да вот нет, Сережа с утра до ночи работает, а только он может ее взять, так как я-то не родная мать. Вот я предложила ему в четверг с утра отпроситься и сходить – только по четвергам приемный день, – говорила, как бы оправдываясь, женщина.

– Нужно поскорее ее получить, потому что без этой справки вам паспорт будут месяца три делать!

– Да, конечно, я понимаю... Мы обязательно сделаем. Олесь, а куда вообще вы хотите, чтобы мы летели, а то меня вот подруга спросила, а я говорю, да я что-то не знаю даже, говорю, что-то они там нашли... в Израиле, что ли.

– Катя, – улыбаюсь я, – в каком еще Израиле, я же вам рассказывала все подробно, мы хотим отправить документы в клинику Германии, но они даже просто рассматривать не берутся без сканов загранпаспортов... Поэтому самым первым шагом нужно сделать паспорта, еще никто никуда не летит. Я даже не знаю точно, возьмутся ли они за Сашку.

– А, ну теперь ясно.

– Вот семь тысяч, если что-то останется после паспортных процедур, вы, пожалуйста, не тратьте, они нам еще пригодятся.

– Да что вы! Конечно! – спохватилась женщина. – Только паспорта сделаем, и всё.

Больничный коридор. В отделение педиатрии входят два больничных клоуна. Это две девушки. Яркие костюмы. Красный нос. Слева от входа стойка врача. Она кивает им в знак приветствия.

– Мы к Сашке. Можно?

В палате мальчика пожилая женщина. Она выглядит очень уставшей. Под глазами синяки. Однако появление девушек преображает ее, она искренне улыбается и посматривает на внука.

Сашка лежит почти неподвижно.

– Ему не очень хорошо что-то. Жара такая, я вон на окна простыни повесила, хоть полегче дышать стало, – объясняет бабушка.

– Санька, а мы песню тебе приготовили! Давай, Нюха?

Переглянувшись, девушки начинают петь, в такт хлопая себя по коленкам:

– Ничего не чешется, ничего не болит! Ничего не чешется, ничего не болит!

Бабушка заливается смехом. Саша еле-еле улыбается и тут же опять погружается в себя.

– Ну, Санечка, смотри, как весело! Ой, какие вы, девочки, молодцы, как без вас нам тут скучно! А представляете, мать его уже две недели не появлялась, говорит – некогда, да что некогда-то! Сын тут твой!

– Людмила Викторовна, давайте потом про это. Саш! Смотри, что у нас еще есть!

Это был последний раз, когда мы его видели.

В комнате приятный полумрак. На полу лампа с желтым светом. Крутящийся стул. На стуле сидит мужчина, уставившись в монитор. На экране мелькает множество сайтов, открываются и закрываются программы.

– Я думаю, мне нужно уволиться, – звучит женский голос.

Стул медленно и неохотно разворачивается к источнику звука.

– Мне ужасно неинтересно, я чувствую, что это не то, чем я должна заниматься, – продолжает голос.

– А что тебе интересно? – прерывает монолог мужчина.

– Я не знаю.

– Так, может, стоит сначала понять это, а только потом увольняться?

Атмосфера разговора накаляется.

– Мне прямо тошно, я больше не могу... Я теряю время своей жизни. Я уволюсь и буду искать новую работу.

– Так нормальные люди не делают. Ты хочешь вот так вот взять и лишить нас дохода в 35 тысяч ежемесячно?

– Я найду альтернативу. Но просто для того, чтобы пришло что-то новое, нужно убрать старое.

– Бред! Ты потом опять впадешь в депрессию, оттого что не можешь ничего найти! Нужно уходить уже куда-то!

За окном тихо падает снежок. Сегодня хорошая теплая зима, жалко в такую погоду сидеть дома.

– Наверное, ты прав, Вань... Я пойду прогуляюсь. Слишком много мыслей. Они не вмещаются в квартиру.

За окном огромные горы снега. Он очень тяжелый, потому что температура на улице близится к нулю. Снеговиков лепить сейчас самый смак. С сухого и теплого места очень здорово наблюдать за погодными передрягами. Снег и не думает прекращать идти, ведь кое-где еще можно откопать первый этаж, а так быть не должно.

Маленькое уютное помещение. Одна стена стеклянная, за ней ходят люди с кружками и папками. Несколько человек работают за компьютерами. У всех приподнятое настроение.

В стеклянной стене стеклянная дверь. Через эту самую дверь заходит мужчина лет сорока в монашеской рясе.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, я Олеся.

– Отец Виктор.

– А как вас лучше называть? – немного сконфуженно спрашиваю я.

– Да как вам удобно будет, вы православная?

– Да.

– Тогда лучше отец Виктор.

– Хорошо, а вы здесь тоже, чтоб про благотворительное мероприятие рассказать?

– Да, мы уже несколько лет подряд проводим акцию «Сотвори свое чудо». Организуем сбор подарков на площади в течение нескольких дней, а потом едем по детским домам и дарим. Концерт еще, как правило, делаем.

– Здорово! Вы организатор?

– Ну... ну да.

– А в какие дома обычно ездите?

– Ну вот в прошлом году были в Углегорске, Корсакове, Долинске.

– А вы не знаете, какой вот самый обделенный детский дом или реабцентр? Ну просто в Южном многим таким заведениям помогают, а чем дальше, тем меньше им внимания... Может быть, где на севере? В Охе? Невельске?

– Ну, даже не скажу, мне кажется, на каждый дом находятся помощники...

– А вы только под Новый год делаете такое?

– Не только, но под Новый год уже стало традицией. Ведь прообразом Деда Мороза является святой Николай.

– Да? Очень интересно. Поэтому вы уделяете этому особое место?

По коридору, направляясь в нашу сторону, идет красивая молодая женщина. Завидев, что я смотрю на нее, улыбается, отворяет дверь нашей стеклянной комнатки.

– Пойдемте, эфир уже начинается!

Я написала эти сцены почти сразу, как получила письмо, но отложила в черновик, дабы дописать! Но время идет, а у меня дел все больше и больше. Поэтому решила выслать так, как есть, с надеждой дослать уже потом оставшееся!

У нас сейчас осталось четыре дня до акции, а половины подарков еще нет. Вот будем завтра думать-придумывать, как быть, пойдем искать меценатов! =)

Надеюсь, все будет хорошо!

С праздниками! =)

С уважением

Олеся ◆

Антон Кудрявцев

ДЕНЬ, КОГДА Я НЕ ЗНАЛ, ЧТО УВОЛЮСЬ

Антон КУДРЯВЦЕВ

Родился в 1977 году. Служил в армии на Сахалине в войсках ПВО. По образованию – экономист. Работал в сфере маркетинга. В 2004 году открыл свой бизнес, в котором и работает по настоящее время.

Живет в Южно-Сахалинске.

На парковке, как и всегда, было не протолкнуться. Служащие всех компаний, что находились в нашем здании, торопились приткнуть куда-нибудь свою машину.

Я посмотрел на свои позолоченные наручные часы, было уже почти девять. Я нервничал, понимая, что еще чуть-чуть – и подъедут опоздавшие и тогда шансы найти себе место будут равны нулю.

Стоя в очереди на въезд на парковку, нервно отбивая барабанную дробь по обитому кожей рулю, я смотрел на то, как стрелка отсчитывает секунды, приближаясь к девяти часам. Радио без умолку выдавало пустые новости.

Наконец, отыскав место и втиснув машину, я схватил портфель, выскочил и почти бегом помчался к входу в здание. Поднявшись на пятый этаж, я прошел по длинному темному, с дорогой отделкой, коридору. На стенах висели картины с лесными пейзажами, яркими пестрыми цветами, обрамленные в модные разноцветные рамки. Ковровое покрытие сияло чистотой.

Пройдя двадцать шагов, я открыл дверь в кабинет. Войдя, я сразу попал в секретариат. Там за столом сидела полная красивая девушка с длинными светлыми волосами. На ее лице был великолепный макияж. Она уже налила себе чай, включила компьютер и с улыбкой и любопытством что-то там читала. На столе было все аккуратно сложено и разложено. Множество различных сувениров, с любовью расставленных везде, куда только упадет взгляд, календари, кактус, сертификаты, грамоты, непонятная атрибутика в фирменном стиле и, конечно же, «парящая» кружка горячего чая. Все это, в утренних лучах, создавало ощущение уюта и гармонии.

Увидев меня, она улыбнулась, потом повернулась на стуле в мою сторону и сказала:

– Привет, Антон! Опаааздываешь!

Она хитро прищурилась и показала мне свои великолепные зубы.

– Привет, – я тоже улыбнулся. – Шеф у себя?

– Не… Тебе повезло. Но смотрииии! – она откинулась на спинку стула, потянулась и с улыбкой покачала головой. – Я сегодня добрая… Ничего никому не расскажу!

– Да лаадно там! – протянул я. – Танюха, рассказывай сколько хочешь. Я все равно отсюда раньше семи не ухожу. А тут на каких-то пять минут опоздал…

– Все начинают с пяти минут… А потом к обеду приходят. – Глаза ее сверкали. – Радик сегодня, наверное, раньше одиннадцати не появится…

– Почему?

– Забухал-с! – она подняла брови.

– Ха-ха! Да ладно! Я вчера уходил, вроде нормальный был!

– После тебя Ирка приехала с шампусиком, потом пошло-поехало, в итоге все заклубились!

– Нормально, – на моем лице промелькнуло сожаление, – нахрена я тогда так рано ушел!

– А вот-с! Работать надо больше! Вот так! Задержался бы – тоже бы в клубешник с нами бы зарулил.

– Даааа… Блин, а… А кто оплачивал-то? Радик?

– Ну а кто еще!!!

Она раскачивалась на стуле, широко улыбаясь!

– Ну да, действительно, – буркнул я. – Ладно, сейчас подойду.

Я открыл дверь слева, в кабинет, и вошел.

Кабинет был очень большой. Вдоль стен стояли огромные рабочие столы серого цвета. За ними трудились молодые мужчины, хорошо одетые – в официальном стиле. Было совершенно тихо. Все что-то читали или писали. Кто-то сидел с улыбкой, развалившись в кресле и иногда прикладываясь к кружке горячего утреннего чая. Кто-то, скрестив руки на груди, с задумчивым видом уставился в монитор. Кто-то планировал рабочий день, делая записи в рабочую тетрадь.

Я зашел, поздоровался со всеми и направился к своему рабочему месту. Оно было в углу, у окна, рядом с входом. На столе у меня всегда царствовал хаос. С краю перемешанная, в беспорядке куча разнообразных бумаг. Прайс-листы, рекламные буклеты, отчеты, планы, проект-задания, тетради – все было свалено в одну большую кучу. Посреди всего была открыта большая толстая тетрадь с желтыми листами на пружине. Канцелярские принадлежности, аккуратно уложенные в органайзер, стояли в углу. На стене за моей спиной висела большая карта России, густо усеянная красными флажками наших филиалов, приклеенными прямо на названия городов.

Я уселся в свое кресло, включил компьютер, затем с любопытством посмотрел на сотрудников и с улыбкой спросил:

– Ну что??? Кому еще удалось бухнуть вчера?

– А ты что, не был там? – развернулся ко мне и спросил с удивлением парень в очках, сидящий за соседним столом.

– Не… Я в семь ушел. Ты тоже не был?

– Нее...

– Ну вы ребятки про-пе-рушники! – маленький толстый мужчина лет сорока напротив меня, откинувшись в кресле, засмеялся, глядя на нас. – Сидите здесь и даже отдохнуть нормально, по-человечески не можете. Любит вас работа. Ну что ж.

– Ну ты-то, Саныч, конечно, своего не упустил? Да? – смеясь в ответ, сказал я. – Ну и что там было интересного, рассказывай...

– Ну... Вы ребята пролетели, в общем!!! Ха-ха! Короче, Радик набухался, как зюзик, блин! И всех, нафиг, потащил в казино!

– Чё, серьезно? – я открыл рот и сделал круглые глаза.

– Да!!! Прикинь, он их всех в казино за свой счет сводил, – парень в очках со спокойным лицом откинулся в кресле и посмотрел на нас.

– Короче, так! Радик набухался и всем по пять штук на казино выдал... Ха-ха, – толстяк с ухмылкой до ушей продолжал, хвастаясь, рассказывать. – Ира выиграла пятнадцать штук. Прикинь!

– Ни хрена себе, – улыбка слетела с моего лица.

– Охренеть, да??? – парень в очках многозначительно посмотрел на меня.

Дверь открылась, и в кабинет вошла секретарша.

– Чё, Саныч... Рассказываешь им, как повеселился вчера? – обратилась она к толстяку.

– Танюх, а ты что-нибудь выиграла? – спросил у нее парень в очках.

– Кто, я??? Ты что! Да разве такое бывает?! – засмеялась она. – Чтобы я что-то когда-нибудь выиграла?

Пройдя несколько шагов, она плюхнулась на диван.

– Да она все сразу продула, – толстяк продолжал болтать без умолку. – Танюха у нас там тоже вчера отметилась. Ха-ха! Да, Таня? Как сегодня головка? Бо-бо? А?

– А что вы нам не позвонили? – спросил я.

– Во-во... Да не говори, – парень в очках с сочувствием поглядел на меня. – Тут Радик баблом швыряется, могли бы и позвонить.

Пока мы весело болтали, молодой, одетый в хороший дорогой костюм мужчина лет тридцати сидел и с безучастным видом что-то печатал на компьютере. Потом он остановился, посмотрел на нас и с неудовольствием в голосе сказал:

– Вы заколебали... Вы работать будете сегодня или нет?

– Серега, а ты что? Тоже не был там? – спросил я.

– Не, не был, – он уставился обратно в компьютер.

– Серегу бы все равно никто не взял. Ха-ха-ха, – засмеялась Таня-секретарь. – Кому он нужен?

– Да я бы и не пошел, – буркнул в ответ мужчина, не глядя на нее.

– Ну да... Кто бы тебя пустил-то!

Разговор продолжился. Я тем временем встал и вышел в секретариат налить себе чаю. В комнате было светло. За окном по-весеннему солнечно и тепло. Солнце освещало покрытый грязным талым снегом город. По дорогам ездили грязные машины. Дороги были наполнены водой.

Я бросил в кружку пакетик зеленого чая и налил горячей воды из поттера. Пока чай заваривался, я рассматривал улицу в окно. Воздух был чистый. Видна была даже линия синих заснеженных гор на горизонте. Внизу на стоянке дворник чистил дорогу от снежной мокрой каши. Я отошел от окна, вынул из кружки пакетик и выбросил его в урну. Насыпал сахар и вернулся обратно с чаем.

Сделав глоток, я посмотрел вниз и заметил хорошо знакомую черную машину.

– О! А вот и шеф приехал, – негромко сказал я. Сделав еще один глоток, я пошел в кабинет. – Эй, народ… Радик приехал.

Всеобщее веселье сразу, в момент, закончилось. Таня вскочила как ошпаренная с дивана и с напуганным лицом побежала на свое рабочее место. Толстяк Саныч как-то сразу стал серьезным. Улыбка слетела с его лица. Он развернулся к монитору и стал внимательно что-то изучать. Парень в очках вздохнул, встал, подошел к окну, чтобы посмотреть вниз на машину босса. Только трудяга Сергей никак не изменился, он вскользь посмотрел на меня и продолжил работу.

Я сел на свое место, откинулся на спинку кресла и спокойно допил свой утренний чай.

День, когда я понял, что увольняюсь

Я шел своей обычной спокойной и уверенной походкой по проходу пятого этажа, где располагался офис нашей компании. Легкая, едва заметная улыбка застыла на моем лице. В тот момент я был совершенно уверен в себе.

Идя вдоль ряда развешанных на стене картин, я вскользь рассматривал их – такие привычные, по-настоящему украшавшие этот длинный и темный коридор. Вот там возле нашей двери была моя любимая. Я остановился на одну секунду еще раз рассмотреть ее.

Невероятно красивый горный пейзаж. Затерянная в горах бескрайняя долина, цветущая удивительно яркими, наполненными жизнью, сочными красками. Миллионы цветов распустились в сказочный, чудесный весенний день. Голубое небо с пушистыми белыми облаками. Покрытые снегом высокие, острые вершины гор. Табун лошадей, пасущийся на склоне горы, на лугу… Все создавало ощущение безмятежного спокойствия и гармонии.

Я отвел взгляд и сделал шаг по направлению к двери. Рядом с ней на стене висела еще одна моя любимая картина – букет желтых тюльпанов, отдающих солнцем и свежестью, весной и юностью. Они были прекрасны. Я тихонько потрогал пальцами мазки краски на картине. Улыбнулся… Вздохнул… Потом, отведя взгляд, посмотрел на дверь пока что моего офиса. Я разглядывал уже ставший почти родным замок, ручку, которую столько времени открывал, табличку с названием фирмы. Потом вздохнул, выпрямил спину и уверенно вошел внутрь.

За столом в секретариате сидела Таня, наш офис-менеджер. Она что-то печатала на клавиатуре с серьезным выражением лица. Взглянув на меня, она в то же мгновение быстро отвела взгляд и сделала вид, что

очень занята и сосредоточена на своей работе. Я остановился на секунду, а потом молча прошел в свой кабинет. Из всего отдела на месте был только Сергей.

– Ты что, только один пришел с обеда? – спросил я.

– А? Да… – он откинулся на спинку кресла. – Я тут в кафе перекусил. Не поехал никуда… А ты что так рано?

– Да я тоже неподалеку обедал, в «Славянке»… Домой не поехал.

– А что так?

Он сидел, спокойно, с вниманием смотря на меня.

– Да дела, Серега… Дела…

Я сел в свое большое, скрипучее кожаное кресло. Развалился, откинулся на спинку и, забросив руки за голову, с грустью во взгляде стал рассматривать свой стол. Фигурки танцующих слонов с ободряющими остроумными надписями, настольный календарь, весь обклеенный стикерами с различными напоминаниями, денежное дерево с разбросанными по земле монетками, фирменный флажок нашей компании, моя, и только моя, грязная, потертая мышка – взгляд скользил с одного предмета на другой. За окном светило солнце, в секретариате привычно и буднично играло радио. Я посмотрел на Сергея – он все так же молча, с какой-то тревогой и немного исподлобья рассматривал меня. Встретив мой вопросительный взгляд, он отвернулся и уставился в монитор.

Я достал из ящика лист бумаги, положил его на страницу раскрытой тетради, взял ручку и медленно стал писать заявление.

Прошу уволить меня по собственному желанию…

Рука не слушалась, я не верил своим глазам. Закончив, я захлопнул тетрадь и откинулся в кресле. Какое-то время я так и сидел не шелохнувшись.

Вошел Саныч. Пройдя через весь кабинет быстрым шагом, он мельком взглянул на меня и без улыбки на лице поздоровался:

– Привет, Антон!

– Привет, Саша!

Он быстро прошел к своему столу и молча стал вынимать и раскладывать на столе содержимое своего портфеля. Следом за ним вошел Роман, высокий, интеллигентного вида парень в очках. Он прошел на свое место. Сел… Потом, покрутившись, посмотрел на Саныча и спросил у него:

– Это… Сан Саныч, слышишь?

– Да, Ром…

– Ты видел мой лист заказов? Я у тебя на столе его, наверное, оставил.

– Нет, не видел… А что ты у меня его на столе-то оставил?

– Он у меня, Рома, – сказал я. – Вот он!

Я взял со стола лист и протянул ему.

– А, у тебя…

Он подошел молча, взял, стараясь не глядеть мне в глаза, протянутый лист, затем так же молча вернулся на свое место.

В кабинете повисла тишина. Все были заняты рабочими делами. Послеобеденных шуток не было. Не было смеха и шумных разговоров, как обычно бывает в это время.

Покачавшись какое-то время в кресле и собравшись с мыслями, я открыл рабочий стол на компьютере и стал удалять свои файлы. Затем переписал личные документы на диск. Вытащил его, положил в карман. Все мои коллеги в это время с любопытством поглядывали на меня. Никто не проронил ни слова.

В кабинет вошла Таня, подошла к столу Романа.

– Рома, тебя Радик зовет.

– Когда? Сейчас?

– Да… Иди давай, быстрее… Он тебя зовет!

Роман встал, ушел. Таня подошла к дивану и села. Откинувшись, она пристально посмотрела на меня.

– Что, Антон, увольняешься?

Она слегка улыбнулась краешками губ.

– Не знаю, похоже на то…

– Похоже на то?! Когда увольняешься?

– Сегодня, наверное, – я с грустью и улыбкой смотрел на нее. – Но я выставлюсь… Всё как положено. Даже и не сомневайся.

– Ну уж, мы-то надеемся, – засмеялась она.

– А что это ты? – Сергей повернулся в мою сторону.

– Да… Мне хорошее место предложили, – ответил я.

– Ну и правильно. Мы все тоже отсюда скоро свалим нахрен.

Сергей вздохнул и мечтательно поднял брови.

– Заявление-то уже написал? – полюбопытствовала Таня.

– Да, сейчас понесу…

Таня вздохнула, встала и ушла в секретариат. Все сидели в полной тишине. Саныч был чем-то очень занят в своем уголке. Он то печатал, то срочно звонил кому-то и о чем-то с кем-то ожесточенно, с матом, ругался. У него в тот день было очень много работы. Сергей сидел, развалившись в кресле, иногда отвлекаясь на то, чтобы написать кому-нибудь какое-нибудь сообщение в аську, и время от времени любопытным взглядом посматривал на меня.

Я собрал свои вещи в один ящик, убрался на столе. Затем открыл тетрадь и перечитал еще раз свое заявление. Уткнулся лицом в стол и закрыл на несколько секунд глаза.

В кабинет вошел раздраженный Роман. Было видно, что ему серьезно досталось от шефа. Он быстро сел на свое место и тихо, с яростью, прошипел:

– Блин… Радик… Задолбал… – потом посмотрел на меня и продолжил: – Чувствую, скоро тоже уйду, наверное.

Он нервно засмеялся.

– Что такое? – спросил я.

– Даа… Ты сам знаешь

Роман махнул рукой и отвернулся к монитору.

Я посидел еще несколько секунд, потом аккуратно, дрожащими руками, взял заявление. Подержав его с пару секунд, я встал и медленно, с бешенно стучащим сердцем пошел в кабинет к шефу. Все оторвались от своей работы и молча провожали меня взглядом.

Вечеринка по случаю увольнения

Столы были составлены вместе. Бумаги и канцелярские принадлежности переложены на пол. Вокруг столов в беспорядке были расставлены офисные стулья, что использовались для посетителей, а кто-то притащил свои кресла. Окно было раскрыто настежь, и холодным ночным воздухом тянуло по полу. Общий свет был выключен, горела только пара настольных ламп на столах, в углах. Их приглушенный свет создавал ощущение очень дружественной, немного домашней обстановки.

Наш кабинет было не узнать. Если днем здесь была рабочая, деловая обстановка, то теперь все походило на вечеринку подростков, у которых нет денег на приличное кафе. Жалюзи были небрежно сдернуты в угол. Какая-то их часть вывалилась наружу, через открытое нараспашку окно. На подоконнике зачем-то стояла пепельница, хотя все выбрасывали непогашенные окурки на улицу. С улицы доносился шум проезжавших по проспекту машин. А в кабинет заносило дым от постоянно курящих возле окна.

На стоящих посреди кабинета столах царил беспорядок: множество бутылок со спиртным и соком, коробки конфет, дорогой шоколад и всякие закуски, раскрытые и употребляемые прямо из упаковок. В тарелках лежало нарезанное копченое мясо, колбаса, сыр и много наваленных горкой фруктов. Остальное пространство было заставлено одноразовыми зелеными, из тонкой пластмассы, стаканчиками, тарелками и вилками.

Из динамиков, подключенных к компьютеру Романа, громко звучала техномузыка. Роман периодически подбегал к компу, чтобы поставить какой-нибудь свежий хит. Компания друзей иногда требовала, чтобы он поставил что-нибудь попроще, но Роман дипломатично делал вид, что ничего не слышит.

За столом сидели несколько моих прилично подвыпивших коллег. Стоял жуткий шум и гам.

– Таак-с, что у нас здесь?! – приговаривал Саныч.

Он суетился вокруг стола в возбужденном состоянии, то хватал какую-нибудь закуску и клал себе в тарелку, то наливал сок, то с плотно набитым ртом пытался всех перекричать. Этот невысокий, коротко стриженный, слегка толстоватый мужчина, одетый в мешковатую серую футболку и черные брюки, был неестественно для его возраста болтлив и практически всегда весел.

– Саша! Эй, Саныч! – тщетно пытаясь быть услышанным, я махал у него перед носом рукой. – Передай мне колбасу, пожалуйста!

– Чего? Ага, сейчас…

– Знаешь что, Антон!!! – весело кричала мне через стол Таня. – Э-эй! Ты смотри… Как раскрутишься, не забудь про нас! Мы к тебе все на работу пойдем! Возьмешь?

Волосы ее растрепались, а макияж поплыл. Она крутилась на стуле, отчаянно жестикулируя руками с длинными и острыми, как лезвия, ярко-красными ногтями, пытаясь постоянно находиться в центре застолья.

– Да на кой черт мы ему сдались! – перекрикивал ее Саныч, хватая тарелку с колбасой, потом обращаясь ко мне. – На свою колбасу… На, держи… – и продолжал, не дав никому вставить слова: – Мы его за эти годы так, наверное, достали. Он ждет не дождется, когда уже домой уйдет! По-любому! Ха-ха! Я тебе говорю! Да, Серег?

– Что? Да с чего это ты взял?! – пытался я вставить слово.

– Саа-ныч, да помолчии ты! – Таня замахала на него руками. – Дай же ты кому-нибудь слово сказать-то, в конце концов!

Неожиданно Саша, к всеобщему удивлению, замолчал.

– Так у тебя что там? Все железно? – спросил меня Роман, воспользовавшись неожиданно возникшей паузой.

Он сидел на углу стола, развалившись в своем кресле. Нога у него была заброшена на ногу, на американский манер, а руки сплелись за головой. Лицо его было совершенно спокойным. Большие умные глаза за легкими квадратными очками, тонкие губы и аккуратные черты лица говорили о его интеллигентности и незаурядном интеллекте. Одет он был в джинсы и вязаный, в бабушкином стиле, свитер.

– Не знаю. Посмотрим…

– Да какая разница! Все равно надо когда-нибудь начинать! – продолжил Саныч. – Тем более он парень молодой! У него все получится! Я тоже здесь еще немного поработаю и в любом случае что-нибудь открою!

– Кто, ты? Ха-ха! Да что ты сможешь открыть?! Шаурмышечную? – загоготала Таня.

– Почему это сразу шаурмышечную?

– Да потому что ты, кроме пива, открывать ничего не умеешь!

– Аха-ха-ха! – раздался всеобщий хохот.

– Да тебе бы только пожрать и поспать на обеде! – продолжила Таня. – А если бы не Радик, ты вообще бы приходил и прямо с утра тут на диванчике дрыхнул!

– Слышь… Ты!!! – Саныч разозлился. – Вообще, что тебе надо? Чё прикопалась?! А?

– Нечего девушек объедать, – усмехнулся стоящий у окна без пиджака и в расстегнутой рубашке Сергей. – А вообще Саша никогда не обанкротится! Это точно! Потому что сам все съест! Всю свою шаурму, если что!

– Сережа, – хохотала Таня. – Слышь, Серый? Не, ну скажи! Он же сегодня от нас блинчики прятал, скотина этакая!

– Что ты несешь! Какие блинчики! – Саныч сверкал глазами.

– Такие блинчики! Он принес с обеда из столовой блинчики и спрятал их в ящик, под стол, – не унималась Таня. – Что, не так, что ли?

– Да что ты несешь! Аааа?

– Сережа, ты же видел его глаза, когда я тарелку из его рук выхватила! Ой, умора!

– Ну, Танюха, вот ты мерзкая баба, блин… А!

Саныч встал и пошел к окну покурить.

– Да, я такая! А ты что, не знал?!

Все с улыбкой слушали эту перепалку. Когда Саныч отошел к окну, неожиданно наступила тишина. Рома стал расспрашивать меня о новой работе.

– Ну и что? Куда теперь?

– Мне предложили заняться торговлей с Китаем!

– Круто! Ничего не скажешь! – усмехнулся Сергей.

– Это как? – продолжил Рома.

– Двадцать восьмого еду в Гуанчжоу, на выставку. Там надо будет заключить контракты на стройматериалы. СМЛ… Слышали о таком?

– Не-а…

– Это что-то типа гипсокартона. Совсем новая тема. Буду раскручивать по Дальнему Востоку. Мне предлагают процент от прибыли и кресло директора.

– Круто, ничего не скажешь, – вздохнул Роман. – А платить что будут?

– Оклад – двадцать пять, плюс процент от прибыли. А если все раскручу, будет пятьдесят плюс проценты. Вот так, – я вздохнул и с грустью посмотрел на своих друзей. – Если все будет ОК, можем потом вместе что-нибудь открыть.

– Ладно… Давай, Антоха, не забывай про нас.

Рома взял бутылку водки и стал разливать по стопкам.

– Роман!!! Да забудет он про нас! Только выйдет за порог, и всё!

– Саша, не переживай, мы друзья навеки! – я с грустью улыбнулся.

– Так ты в Китай уезжаешь? – спросил Сергей. – Когда?

– На следующей неделе. Офис уже снял. Компанию открыл. Приеду, буду персонал набирать.

– А как называется?

– Айти-инжиниринг.

– Это что за название?! – удивилась Таня. – А почему Айти?

– Таня, да подожди ты, – прошипел Роман, а потом продолжил более спокойно: – Слушай, а Радик как отреагировал?

– Да как… По-уродски!

– Ах! – выдохнула Таня. – Это как?

– Как… Молча. Сидел с недовольной рожей. А потом заулыбался своей козлиной улыбкой, блин. Чё, типа, уволиться решил?! Все изучил, да? – Все затихли, внимательно слушая мой рассказ, а я продолжал: – Говорит, все равно у тебя ничего не получится. Потом еще прибежишь сюда… Просить будешь, чтобы обратно взяли… Сказал, что в продажах я полный ноль и он бы сам меня уволил давно…

– Да, он сука такой, – Роман сделал гримасу ненависти на лице. – Мне вообще говорил, что я тупой… Прикинь, да?! Урод, сука!

– А деньги-то он отдаст?

– Да хрен его знает… – я задумался на секунду. – Ира-то отдаст, наверное… А он ее слушается…

– Ну да… Ирка отдаст по-любому, – заметила Таня.

– А куда уходишь, спрашивал?

– Ну конечно… Я сказал, что мне нужно расти… Что к конкурентам не пойду… А он сказал, чтобы я даже и не думал об этом… А то сам знаю, что будет…

– Вот сука, урод… А! – Роман негодовал.

– Не, а что ты хотел! – Сергей заступился за Радика. – Ты бы на его месте что бы сказал? Иди… Хочешь к ДПО… Хочешь к Балаевой… Всех клиентов с собой забирай! Так, что ли?

– Блин, Серега! Ты вот когда будешь увольняться, вот тогда и расскажешь всем о том, какой хороший Радик!

– Не, Рома… Шефа нельзя ругать. Хороший он или плохой, шеф всегда прав, – сказал серьезно Саныч, стоявший возле окна.

– Да ладно… Черт с ним! – Роман потянулся за сигаретами. – Пойдемте покурим, что ли?! – Потом обратился ко мне: – Антон… Так что там за инвестор-то? Колись!

– Да так… Знакомый один. Но денег дохрена… Там дальнейшее серьезное развитие предполагается. Он хочет серьезно раскрутиться. Вкладывать будет миллионы и миллионы. По крайней мере, так сказал.

– Прикольно! – Таня встала со стула и взяла стопку. – Ты про нас не забывай! Ладно? Антон… Это… Договорились? А? Ты это… Давай не отмалчивайся!

– Таня, ну не забуду, конечно же! Что ты в самом деле…

– Ладно, давайте выпьем! – Рома потянулся за стопкой. – Давайте за нас!

Все встали и дружно подняли стопки.

– Эй, народ… Меня подождите! – Саныч выбросил дымящийся фильтр от сигареты в окно и подошел к столу. – Как это вы тут без меня уже пьете? Алкоголики!

– Да вон… Тебе последняя колбаска осталась, доедай, – засмеялась Таня, – небось проголодался бедненький уже… У окна столько стоял… Накурился хоть?

– Я тебя даже и не слу-ша-ю! За колбаску, конечно, спасибо… Так-с… Где она? Таак-с… Иди сюда… Моя маленькая! Оп!

– Вот он прожорливый, а… Как тебя жена-то терпит, а?

– Жена меня любит… Вот так! А тебя никто никогда и не полюбит! Так и останешься одна… Навсегда! Ха-ха-ха…

– Ой-й…

– Эй… Народ, хорош ругаться, – Роман вставил свое слово. – Давайте уже выпьем!

– Давайте! За нас! – воскликнул Сергей и встал.

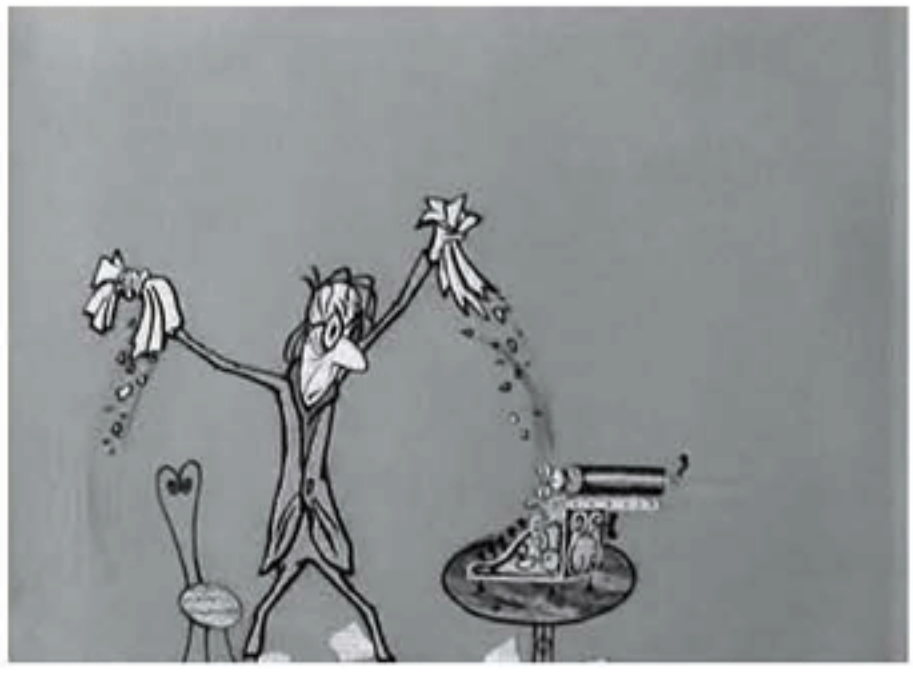
– Антоха, за тебя! – подняла стопку Таня. – Давай! Успехов тебе!

– Спасибо, ребят… За нас… За наш успех! За то, чтобы у нас все получилось так, как мы этого хотим! Нет, даже лучше! Чтобы деньги были всегда! – кричал я.

– Главное – здоровье! – заорал Саныч. – Деньги-то будут!

– Да, конечно… Здоровья нам всем и денег! Много, много и еще раз много денег, и всем!!!

Мы подняли стопки и выпили. ◆



Анна Прийдак

СТАТЬ СЦЕНАРИСТОМ В ЕВРОПЕ

Тот, кто захочет стать сценаристом в Голландии, наверняка столкнется с массой проблем, от финансовых до творческих, но от решения одной он точно будет избавлен – ему не придется долго мучиться, выбирая место обучения. Основных вариантов всего четыре: сценарный факультет Нидерландской кино- и телеакадемии (Nederlandse Film en Televisie Academie, NFTA), Сценарная академия (ScriptAcademy), сценарный факультет Академии писательского мастерства (Schrijversacademie) и Открытая студия (Open Studio). Преподавание везде ведется только на голландском языке.

Между NFTA, двумя другими академиями и студией существуют принципиальные различия. Нидерландская кино- и телеакадемия – это высшее учебное заведение, которое субсидируется государством и регулярно проходит официальную аккредитацию[1]. Открытая студия, Сценарная академия и Академия писательского мастерства – частные инициативы, что, с одной стороны, означает больше свободы

1. О режиссерском факультете NFTA и о высоких требованиях, которые предъявляются в европейских странах к государственным (кино) вузам, я писала в журнале «Искусство кино», 2014, № 6.

и гибкости, а с другой – отсутствие гарантий качества. Они могут быстрее реагировать на требования профессионального сообщества, вносить изменения в программы, приглашать любых преподавателей, но в то же время их не лишат прав предлагать образовательные программы, даже если они будут всего лишь продавать иллюзии приобщения к тонкому мастерству сценариста, не давая практических знаний.

Обучение в NFTA занимает четыре года (три или четыре года – стандартные для Голландии сроки, необходимые для получения степени бакалавра), в Сценарной академии – два года, в Академии писательского искусства – восемнадцать месяцев, а в Открытой студии – одиннадцать месяцев. Цена вопроса в евро: 8000, 14 000, 1750 и 1500 за все время обучения соответственно. При этом только в государственном вузе студент занят сорок часов в неделю. В остальных двух нагрузка значительно меньше: занятия проходят раз в неделю или в две недели.

В Сценарной академии преподают практикующие голландские сценаристы (Гер Бёкенкамп, Мике де Йонг, Роберт Албервингк Тейм), теле- и кинопродюсеры. Первый год обучения состоит из пяти блоков, каждый из которых рассчитан на шесть дней занятий:

- базовый,
- анализ фильмов, структуры и нарастания напряжения,
- анализ персонажей,
- изучение сцен, диалогов и подтекста,
- особенности телесериалов.

Эта программа доступна всем желающим, но на второй курс, где студенты пишут собственные сценарии под руководством мастеров и примерно те же самые предметы изучаются более углубленно, переводят только тех, кого отбирает селекционная комиссия. Опытные сценаристы могут поступить сразу на второй курс, пройдя творческий конкурс.

В Академии писательского мастерства в еще более ускоренном темпе учат писать не только сценарии, но и пьесы, причем приглашаются все желающие, даже те, кто хочет всего лишь сочинить текст для спектакля в районном драмкружке. Программа состоит из четырех вводных блоков:

- развитие собственного стиля,
- анализ структуры различных произведений,
- персонажи и диалоги,
- процесс написания сценария.

Три специализированных блока должны углубить эти знания в выбранном студентом направлении путем детального изучения известных сценариев и поддержать в написании собственного. Интересно, что особое внимание в последнем блоке уделяется изучению законов не киноиндустрии, а книгоиздания. Будущих сценаристов готовят к изданию своих шедевров, а не к поиску возможностей съемок фильмов по их сценариям. Такой выбор академии станет понятен тем, кто узнает, что один из ее основателей – довольно известный в Голландии редактор и издатель Йерун Канс.

Цель Открытой студии – дать студентам знания и навыки, необходимые для подготовки завершенного сценария. Многие идут туда,

чтобы подготовиться к конкурсу в NFTA или в аналогичных вузах Бельгии. Программа, предлагаемая всем желающим, включает в себя разработку концепций сюжетов, которые можно воплотить в фильм; визуализацию; процесс написания сценария, начиная с синопсиса; изучение структуры, различий между сценариями для игровых и документальных фильмов; персонажи и диалоги; анализ целевой группы; работу с социальными сетями и т.д. Особое внимание уделяется менталитету сценариста, который должен быть готов к совместной работе и с режиссером, и с продюсером.

Программа NFTA существенно отличается тем, что в процессе обучения предполагает тесное сотрудничество с будущими коллегами на практике. Из шестидесяти кандидатов, обычно участвующих в творческом конкурсе, Нидерландская кино- и телеакадемия набирает на сценарный факультет шесть-восемь человек. В результате селекции кандидатов на этот и остальные факультеты из студентов формируют творческие группы, которые постоянно снимают фильмы или отрывки по сценариям однокурсников или тех, кто учится на старших курсах. Таким образом, никто не пишет «в стол» и как плюсы, так и минусы продукта становятся очевидны в процессе съемок. Преподаватели моделируют ситуации, которые возникают на съемочных площадках, помогают решать разного рода проблемы и используют студенческие материалы на теоретических и практических занятиях. Студенты всех факультетов совместно изучают теоретические предметы: историю кино, телевидения и культуры, а также драматургию. Специализация начинается со второго курса, но монтажом и анализом фильмов все продолжают заниматься вместе.

Еще одно отличие состоит в том, что в соответствии с требованиями Болонской конвенции к высшему образованию в Европе программа обучения включает в себя предметы, которые выбирают студенты. У них есть возможность изучать музыку, графику, историю искусств, маркетинг, основы бизнеса и многое другое, что может пригодиться в будущем. Обязательная стажировка – дополнительное условие получения диплома бакалавра. Студенты сами, но с помощью преподавателей, должны найти себе подходящее место. Их усилия не уходят в песок, и 78 процентов выпускников получают работу по специальности сразу после защиты дипломного проекта.

С дипломом или без голландские сценаристы могут претендовать на различные гранты. Основной их источник – Кинофонд, который поддерживает как начинающих, так и опытных специалистов. В 2014 году все гранты для молодых сценаристов были поделены между выпускниками NFTA. Одному из них, Самми Рейнарту, вместе с режиссером Эхе Янга, тоже выпускником NFTA, удалось получить сразу два гранта – на сценарии к пятидесятиминутному и девяностоминутному фильмам. Путь Рейнарта к сценарному факультету был непростым, как и у большинства однокурсников: хотя среди них и бывают вчерашние школьники, большинство успело попутешествовать и поработать. Самми не окончил даже гимназию, сменил не одно место работы, два года жил в Индонезии, где случайно прочитал несколько опубликованных сценариев. Вернувшись в Голландию,

он поступил в Открытую студию, где и написал собственный сценарий для творческого конкурса.

Независимо от полученного образования, голландский сценарист должен быть готов к нелегкой жизни, даже если ему достаются гранты. По результатам недавнего исследования, профинансированного Евросоюзом, его средний заработок будет на треть ниже, чем у европейских коллег, и не превысит 22 000 евро в год до вычета налогов. Для сравнения: средняя зарплата работающих голландцев составляет 34 500 евро в год (http://www.gemiddeld-inkomen.nl/modaal-inkomen-2014). Причиной низких доходов считается традиция выплачивать сценаристам единовременный гонорар вместо роялти, против которой профессиональное сообщество сейчас ведет активную кампанию. ✦

При подготовке этой части статьи были использованы материалы сайтов:
http://www.ahk.nl/filmacademie/opleidingen/scenario/
http://www.nbf.nl/2013/11/22/nederlandse-scenarioschrijvers-luiden-noodklok
http://www.scriptacademy.nl/
http://www.schrijversacademie.nl/opleidingen/scenario-schrijven/
http://www.openstudio.nl/

Система образования в Великобритании сложилась таким образом, что родному языку и литературе там уделяется много времени и внимания. Среди успешных банкиров, издателей, рекламщиков и представителей других профессий можно найти выпускников факультетов английского языка и литературы, поскольку эта специализация считается прочным фундаментом для развития в самых разных направлениях. Не являются исключением

и сценаристы, в том числе и известные, например Ричард Кёртис. Впрочем, в англоязычных странах выбор и специализированных программ для тех, кто собирается связать свою жизнь с кино, исключительно разнообразен.

На изучение всех проспектов курсов, бакалаврских и магистерских программ понадобится, пожалуй, почти столько же времени, сколько и на получение самого образования. В то же время на английских форумах и блогах экспертные мнения на эту тему часто сводятся к тому, что поступление в вуз для будущих сценаристов – это лишь способ элегантно залезть в карман к родителям или, наоборот, обзавестись долгами. Пребывание в определенном здании в течение какого-либо промежутка времени нисколько не поможет вам добиться успеха в кино. Когда вы пришлете сценарий продюсеру, он будет читать его, а не текст, напечатанный в вашем дипломе. Ваше резюме может лишь подтолкнуть адресата взять в руки продукт вашего творчества, но дальше все зависит от качества написанного. Зритель досмотрит фильм, только если ему будет интересно, что произойдет на экране дальше, и он никогда не узнает, где вы учились. Впрочем, несколько лет, проведенных вместе с будущими коллегами, как и общение с представителями киносообщества, несомненно, помогут вам обзавестись пулом доступных критиков и списком тех, кому стоит посылать готовые сценарии.

Если вы решились сесть за парту, как и в любой другой стране, для начала придется определиться с тем, собираетесь ли вы получать официально признанную степень бакалавра или магистра или вам достаточно знаний и навыков, не подтвержденных дипломом государственного образца. И те и другие программы в наиболее качественном и престижном варианте предлагает Национальная школа кино и телевидения (National Film and Television School, NFTS). Возглавляет ее Ник Пауэлл, основатель корпорации Virgin и продюсер «Жестокой игры» Нила Джордана. Среди выпускников NFTS создатель Уоллеса и Громита Ник Парк, оператор первых фильмов Тарантино Анджей Секула, режиссер четырех фильмов про Гарри Поттера Дэвид Йейтс.

Те, кому (пока) не нужна степень, или желающие получить профессиональную помощь в подготовке сценария для творческого конкурса или отправки продюсерам могут пройти восьмидневные интенсивные курсы. Основное внимание преподаватели уделяют структуре повествования, развитию сюжета, характеристикам персонажей, образам и звукам. Занятия проводятся по таким темам, как анализ структуры различных фильмов и деконструкция сценария. Даются практические советы по написанию синопсиса, форме и презентации сценария, а также организуются встречи с известными сценаристами и обмен опытом.

Желающие поступить на курсы должны прислать описание идеи будущего сценария на двух страницах или отрывок из готового сценария. Занятия проводятся в группах по пятнадцать человек и стоят 750 фунтов.

Для редакторов, продюсеров и сценаристов или для тех, кто только собирается ими стать, NFTS в сотрудничестве с BBC, SonyTV, StudioCanal и DramaSky разработала шестнадцатимесячную программу доработки

сценариев. Тридцать занятий по два часа и несколько учебных уикендов спланированы таким образом, что их можно посещать без отрыва от работы. Студенты должны также заниматься самостоятельно и подготовить сценарий в сотрудничестве с профессиональным сценаристом. В программу входят:

- теория жанров и повествования,
- анализ и рецензирование сценариев,
- проведение совещаний по доработке сценариев,
- юридические аспекты доработок,
- маркетинг и дистрибьюция,
- роль международных фестивалей,
- встречи с профессионалами.

Кандидаты должны предоставить рецензию (500 слов) на сценарий по собственному выбору. Цена обучения – 5000 фунтов.

Самый дорогой вариант – официально аккредитованная магистерская программа, за которую негражданам стран Евросоюза придется выложить 25 000 фунтов. Эта сумма обеспечит возможность учиться писать сценарии под руководством Саймона Бофоя (сценарист, номинированный на премию «Оскар» за лучший оригинальный сценарий к фильму «Мужской стриптиз» и оскаровский лауреат за лучший адаптированный сценарий к фильму «Миллионер из трущоб»), Клайва Бредли (автор сериалов «Воскрешая мертвых» и «Карьера продажной женщины»), Роба Ричи (бывший завлит Royal Court Theatre) и многих других серьезных профессионалов. Занятия проходят не только в аудиториях, но и на киностудии и на театральных подмостках, где по сценариям студентов снимаются учебные фильмы, мультфильмы и ставятся спектакли. Туда же приглашают агентов, продюсеров и режиссеров, чтобы они могли дать советы и познакомиться с будущими авторами кинохитов. Программа второго курса частично составляется в соответствии с пожеланиями студентов и может включать в себя написание сценариев в определенных жанрах, для радиопостановок, документальных фильмов и т.п. Абитуриентов ожидает творческий конкурс, на который нужно прислать сценарий или отрывок из него (20 страниц), что может быть заменено на кусок из другого произведения собственного сочинения и синопсис сценария. Все эти программы носят практический характер и этим отличаются от университетских.

Классический пример академической программы, ведущей к степени бакалавра, – «Искусство кино и сценарное мастерство» в университете «Хэллем» в Шеффилде. Важное место отводится изучению фильмов всевозможных жанров и периодов из разных стран, для чего в университете оборудован специальный кинотеатр, где можно смотреть кино на оригинальной пленке, и собрана впечатляющая фильмотека. Студенты имеют также доступ к киноколлекции Британского киноинститута. Помимо истории кино изучаются следующие предметы:

- анализ фильмов,
- сцена и экран,
- повествование в кино,

- написание и продажа сценария,
- роль сценариста в киноиндустрии
  и другие.

Стоимость обучения в год для граждан России и других стран, не входящих в Евросоюз, составляет 11 500 фунтов в год; продолжительность обучения – три года. Поступить можно, пройдя конкурс эссе и имея необходимый аттестат о среднем образовании английского образца. К взрослым абитуриентам могут быть предъявлены более гибкие требования.

После – или вместо – получения образования вы можете начать рассылать свои сценарии, не рассчитывая на положительный ответ и тем более на доходы в первые три-пять лет. В течение этого времени надо продолжать оттачивать мастерство и готовить новые работы. Эксперты советуют начать с «комнаты писателей» BBC (http://www.bbc.co.uk/writersroom/). В этом разделе сайта можно предложить свой сценарий (только если вы живете в Соединенном Королевстве), а также ознакомиться с некоторыми сценариями английских фильмов, получить рекомендации и узнать расписание полезных мероприятий (мастер-классов, конкурсов, презентаций и т.д.).

Счастливчики, которых ожидают гонорары, могут рассчитывать примерно на 1–2 процента от бюджета фильма, что для нашедших свою нишу профессионалов означает в среднем 150 000 фунтов за фильм, однако половина дипломированных сценаристов – членов профессиональных ассоциаций – остаются без работы. За каждую серию вышедшего на экран сериала платят примерно 10 000 фунтов, но и эта цифра тоже может быть ниже или выше – в зависимости от имени сценариста.

Конечно, для большинства английских сценаристов BBC – хорошо, а Голливуд лучше. Преимущество англичан перед остальными европейцами заключается в том, что, владея английским языком, они могут пользоваться всеми возможностями в США наравне с американцами, например отправиться туда на учебу или принять участие в американском конкурсе молодых сценаристов Nicholl Fellowship (http://www.oscars.org/nicholl). Некоторые, заручившись рекомендациями известных профессионалов дома, пытаются найти себе американского агента. Искать работу в киноиндустрии США или Великобритании, чтобы познакомиться с потенциальными заказчиками, имеет смысл, только если есть готовое портфолио. Если в роли ассистента продюсера или раздатчика бутербродов на съемочной площадке вы и получите чье-либо согласие прочитать ваш шедевр, никто не вспомнит о вас через полгода, когда вы его наконец закончите.

Последний совет экспертов тем, кто еще может выбрать другую профессию, – задуматься об изречении Бена Хекта, говорившего, что проще добиться популярности, катаясь на трехколесном велосипеде, чем будучи сценаристом. ◆

Адам Стернберг

СЦЕНАРИСТЫ И СЦЕНАРИИ

Сценаристы не пользуются большим почетом. Мнения по поводу их профессии, как правило, крутятся в сфере, ограниченной тремя темами: деньги, конкуренция, идиоты. В связи с этим часто цитируют слова из телеграммы, которую Герман Манкевич отправил из Голливуда своему собрату-писателю Бену Хекту. Отправитель предупреждал: «Здесь ошивается миллион народу, но конкуренцию тебе составят сплошные идиоты. Постарайся не идти у них на поводу».

Так что в звездной галактике литературно амбициозных персон сценаристы репутационно, если не финансово, всегда занимали место где-то ниже романистов и, по-видимому, сбоку от поэтов и драматургов. При всех их высоких гонорарах и упоминаниях в экранных титрах те, кто писал для кино, были хозяевами положения разве что по сравнению с телевизионными поденщиками, да и тут ситуация в последнее время резко изменилась. Нынче пишущих для телевидения почитают за «авторов», а сценаристы остаются всего лишь сценаристами, то есть людьми, пишущими скрипты, которые режиссеры и актеры потом перепишут на свой лад, искромсают или просто проигнорируют.

А между тем – что это за скрипты! К примеру, 2013 год был особенно примечателен в плане написанного и произнесенного с экрана слова. Фильм «Перед полуночью», написанный его же звездами (Итан Хоук и Жюли Дельпи) и режиссером (Ричард Линклейтер), – это третья часть захватывающего диалога, длящегося уже восемнадцать лет. На другом конце разговорного спектра – «Не угаснет надежда», текст к которому написан Джей Си Чендором, и в этом сценарии меньше слов в диалоге, чем предложений во введении. Сара Полли проявила свои литературные способности

в квазидокументальной ленте «Истории, которые мы рассказываем», а Николь Холофсенер в «Довольно слов» продолжила свою линию литневротички (как на экране, так и за ним). Грета Гервиг (вместе с режиссером Ноа Баумбахом) написала несколько строк, затем их озвучила устами персонажа фильма «Милая Фрэнсис». Эндрю Буджальски устроил нечто вроде компьютерного шахматного турнира. Спайк Джонз сочинил классическую любовную историю, сказание о парне, близко сошедшемся с новейшей оперативной системой.

Характерно, что многие из упомянутых писателей – фактически большинство – стали и постановщиками своих сценариев (Белл, Буджальски, Чендор, Холофсенер, Джонз, Линклейтер, Полли), а кое-кто из них также и играли в них (Белл, Дельпи, Гервиг, Хоук, Сет Роген). Но мы намерены сосредоточиться на писательской стороне их творчества и написанном слове, что и запускает дальнейший творческий процесс.

Мы обратились к этим авторам с просьбой кратко отметить оригинальный сценарий, который послужил им в качестве побудительного мотива для того, чтобы сесть за письменный стол. Мы также попросили некоторых из них дать одну-две рекомендации по профессии, которые вы найдете ниже. (Начинающие сценаристы, обратите внимание: в Голливуде сейчас находятся в разработке миллионы заявок, но конкуренция там фантастическая.) Однако более всего мы хотели бы воздать хвалу той части кинопроизводства, которая начинается текстом и заканчивается им же и в лучших своих примерах западает в нашу память. Иначе говоря – словам.

Грета Гервиг

Наиболее заметный сценарий: «Милая Фрэнсис» (2012).

– Какой сценарий вдохновил вас на то, чтобы стать сценаристом?

– Думаю, блестящий сценарий Майка Ли «Еще один год».

– Каковы ваши рекомендации по написанию сценариев?

– Иметь в качестве затравки идею, которую вы можете кому-то объяснить, – это совершенно негодный принцип для старта. Готовая идея может казаться очень хорошей, но это не так. Идеи не нужно иметь, они должны раскрываться сами. По крайней мере, с моей точки зрения.

Пусть ваши персонажи разговаривают друг с другом и действуют по своему усмотрению. Уделите им время, и они сами расскажут, кто они такие и чего хотят.

Я недавно занялась бейсболом и всякий раз, когда испытываю трудности с писанием сценария, думаю о темпе игры. В бейсболе он медленный. Даже если ты прекрасный игрок, часто выбиваешь в аут. Писательство – занятие индивидуальное, но, если нужно работать в команде, требуется все делать по максимуму. Заставка на рабочем столе моего компьютера – фотография Red Sox во время первенства США по бейсболу. В этот момент они не выигрывали; они просто тяжко

работали, делая свое дело. Мне очень важно помнить об этом, когда я пишу.

Эндрю Буджальски

Наиболее заметные сценарии: «Смешно, ха-ха» (2002), «Ханна берет высоту» (2007), «Компьютерные шахматы» (2013).

– Какое кино вдохновило вас на то, чтобы стать сценаристом?

– Моя одержимость кино уходит в те времена, с которых я только-только начинаю себя помнить, так что мне трудно назвать какой-то конкретный фильм. Могу лишь сказать, что летом 1985 года что-то заставило меня записать на бумаге то, что больше всего впечатлило в фильме «Назад в будущее». Как будто мне продиктовали, что всю информацию в этом фильме можно было зафиксировать в словах и кто-то должен был это сделать. Оказалось – очень веселое занятие.

– В чем секрет сочинения правдоподобных диалогов?

– Пишите эпизод так, как вы его слышите в уме. Потом прочитайте написанное и отметьте те части, где персонажи произносят именно то, что вам хочется, чтобы они сказали для полной ясности повествования (например, «Я давно тайно любил тебя, но боялся признаться»). Вырежьте эти реплики. Посмотрите, что осталось. Вероятно, теперь вы близки к цели.

– Что вы скажете насчет великой истории любви?

– Господи, я тут пытался было выяснить это для себя и понял, какая это чертовски трудная вещь. Мой золотой стандарт – «Верно, безумно, глубоко», но все, что я мог извлечь оттуда: не проблема, если один из возлюбленных окажется призраком.

– А как насчет фильма, который держит внимание с начала и до конца?

– Справьтесь хотя бы с началом и с концом. Если фильм начинается не с того, с чего следует, и заканчивается не так, как надо, вряд ли он состоится. Лучше сделайте из него телешоу, вам и заплатят больше.

Итан Хоук

Наиболее заметные сценарии: «Перед закатом» (2004), «Перед полуночью» (2013).

– Какое кино вдохновило вас на то, чтобы стать сценаристом?

– Один эпизод. Гарри Дин Стэнтон и Настасья Кински в фильме «Париж, Техас».

– В чем секрет написания убедительной любовной истории, захватывающей сцены или правдоподобно звучащего диалога?

– Нет никакого секрета написания убедительной любовной истории, захватывающей сцены или правдоподобно звучащего диалога. Надо просто говорить правду. Это всегда захватывает.

Джей Си Чендор

Наиболее заметные сценарии: «Маргинальная торговля»[1] (2011), «Не угаснет надежда» (2013).

1. **В российском прокате «Предел риска».** – *Прим. переводчика.*

– Какое кино вдохновило вас на то, чтобы стать сценаристом?

– Никакое. Просто однажды, когда мне было восемнадцать лет, я сел за стол и начал писать. Я представления не имел о том, что такое сценарий, но пытался написать именно его.

– В чем секрет написания целого сценария почти без слов, как в фильме «Не угаснет надежда»?

– Когда я пишу сценарий, я обычно выкладываю на бумагу дорожную карту фильма, который крутится у меня в голове, чтобы ее могли прочитать и увидеть другие. Так вот, в этом случае фильм крутился у меня в голове без слов, я поверил ему и просто довел до конца.

– А что вы скажете о таком фантастическом злодее, как в «Маргинальной торговле»?

– Всегда надо помнить, что сам человек (персонаж) вряд ли считает себя дурным.

– А об истории (не слезливой) выживания?

– Полагайтесь на свою интуицию.

Сет Роген и Эван Голдберг

Наиболее заметный сценарий: «Конец света 2013: Апокалипсис по-голливудски» (2013).

– Какое кино вдохновило вас стать сценаристами?

– «Космические яйца», «Большой Лебовски», «Долемайт».

– Как убедить вашего партнера в том, что придуманная вами шутка действительно смешна, если ему так не кажется?

– Эротическим накатом.

Джефф Николс

Наиболее заметные сценарии: «Укрытие» (2011), «Мад» (2013).

– Какой сценарий подвиг вас на то, чтобы стать сценаристом?

– Это был не сценарий, а сценарист, Хортон Фут. Я открыл для себя «Нежное милосердие» в колледже, и он направил меня по пути Хортона Фута. Я, конечно, пересмотрел «Убить пересмешника», а профессор в нашем колледже посоветовал мне старый фильм с Робертом Дюваллем «Завтра». Простота историй Фута и исходящая из этого внутренняя сила абсолютно уникальны, и я только пытаюсь добиться чего-то подобного.

– В чем секрет написания захватывающей истории?

– Научитесь мыслить линейно. Все истории, как бы ни было перепутано в них время событий, в конечном итоге линейны. Они начинаются, набирают силу и заканчиваются. Обдумывая историю, я пытаюсь избегать традиционного составления плана. Сесть за стол, приняться последовательно перечислять эпизоды – это для меня непосильная задачка. Я предпочитаю использовать карточки, которые раскладываю на полу. Замысел каждой отдельной сцены записывается на карточку и первоначально необязательно корреспондирует

с другими. Заканчивается этот процесс созданием связок и выстраиванием единой линии, которую иначе не нащупаешь. Никогда не знаешь, куда ляжет карта.

Сара Полли

Наиболее заметные сценарии: «Вдали от нее» (2006), «Истории, которые мы рассказываем» (2013).

– **Какое кино вдохновило вас на то, чтобы стать сценаристом?**

– «Тонкая красная линия».

– **В чем секрет написания чего бы то ни было?**

– Дисциплина. И читатели, которые честны с тобой.

Ричард Линклейтер

Наиболее заметные сценарии: «Под кайфом и в смятении» (1993), «Перед закатом» (2004), «Перед полуночью» (2013).

– **Какой сценарий подвигнул вас стать сценаристом?**

– Не думаю, что дело сводится к одному сценарию, но первым, который я купил и захотел прочесть, был «Китайский квартал». Он кажется мне идеально сконструированным с точки зрения того, как постепенно раскрывается, сохраняя точный баланс и верный тон. Хотя не уверен, что я узнал больше, читая сценарий, чем почерпнул из самого фильма.

– **В чем секрет написания реалистичного диалога?**

– Секрет в том, чтобы это получилось. Эту способность можно развить, очень много работая, учась и т.д. Навыки в искусстве измеряются не так, как, скажем, в спорте, а способность написать реалистично звучащий диалог связана с чувством ритма и памятью, не говоря уж о том, что в голове у вас все время звучат голоса неких персонажей. Я не смогу подать слайдер, так что карьера в высшей бейсбольной лиге мне не светит. Но я смогу написать реалистичный диалог. И у меня подающий из высшей лиги может описать свой навык примерно так: «Я просто вижу мяч, пытаюсь подхватить и бью».

Дэнни Стронг

Наиболее заметные сценарии: «Игра изменилась» (2012), «Дворецкий» (2013).

– **Какой сценарий вдохновил вас на то, чтобы стать сценаристом?**

– Мои любимые сценарии – «Сладкий запах успеха» и «Телесеть». Кино, которое побудило меня писать сценарии, – «Выборы»; ирония в том, что два моих первых сценария были как раз о выборах.

- **В чем секрет создания отличного начала?**

– Я всегда стараюсь сделать так, чтобы первый визуальный образ отражал тему во всей ее полноте. Это не всегда удается, но цель состоит именно в этом.

Николь Холофсенер

Наиболее заметные сценарии: «Гуляют, болтают» (1996), «Ненужные вещи» (2010), «Довольно слов» (2013).

– **Какое кино подвигло вас писать сценарии?**

– Один из фильмов – «Разбивающий сердца» Элейн Мей по сценарию Нила Саймона.

– **В чем секрет создания удачного женского образа?**

– Сделайте женщину человечной.

Жюли Дельпи

Наиболее заметные сценарии: «Перед закатом» (2004), «Перед полуночью» (2013).

– **Какое кино подвигло вас к написанию сценариев?**

– Моя мотивация родилась из наблюдения внешнего мира (дома, улицы и т.п.), а не из фильмов.

– **В чем секрет написания убедительных диалогов?**

– Надо слышать их в уме. Даже не то чтобы слышать голоса, а чтобы у вас в голове роились человечки. И они говорят, говорят, говорят!

Лейк Белл

Наиболее заметный сценарий: «За кадром…» (2013).

– **Какой сценарий помог вам стать сценаристом?**

– Не могу назвать какой-то конкретный сценарий, ответственный за мою дерзость взяться за перо. В основном это образцы, с которыми я не посмею сравниваться. Но истории, оставившие неоспоримый след в моих кинематографических притязаниях, – это «Король комедии», «Ханна и ее сестры» и «Гражданка Рут».

– **В чем секрет написания по-настоящему забавной комедии?**

– Секрет в терапии. Примите к сведению. ◆

New York Times, Dec 4 2014

Перевод с английского Нины Цыркун

Юрий Арабов

ОХОТА НА БИЗОНОВ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

Полгода назад мне предложили экранизировать «Утиную охоту» Александра Вампилова, сделав ее на современном материале. Я начал думать, перечитывать пьесу, посмотрел спектакль в МХТ… И понял, что этот материал не «ложится» под мою руку. Если очистить «Охоту» от советских реалий, то остается один адюльтер и тоска не симпатичного мне героя.

Я предложил свою версию: берем Зилова как маску и помещаем его в совсем другую историю. Продюсеров этот замысел не вдохновил. Сценарий по «Охоте» написал Александр Родионов, а Александр Прошкин уже снял этот фильм[1]*, надеюсь, что удачно.*

Я же, зная о ситуации, все-таки осмелился написать свой сценарий. В нем нет ничего от «Утиной охоты», но есть ее герой в виде знака, уже разработанный и в географе, который глобус пропил (параллели налицо), и в новой картине Александра Прошкина. Думаю, что это естественный путь для формирования нового сюжета, тем более что измены, женитьбы и выяснения отношений мне ни у Вампилова, ни в реальной жизни неинтересны.

Естественно, что сценарий получился никому не нужный и не понятный современному российскому кинопроизводству. На этом мы и разойдемся. Я пойду в свою сторону, а кинопроизводство – в свою.

Желаю читателям «Искусства кино» всего доброго.

Ю.Арабов

Специальный автомат разливал желтую жидкость из гигантской емкости в маленькие бутылки с этикеткой «Вымпел. Пиво светлое, душистое».

Алекс Пролежнев, двадцати восьми лет, подставил под автомат кружку с надписью *«Вымпел». Будем здоровы!»*

1. Фильм «На позднем перелете». – *Прим. ред.*

и налил пиво на самое донышко. Отпил, пробуя на вкус. Скривился и не смог скрыть отвращения. То, что оставалось в кружке, он вылил в горшок с фикусом, который зеленел, а точнее, желтел на подоконнике пластикового окна.

Показал мастеру большой палец, что значило – пиво отличное! На уровне немецких стандартов. Сняв с себя белый халат и повесив его на вешалку, вышел из цеха.

Под халатом оказался дорогой итальянский костюм. Алекс шел по коридору офиса, мягко ступая синими мокасинами на синтетический ковер. За стеклянными стенами, словно в аквариуме, сидели работники офиса продаж, сосредоточенно глядя на экраны компьютеров.

Алекс заглянул в один из аквариумов. Девушка в наушниках играла в компьютерную игру. На экране мускулистый герой стрелял из автомата в оживших мертвецов-зомби. Алекс стащил с девушки наушники.

Алекс. Последнюю партию – в Калугу. В Москве не пройдет.

Девушка. Поняла.

Ударила по клавишам, и на экране возник ряд цифр, на этот раз коммерческого характера.

Алекс. От тебя пахнет потом.

Девушка *(обидевшись)*. Это парфюм такой!..

Алекс кивнул. Довольный короткой перепалкой вышел из-за стеклянной стенки на территорию синтетического ковра.

Алекс *(себе под нос)*. Парфюм… Изюм… Арзрум… Кант, Гегель, Юм…

Работник офиса. Перекур?..

Алекс. Физзарядка. Прыжки и гримасы.

Синие мокасины привели его в раздевалку.

Он открыл персональным ключом свой персональный железный шкаф.

Снял с себя итальянский костюм, бережно и аккуратно повесил его на плечики, разглаживая неровности ткани. Забрал с других плечиков кожаную косуху в железных клепках. Натянул потертые джинсы Levis, майку с красной звездой и изображением Че Гевары. Повязал на голову палестинский платок в мелкую крапинку. Сменил мокасины на сапоги.

Вышел из раздевалки преображенный и неузнаваемый.

У бетонной стены стоял черно-серебристый мотоцикл «Харлей Дэвидсон». Кожаный Пролежнев щелкнул ключом с секреткой. У байка автоматически заперхал мощный двигатель.

Машина затряслась в ожидании рывка. Алекс сел на кожаное сиденье. Форсировал мотор так, что его грохот услышал бы и мертвый. Врубил аудиосистему с тяжелым роком.

Подъехал к заводскому шлагбауму, который мгновенно открылся перед ним. На черной спине Алекса белела надпись: «*Dead to ride. Ride to dead*».

Грохоча музыкой и мотором, он ввинтился, как штопор, в городской трафик.

На проспекте была пробка. Владельцы «БМВ» и «Аудио» провожали тоскливыми взглядами чувака в прикольной куртке. А чувак, как на байдарке, петляя и заваливаясь набок, преодолевал на «Харлее» пороги московских каменных рек. Жизнь у водителей дорогих машин проходила даром. Потому что надо было думать, прежде чем выбрасывать три лимона на бесполезную тачку. А вот мотоцикл – это другое дело… На нем умирают, чтобы ездить, и ездят, чтобы умирать…

…областное шоссе было о двух полосах, одна – туда, а вторая – обратно… Колеса «Харлея» скакали на выбоинах асфальта. Но это было в кайф. Обгоняя тяжелые фуры по встречной полосе, Алекс несся навстречу собственной судьбе. Кругом угасало вялое подмосковное лето. На западе уходящее солнце пряталось за легкой тучкой. На востоке уже зажглась яркая Венера.

Он подъехал к узенькой речке, через которую обычно «прыгал», избывая стресс трудового дня… Но там гуляли шашлычники. Стояло несколько «Фордов» с раскрытыми дверями, из которых несся электронный ритм дешевой музыки. У самой реки компания разомлевших горожан жарила на железной решетке мясо.

Алекс. Shit!..

План «прыжков» был сорван. Заниматься акробатикой на глазах досужей публики… это не входило в планы Пролежнева.

Поэтому он нажал на газ и начал искать другое подходящее место для своих опытов.

…справа от мотоцикла мелькнула табличка «*р. Малая Хронка*».

Это название показалось манящим. Алекс увидел старый мост. А точнее, мосток с выбоинами и впадинами. Под ним и текла речка, напоминавшая скорее большой ручей. На другом берегу чернели избы, на которые наползал поселок богачей.

Навстречу шел дачник с тележкой, груженной мусором – битое стекло, остатки ржавого железа… там было все, включая кинескоп от телевизора.

Алекс. Это какой поселок, отец?

Дачник. *Хронки…*

Он произнес это имя с ударением на последнем слоге.

Алекс. *Хронки…* Сейчас мы положим эти *Хронки* на лопатки!

Дачник не ответил. Он подвез свою тележку к оврагу и опорожнил от мусора.

Пролежнев поддал газку. Байк завыл, заерзал… Освобожденный от тормоза, «Харлей» на дикой скорости перелетел через мост. Алекс расслышал, как под колесами треснуло старое дерево. Одно мгновение… и ездок очутился на другой стороне речки. Испуганная коза подняла на него свои бездонные очи кинозвезды и вопросительно заблеяла. Отвязавшись от деревянного колышка, побежала по направлению к черным домам.

Пролежнев развернулся и снова влетел на шаткий мост. Секунда грохота и треска… И Алекс уже стоял на противоположной стороне, упиваясь

своей дикостью. Дачник, оглянувшись, побежал со своей пустой тележкой обратно в деревню.

Поначалу Пролежнев решил добить старый мост. Эта деревянная развалюха тихо молила о своей смерти. Еще прокатись по ней пару раз, и от моста ничего не останется. Но этого Алексу показалось мало. В голове его созрел план – перелететь через речку без всякого моста, а на одной только скорости. Дерзко и смело, как делал когда-то его друг Череп, пока не отошел в мир иной…

Алекс отъехал от берега метров на сто… Выжал газ и, пригнувшись к рулю, понесся навстречу неизвестности.

Колеса его чиркнули о суглинок берега. «Харлей», как панночка из «Вия», полетел по темному воздуху наступающей ночи. И благополучно опустился на противоположный берег речушки…

Точнее, опустился бы, если б хватило скорости. Но подходящей скорости не нашлось. И Пролежнев вылетел из седла, как из катапульты. Мотоцикл рухнул в мелководье. Следом за ним пошел и Алекс, больно ударившись головой о пологий берег, потом – спиною о дно.

Мир перед ним погас, как экран компьютера. Наступила тьма небытия…

…в воздухе кружилась мошкара, обещавшая назавтра жаркий денек. На щеке Пролежнева сидел жирный комар. Алекс смахнул его ладонью и застонал. Его породистые джинсы были мокрыми, резкая боль в спине не давала дышать, в ушах гудело.

Алекс хотел подняться на ноги, но не смог. Согнувшись, хватаясь руками за берег, он встал раком и завыл от боли.

Над ним заскрипели половицы моста. Пролежнев увидел над собою женские ноги в обрезанных сапогах. Над ними – юбка, а еще выше – черный ватник. В руках у женщины была авоська с мороженой рыбой, завернутой в грубую бумагу серого цвета. Наружу торчал только твердый, как сосулька, хвост.

Женщина *(Алексу)*. Опять нажрался!..

Шепча что-то нечленораздельное, пошла дальше.

Пролежнев по-прежнему стоял раком на мелководье. Рядом с ним издыхал дорогой «Харлей Дэвидсон», подняв колеса из воды.

Шум в ушах начал утихать. Алекс попробовал выпрямиться и закричал от боли. Кое-как подошел к байку и вытащил его, надрываясь, из воды.

Поставил на колеса, попытался завести. Но тщетно… «Харлей» был мертвее его. После десяти бессмысленных попыток Пролежнев понял, что надо спасать не импортное железо, а себя самого.

Его мутило. Грязный и мокрый, он выбрался на зеленый склон, хватаясь за корни травы. Рот был наполнен едкой слюной.

Вынул из кармана айфон Apple, чтобы позвонить и попросить о помощи. Но связи не было. Где-то недалеко загудел поезд и застучали колеса. Пролежнев пошел на этот шум, как светлячок летит на огонь лампы. Про себя отметил, что почему-то не видит в поселке дорогих коттеджей – одни избы и дачки, похожие на курятники.

На платформе горели два фонаря, освещая надпись, сделанную масляной краской: *«На Москву»*.

Рядом с платформой находился деревянный сарайчик с совсем уже диковинным названием «Сельская потребкооперация».

Напрягаясь и пытаясь разгадать смысл незнакомых слов, Пролежнев зашел под его деревянные своды.

Продавщица. Пошли вон! Уже закрываю!..

Покупатель. Катъ, а Катъ… Чекушку. Маленькую… В долг.

Продавщица. В долг у жены просить будешь. Если она тебе даст.

Алекс увидал банки бычков в томате и сгущенного молока. Они были выстроены на прилавке двумя аккуратными пирамидами. Пролежнев обошел небритого покупателя с левого фланга и протянул продавщице смятую пятисотку.

Алекс. Бутылку «Коки» 0,5 и пачку «Винстон лайт».

Продавщица *(выпучив глаза)*. Кого?!..

Пролежнев отшатнулся, понимая, что сказал нечто непотребное.

Продавщица. Ты чего это?.. Чего себе позволяешь?!. *(Она рассматривала пятисотку с выражением полнейшего изумления.)* Иностранец, что ли?..

Алекс *(на всякий случай)*. Вроде того…

Продавщица. А почему по-русски написано?..

Она имела в виду банкноту.

Алекс. Потому что я – русский патриот. *(Подумав.)* С сотрясением мозга…

Продавщица. Ну и ступай отсель!.. *(Швырнула ему пятисотку чуть ли не в лицо.)* Нарисуй получше!..

Чувствуя, что сходит с ума, Алекс позорно попятился к дверям. Но все-таки не смог уйти, не сказав гадость. Ибо не привык, чтобы победа, пусть и словесная, доставалась каким-то провинциальным стервам.

Алекс *(про пятисотку)*. Знаете, как у нас, иностранцев, это называется? Маленькая, лиловая… не деньги!

Продавщица сорвала трубку с черного стационарного телефона, который стоял на столике под консервными банками. Вертанула два раза телефонный диск.

Продавщица. Милиция?! …Это Таня Охапкина!.. У меня хулиганит псих!

Шутки кончились, и Пролежнев выбежал из магазина в темноту, растворился, как привидение…

Материальность мира была под угрозой. Привычный подмосковный пейзаж таил неожиданности, вызывавшие панику. В окошке билетной кассы торчала рукописная бумажка: *«Болею. Буду через 3 дн.»*

На самой платформе не было механических автоматов, которые бы пропускали пассажиров.

Алекс. А где турникеты?..

Вопрос повис в воздухе и остался без ответа.

Темноту рассек прожектор головного вагона. Электричка со скрежетом ножа, который точился о камень, подвалила к платформе и раскрыла перед Алексом свои механические двери.

Сиденья в вагоне оказались деревянными, непривычно жесткими. Пролежнев, озираясь, сел напротив пенсионера с девочкой лет десяти, по-видимому, внучкой. Она была в очках и читала «Сказки Пушкина». Дед же без очков разгадывал кроссворд в журнале «Огонек». В руках его находился довольно странный карандаш, который пенсионер слюнявил перед тем, как написать слово в графе кроссворда. Алекс не знал, что такой карандаш назывался когда-то химическим.

Алекс. А скажи, батяня, контроль тут часто ходит?

Пенсионер поднял на него умные, как у собаки, глаза и не проронил ни звука.

Алекс. Хотел купить билет, а касса закрыта…

Девочка *(строго, не отрываясь от Пушкина)*. Контроль будет завтра. У них рабочий день уже кончился.

Алекс *(после паузы)*. Знаете, почему нужно биться черепком об землю?..

Попутчики не ответили.

Алекс *(продолжая мысль)*. Потому что ты сразу оказываешься там, где проезд бесплатно.

Впереди засветились новостройки спальных районов. Москва приближалась к ним, словно гигантский авианосец.

Площадь трех вокзалов... Его поразила очередь на такси. Люди, человек пятнадцать, покорно ожидали своей участи, пока «Волга» с зеленым огоньком не удостоит их вниманием. Странно было то, что рядом стояли пустые машины с шашечками, но никуда никого не везли.

Пролежнев в очередях не стоял и даже не знал, что это такое. Минуя хвост из молчаливых людей, подошел к «Волге», на лобовом стекле которой висела лаконичная табличка «*В парк*». Алекс дернул за ручку. Дремавший шофер пробудился от дремы и высунул голову на свежий воздух.

Шофер. Есть «Московская» и «Столичная».

Алекс. Чего?!.

Шофер. «Московская» – пятерка. «Столичная» – за семь.

Пролежнев с ужасом осознал, что ему пытаются продать водку.

Алекс. Семь тысяч? …А не жирно ли будет, дядя?

Шофер хмуро осмотрел его с головы до ног.

Шофер. Ты откуда такой взялся?

Алекс. С того света.

Шофер. Ну и ступай отсюда на тот свет.

Он поднял стекло машины, натянул фуражку с пластмассовым козырьком на лоб и снова погрузился в сон.

…Алекс прочитал объявление у билетных касс метро.

Алекс. Пять рублей за проезд, я правильно понял?..

Серая от усталости кассирша смотрела на него через стеклянное окошечко.

Кассирша. Вы будете менять деньги или нет?

Алекс. А сколько надо?

Кассирша. Пять копеек.

Алекс. Но у меня нет пяти копеек.

Кассирша. Зато у меня есть.

Алекс. Вы не поняли… Во всей стране, во всей России нету пяти копеек!..

Женщина была слишком усталой, чтобы спорить о таких пустяках. Она почти равнодушно закрыла перед ним свое окошечко… Мало ли кто ходит по Москве теплыми летними вечерами? За всех не ответишь и всем не объяснишь.

Алекс поймал на себе пытливый взгляд двух представителей закона. Они, в фуражках с красным кантом, стояли по ту сторону металлических турникетов. Над их головой светилась электричеством непонятная надпись «Опорный пункт».

Стараясь не оборачиваться и не бежать, Пролежнев вышел на свежий воздух.

Он никак не мог понять, что же его изумляет. Если отбросить в сторону абсурд с деньгами, то все равно в воздухе висела какая-то странная экзотика. Улицы, несмотря на вечер, были пустее обычного. Машины проносились редко и то в основном «Волги» да «Жигули».

Алекс. …а где здесь москвичи?

Он задал свой вопрос очкарику в шляпе, который выходил из чебуречной с бумажным пакетом. Через бумагу проступал жир завернутых в нее азиатских пирогов.

Гражданин в шляпе. Телевизор, наверное, смотрят. Новую серию «Знатоков».

Алекс. А вы почему не у телевизора?..

Гражданин в шляпе *(испуганно)*. Я смотрю только «Очевидное – невероятное». И «Кабачок «13 стульев»…

Он хотел прошмыгнуть мимо, но Алекс придержал его за рукав.

Алекс. Вы меня не бойтесь… Я – из-за границы.

Гражданин в шляпе. А я и не боюсь. У нас – разрядка международной напряженности. Чего мне бояться?

Алекс. Эту чебуречную недавно построили? Что-то я ее не помню.

Гражданин в шляпе. Она всегда здесь стояла.

Алекс. А поесть в ней можно? Не отравлюсь?

Гражданин в шляпе. Чебуреки кончились. Я последние взял.

Алекс. Разрядка разрядкой… А пожрать негде!..

Гражданин в шляпе. Раньше нужно было думать. С утра.

Алекс. А если я пью на завтрак только черный кофе, а ем вечером?..

Очкарик промычал что-то невразумительное и побежал через трамвайные пути на другую сторону улицы.

Тошнота у Алекса прошла, и это был позитивный факт. Ему очень хотелось есть. Он поглядел на красную растяжку *«Решения XXIV съезда КПСС – в жизнь!»*.

За ней стоял старый дом с забитыми окнами.

Алекс был поражен в самое сердце этим домом. Он сел на валявшийся на земле металлический баллон с надписью *«Пропан»*.

Алекс *(сам себе)*. Во блин!.. Ну это ж надо?!. Охренеть!

И несколько раз всхлипнул.

Перед кафе «Незабудка» стояла примерно такая же очередь, как на стоянку такси. В стеклянных дверях чернела надпись *«Мест нет»*.

Пролежнев задумчиво почесал подбородок. В его голову пришла простая мысль: если мест нет, то почему люди все-таки стоят?..

Он обошел очередь и постучал костяшками пальцев в стеклянную дверь.

Человек из очереди. Вас не стояло, мужчина! Мы – первые.

Алекс. У нас заказано.

Откуда взялась у Пролежнева эта таинственная фраза, из каких глубин подсознания выплыла? Но она произвела магическое действие. Человек, качавший права, сразу сник и съежился, словно весенний снег.

Через стеклянные двери кафе выглянуло пытливое лицо молодого человека с быстрыми глазами, смотревшими куда-то вбок.

Помня о своем недавнем фиаско с пятисотрублевкой, Алекс вытащил из кармана смятую десятидолларовую купюру.

Быстрые глаза молодого человека сделались еще быстрее. Он отворил дверь, Пролежнев протиснулся в щель, словно дворовый кот. Сунул в руку молодого человека десятку, тот мгновенно спрятал ее в карман пиджака и проводил Алекса в зал.

Под потолком висел табачный дым. За деревянными столиками с пластмассовым покрытием сидели веселые хмельные люди. Несколько человек отплясывали в центре зала Let's twist again в исполнении Чабби Чекера. Магнитофон, исторгавший твист, стоял в баре под зелеными бутылками с кубинским ромом. Пролежнев разглядел вращающиеся бобины. На коричневой крышке, защищавшей лентопротяжный механизм, белела пластмассовая надпись *«Комета-206»*.

Алекс *(бармену)*. А пленка в нем импортная?

Бармен. Отечественная. Тип 6.

Алекс. Так у вас еще и отечественная пленка?

Бармен. Здесь все отечественное. А у вас?

Алекс. У нас… Так сразу и не скажешь.

Бармен. Вы давно приехали?

Алекс. Только что.

Бармен. Америка? Европа?..

Алекс. Москва. *(Подумав.)* На Гудзоне.

Б а р м е н . Понял. Но за валюту у нас не обслуживают. *(Шепотом.)* Могу поменять доллары на рубли по выгодному курсу.

А л е к с . А воду слабо налить из-под крана? По выгодному курсу?..

Б а р м е н . Я вам кипяченой налью. Бесплатно.

Он отошел к кофейной машине и наполнил продолговатый стакан дымящейся водой. Бросил в стакан пару кусочков льда, и кипяток начал остывать.

А л е к с . А это что за зверинец?

Он имел в виду празднично одетых людей.

Б а р м е н . Новоселье справляют.

А л е к с . Почему не в квартире?

Б а р м е н . Дом сдан с недоделками.

А л е к с . Лузеры… Они, наверное, весь налик выложили?

Б а р м е н . Какие лузеры?..

А л е к с . Ты русский знаешь? Лузеры сдали налик, потому что западло быть терпилами. Неужели не врубился?

Б а р м е н *(с трудом соображая)*. Они ничего не платили. Это ж не кооператив. Получили по очереди.

А л е к с . Гонишь!

Б а р м е н . Куда? Двадцать лет стояли и получили. Две комнаты с недоделками.

А л е к с *(с отчаянием)*. Я ухожу в ретрит!.. *(Он жадно отпил остывшей воды из стакана.)* Как же называется эта страна, где дают бесплатно две комнаты с недоделками?

Б а р м е н . Она называется Совдепией. *(Подобострастно.)* А у вас… на Гудзоне все не так, верно? Там уж если квартира, то полный шик… Без недоделок? Суперлюкс?

А л е к с *(с угрозой)*. Ты мой Гудзон не трогай. Тем более что я к нему посторонний. *(Он внимательно вгляделся в припухшее лицо бармена.)* Ты когда умер?

Б а р м е н . Не понял намека.

А л е к с . Ну, умер и здесь очутился… В коммунальном Раю?

Б а р м е н . Я здесь с рождения. А ты?

А л е к с . А я отошел пару часов назад. Но тебе этого не понять. Не патриот ты, парень, не патриот! *(Взяв в руки стакан, он направился к гулящей компании. Осторожно обошел танцующих и поглядел на ноги дам.)* Туфли-лодочки… Высший шик!

Его внимание привлек стол с обильной едой. Остатки салата оливье, котлеты по-киевски с торчащей вверх обжаренной косточкой, бутылки с узбекским портвейном… Главное, что количество еды явно превышало количество празднующих. Пролежнев был опытным менеджером, потому и оценил ситуацию мгновенно.

А л е к с *(присаживаясь за стол)*. Крепленое – для дам. А белую – для офицеров внутренних войск!..

Он налил в чистый стакан водки из графина и выпил не закусывая. Положил в тарелку салат и подцепил вилкой остывшую котлету.

На его явление никто не обратил должного внимания. Так бывает в больших компаниях – приглашенных столь много, что хозяева в точности не знают, кто есть who.

Напротив Алекса сидел человек лет на пятнадцать старше. Он тоскливо смотрел на официанта, который убирал со стола грязную посуду.

Зилов. Ну когда, Дима… когда?

Официант Дима. До начала отстрела – пять недель.

Зилов. Ты шутишь… Пять недель… это же полтора месяца! А если я за это время помру?

Официант Дима. Отчего?

Зилов. От рака.

Официант Дима. От рака так быстро не умирают. Через полтора месяца ты еще будешь на ногах.

Зилов. А если случится инсульт?

Официант Дима. Это всего лишь паралич. А не смерть.

Зилов. Ну я ведь винтовку держать не смогу. Ты об этом подумал?

Официант Дима. Я буду держать. А ты только на курок нажмешь.

Алекс *(жадно жуя салат)*. Про что базар, джентльмены? Кого отстреливаете? Людей?

Зилов бросил на него мутный взгляд и не удостоил ответа.

Зилов *(с тоской самому себе)*. У человека одна мечта – поохотиться перед смертью. И то нужно ждать пять недель, чтобы спустить поганый курок!..

Алекс. Берите тур в Северную Африку. И мочите кого хотите и когда.

Реплика была столь возмутительной, что ее невозможно было оставить без ответа.

Зилов *(официанту)*. Это кто?

Дима пожал плечами, уходя от ответа.

Зилов *(Алексу)*. Ты кто?

Алекс *(обнаглев)*. Молчи, отец. Я мертвее тебя. И то всем доволен…

К столу подошла фривольная дамочка в красной мини-юбке.

Дамочка. Как здесь весело, алики! Люблю тебя, Зилов!

Зилов *(показывая пальцем на Алекса)*. Можно вот этого отсюда убрать?

Дамочка *(всматриваясь в Пролежнева)*. Это же Лёха с «Электрокабеля»!

Зилов. Ты – Лёха?

Алекс. Возможно.

Зилов. А точнее?

Алекс. Мистер X. Nowerman.

Дамочка *(лирически)*. Лёха, Лёха, мне без тебя так плохо! Можно с тобой посидеть?

Алекс. Хорошо тут у вас. Есть где развернуться и кому в душу плюнуть.

Дамочка *(садясь к нему на колени)*. А разве у вас на «Электрокабеле» не так?

Алекс. У нас за всё – бабки. Дышишь – платишь. Чихнешь – платишь… Всем заправляют операционисты. Зато сервис отличный.

Дамочка *(Зилову)*. А он смешной алик. Пожалуй, я в него влюблюсь, можно?

Зилов *(Алексу)*. Ты можешь отсюда уйти, Лёха? Раствориться, как утка в камышах?

Алекс. Котлету доем и уйду.

Дамочка. А я вот не люблю котлеты. Я люблю только барбекю на даче в Тарасовке. При свечах и с оркестром Поля Мориа. Свезете меня, Лёха?

Алекс. Вы бы слезли с моих колен, женщина. А то у меня все затекло.

Дамочка. Ты слыхал, Зилов, как оскорбляют твою любовь? У него, видите ли, затекло… Да другой бы почитал за счастье, что я у него сидела! Ты, Лёха, все-таки дурной!

Алекс. Вас здесь не стояло!

В это время мужчина начальственного вида в костюме из полиэстера, который сидел на нем колом, застучал вилкой по рюмке. Он был похож на зимний сугроб.

Кушак. Попрошу внимания… Хочу сказать кавказский тост!

Дамочка. Просим!..

Алекс. Кавказский тост под узбекский портвейн… Ну-ну!

Кушак. А вы, собственно говоря, кто?

Алекс. Я – Лёха с «Электрокабеля».

Дамочка *(про Алекса)*. Вы его не слушайте. Он пьяный!

Кушак. А я и не слушаю. На новоселье положено быть пьяным.

Зилов. Еще и на охоте.

Алекс. Еще – на похоронах.

Зилову неожиданно понравилась эта реплика. Он протянул Алексу руку, и тот пожал ее. Это был первый мостик к взаимопониманию.

Кушак. Я хочу выпить за эту новую советскую квартиру…

Алекс. С недоделками.

Кушак. …которую ждали двадцать лет, и образцовую советскую семью…

Зилов. С недоделками.

Кушак. …которая собирается в ней жить.

Алекс протянул Зилову руку, и они снова обменялись крепким мужским пожатием.

Кушак. Как руководитель и хозяйственник…

Алекс. С недоделками.

Дамочка *(Алексу)*. Так нельзя, Алик. Товарищ Кушак и выбил это жилище.

Кушак. …как административное лицо и член парткома я расскажу за этим обильным советским столом старую грузинскую притчу.

Алекс. Партком здесь всем правит… так?

Зилов. Еще фабком, местком и управдом.

Алекс. В яблочко!..

Они опять пожали друг другу руки по-мужски.

Кушак. Виссарион родил Сандро. Сандро родил Вано. Вано родил Гочи. Гочи родил Георгия. А Георгий родил Исаака, который и стал директором Центрального рынка!..

Алекс *(вставая из-за стола)*. А вот этого не надо!.. *(Он неожиданно обиделся.)* Я как менеджер по продажам работаю и с Вано, и с Сандро…

Дамочка *(подливая масло в огонь)*. И с Исааком!

Алекс. Вот именно!.. Именно с Исааком! И не позволю озвучивать всякие библейские притчи с националистическим душком!

Кушак. Вы ничего не поняли, Лёха.

Дамочка. У них на «Электрокабеле» всегда так. Чувство юмора, как у жирафа. Длинношеее.

Алекс *(душевно)*. Молчи, старая выхухоль!

Кушак. Молодой человек… Вам требуется освежиться… Вы не находите?

Алекс. Не нахожу. Я сам себя потерял, чего я могу найти?

Зилов *(просительно)*. Освежись, Лёха! Освежись!.. *(Кушаку.)* Сейчас я его освежу!..

Он насильно поднял Алекса из-за стола и потащил к туалету, который был один на всех, то есть для обоих полов. Дернул ручку, но туалет оказался запертым.

Алекс. Да я на улице отолью, не беспокойся.

Зилов. На улице нельзя, Лёха. Органы не спят. Знаешь, как я называю вытрезвитель? «Праздник, который всегда с тобой»…

В это время дверь туалета распахнулась, и из него вышла женщина с заплаканными глазами под линзами очков. Наотмашь ударила Зилова по голове, и он от неожиданности присел…

Галина. Я видела, как вы обтирались с этой прости господи в красном платье, пока меня не было в зале. Про таких, как вы, Пушкин сказал: «К чему стадам дары свободы?..» *(Алексу.)* Это – не человек. Это – terra incognita. Для него слезы ребенка не существует! Шесть лет я за ним замужем, а он так и остался для меня загадкой! *(Зилову.)* Вам не нужен ни Достоевский, ни Толстой!

Зилов. Зачем мне читать Достоевского, если передо мною Великий Инквизитор в юбке?

Галина. Я – ваша совесть.

Зилов. Будьте своей совестью, а не моей. *(Алексу.)* Она подсматривала из туалета. Как это тебе?

Алекс. Фиолетово.

Зилов. Ты зря с ним откровенничаешь, Галя. Он с «Электрокабеля» и ничего не понимает.

Алекс. Я – битый электротоком.

Галя. Почему ты надел грязную рубашку? Я же тебе на неделю все перестирала?

Зилов. Можешь вообще ничего не стирать. Только не пили, ладно?

Галя. Я сейчас все переиграю… Ты меня запомнишь, Зилов! *(Она прошла к столу и взяла в руки бокал. Обращаясь ко всем.)* Я хочу сказать вам… Это была шутка. Нам не нужна новая квартира. *(Кушаку.)* Спасибо вам за хлопоты… Но то, что вы выбили у государства с таким трудом, нам

не понадобится. Уже завтра мы будем менять вашу двухкомнатную на две однушки в спальных районах.

Зилов. Тогда и я хочу сказать.

Алекс *(удерживая его за руку)*. Не надо, товарищ Зилов!

Зилов. Отцепись!.. *(С силой отрывая от себя Пролежнева.)* Мне почти сорок лет. Ватерлоо не выиграл. Теорию относительности не создал. «Божественную комедию» не написал. Внедрял научно-технический прогресс на благо социализма, но самому социализму от этого ни горячо ни холодно…

Алекс. Или ты внедришь, или в тебя внедрят. Это закон жизни.

Зилов *(игнорируя его реплику)*. Меня все ненавидят. Ненавидит моя любимая жена, ненавидит моя нежная невеста. Ненавидят отдельные граждане, профильные организации и отраслевые министерства…

Алекс *(обращаясь к Галине)*. Так у него при жене еще и невеста есть?

Галя. И не одна.

Зилов *(продолжая свою мысль)*. …а за что? За то, что я хочу быть свободным и счастливым? За то, что люблю многих и только так могу делать добро? Это не грех мой, а беда!..

Алекс. Беда для остальных.

Зилов. Вот вы, товарищ Кушак… Генерал от штатской жизни, перед которым я должен кланяться и снимать шляпу… А я не люблю генералов. Когда я служил в ракетных частях, у нас был пес по кличке Мышкин. Мухи не обидит. Святая душа русской дворняги билась в его рыжей несчастной груди…

Алекс *(размышляя)*. Мышкин… Что-то знакомое. По телеку недавно было…

Зилов. Так вот, к нам приехал генерал из Министерства обороны с инспекцией. И наш Мышкин его облаял. Первого и последнего человека в своей собачей жизни. И генерал приказал нам: отравить!..

Алекс. Жестоко, но справедливо!..

Зилов. Приказ был выполнен. Армия есть армия.

Алекс. Бедный Мышкин!..

Зилов. Да не Мышкин, а генерал. Отравился за обедом. Когда попробовал солдатских щей. И летал, как ракета…

Кушак. В вашем анекдоте есть политическая составляющая.

Зилов. Плевать мне на составляющую! Я жить хочу не составляющей, а самой сердцевиной! Не отдавая никому отчета. Не лицемеря, не кланяясь в ножки всякого рода холуям с партийным билетом. Жизни мне дайте! Искренней жизни! Жить хочу!

Официант Дима *(бармену)*. Они сейчас подерутся. Врубай музло!..

Бармен нажал на клавиши магнитофона «Комета-206». Из динамиков обрушилась, как ком, советская песня *«Не плачь, девчонка, пройдут дожди…»*.

В зал вошли четверо хмурых людей. У троих были повязаны красные тряпочки с надписью «Дружинник». Четвертым был лейтенант милиции в форме.

Лейтенант *(бармену)*. Это у вас валютчики гуляют?

Бармен. У нас.

Лейтенант *(собравшимся, стараясь перекричать музыку)*. Всем оставаться на своих местах!..

Алекс *(оценивая ситуацию, Зилову)*. Можешь вывести меня отсюда?

Зилов. Легко.

Он потянул Пролежнева в коридор с туалетной комнатой.

Пройдя коридор насквозь, они оказались на кухне. Там озабоченная женщина в белом фартуке наливала в графин портвейн, разбавляя его водой.

Зилов толкнул дверь служебного входа, и они оба оказались на улице.

У фонарного столба, прикованный к нему железной цепью, стоял мотоцикл «Урал».

Алекс. С ума сойти!.. Твой байк?

Зилов. Это не байк. Это советское транспортное средство.

Нагнувшись, он освободил мотоцикл от цепей.

Алекс. Я поведу. Ты же пьян в стельку. *(Влез в седло и нажал на стартер. Мотор не завелся.)* Стартер – барахло.

Зилов. Не стартер, а аккумулятор…

…машина завелась с десятого раза. С оглушительным ревом они отъехали от «Незабудки» и скрылись в темноте.

…в ушах стоял рев мотоцикла. Алекс, открыв глаза, сел на кровати.

Точнее, на матрасе, который лежал на полу. В висках стучала кровь. Сказывались последствия травмы и бурно проведенного вчерашнего вечера.

Зилов спал одетым на диване. На окошке стоял цветок с засохшим алоэ. В открытую форточку неслось воркование голубей.

Пролежнев посмотрел вверх. Потолок был в живописных зелено-бурых разводах. Квартира давно требовала ремонта.

В дверь позвонили. Хозяин пробудился и, вздрогнув, сел на кровати.

Позвонили еще раз… Зилов пошел открывать. Алекс посмотрел оценивающе из окна во двор. Пятый этаж… Высоковато будет прыгать от милиции… Впрочем, если дотянуться до пожарной лестницы, то уйти не составит труда.

В комнату вплыл большой венок. Его внес мальчик лет двенадцати с пионерским галстуком на груди.

Зилов *(мальчику)*. Кто тебя послал?

Мальчик. Вы ведь товарищ Зилов?

Зилов. Ну?..

Мальчик. Читайте сами.

Он разгладил на венке черную траурную ленту. На ней было выдавлено строгим потертым золотом: *«Виктору Александровичу Зилову от безутешных друзей. Спи спокойно, дорогой товарищ!»*

Мальчик. Все сходится. Вы и этот венок существуете в диалектическом единстве.

Зилов. Тогда почему ты не смеешься? Ведь это очень смешно – живого человека зарывают в землю!..

Мальчик. А чего смеяться? Мне нужно уроки учить.

Он как-то странно топтался на месте, будто хотел в уборную.

З и л о в . Тогда уходи.

М а л ь ч и к . Варенье хотя бы у вас есть?

З и л о в . Ты отличник?

М а л ь ч и к . Почти.

З и л о в . Значит, здоровый член общества. Не стыдно тебе есть варенье, как маленькому?

М а л ь ч и к . А что вы можете предложить взамен?

З и л о в . Крепкий отцовский ремень.

М а л ь ч и к . Это не наши методы. Только убеждение и сила коллектива. Перевоспитание здоровым трудом.

З и л о в . Такого не встречал. Зато видел, как здоровый труд делает человека инвалидом.

А л е к с . Этот мальчик из Северной Кореи. Отпусти его.

М а л ь ч и к *(Алексу)*. А с вами у нас будет разговор особый…

Зилов открыл холодильник, вытащил оттуда трехлитровую банку засахаренной черной смородины и вручил пионеру.

Мальчик, открыв крышку, облизал ее языком и, озираясь, ушел.

З и л о в . Дело плохо, Лёха.

А л е к с . Думаешь, настучит?

З и л о в . Я не про то. Этот венок может означать, что меня уволили за вчерашний дебош.

А л е к с . Езжай на работу, спроси.

З и л о в *(с отчаянием)*. Как я спрошу, если сегодня воскресенье?

А л е к с . Не ной. Ты не знаешь, что такое настоящая боль… Только я знаю.

З и л о в . Это ты о похмелье? Огуречного рассола у меня нет. Зато есть пирамидон с анальгином.

А л е к с . Я тебе покажу такое, чего пирамидон не берет. Здесь помогают лишь грибы и соборная молитва.

З и л о в . Только переоденься. А то выглядишь, как американский шпион…

Улица Русаковская. Стал накрапывать мелкий дождик. Прозвенел трамвай, в котором сидели несколько пенсионеров. Зилов держал над головой целлофановый пакет. Пролежнев не закрывался ничем. Новый друг одел его в синтетический костюм с мелкой полоской, и Алекс перестал выделяться из городской толпы.

А л е к с . Здесь!..

Они стояли возле дома, предназначенного под снос. Возле него Алекс убивался и рыдал накануне. Окна первого этажа были забиты досками. Из других, повыше, торчали электрические провода и осколки битого стекла.

Зилов, занятый мыслями о траурном венке, хмуро взглянул на выцветшую рекламу «*Уходя, гасите свет!*».

А л е к с . Я тут живу.

З и л о в . Сочувствую. В нем, наверное, еще остались клопы…

А л е к с . Ты меня не понял. Я здесь живу, но в другом доме. На последнем двадцать первом этаже, из которого видна вся Москва. Не веришь?

З и л о в. Верую, ибо абсурдно.

А л е к с. И я вот думаю… Я сильно ударился башкой, когда прыгал на байке. То ли умер и попал на тот свет… к вам. То ли… прорвал толщу времени и угодил прямиком в социализм.

З и л о в. Есть ли разница?

А л е к с. Разницы нет. У вас какой сейчас год по вашему антивремени?

З и л о в. 1972-й.

А л е к с. Я еще не родился.

З и л о в. Тебе повезло. У нас довольно скучно. Но утонуть нельзя. Как в соленом море. Волны сами держат тебя на плаву.

А л е к с. Сила коллектива?

З и л о в. Вроде того… А у вас?

А л е к с. У нас наоборот. Довольно весело. Но без спасательного круга в воду не входи.

З и л о в. Опять сила коллектива?

А л е к с. Бабло – наш спасательный круг.

З и л о в. Не понял.

А л е к с. Деньги. Ты что, не знаешь такого слова?

З и л о в. Деньги – знаю… А бабло… Это, скорее, бабы…

А л е к с. Два мира, две морали?

З и л о в. С миром всё в порядке. Войны давно не было.

А л е к с. Я принесу вам истинный мир. Пойдем!

Он потянул Зилова за рукав от дома, и они вышли из тихого переулка на простор людной улицы.

Дождик сделался реже и мельче. Под козырьком станции метро «Сокольники» стояла женщина с лотком, накрытым полиэтиленовой пленкой. Под пленкой лежали муляжи мороженого.

А л е к с. Сколько стоит эскимо?

П р о д а в щ и ц а. Одиннадцать копеек.

А л е к с *(шепотом Зилову)*. Ты видел такую идиотку? *(Женщине громко.)* Дайте одно на пробу.

Продавщица вручила Пролежневу серебряную торпеду на палочке.

А л е к с *(Зилову)*. Оплати расходы…

Развернул эскимо, понюхал его с сомнением и надкусил…

З и л о в. …и что?

А л е к с *(нехотя)*. Молоко настоящее, цельное. И шоколад… Это до какой же жизни нужно дойти, чтобы делать мороженое из цельного молока?.. Покупай десяток.

З и л о в. Зачем?

А л е к с. Объясню потом.

Зилов пожал плечами, протянул продавщице смятый рубль плюс десять копеек мелочью.

Та полезла в недра своего лотка и начала доставать оттуда мороженые снаряды. Завернула их в грубую бумагу, протянула сверток Зилову.

З и л о в. Ну и?..

Алекс. Берем из твоего холодильника лед. Пакуем в него эскимо и везем на мотоцикле в ближайшее Подмосковье.

Зилов. Смысл?

Алекс. Продаем по рублю штука. Чистая прибыль – больше, чем от нефти. Минус расходы на бензин.

Зилов. Не купят. В Подмосковье свое мороженое.

Алекс. Но не из цельного же молока?

Зилов. Из цельного. ГОСТ на всех один.

Алекс. А где дефицит?

Зилов. Дефицит у нас на другое…

Алекс не расслышал последней фразы. Он пристроился в небольшую очередь к ларьку с туманным названием: «Воды».

Продавщица в ларьке (*нервно*). Только две в одни руки!..

Алекс (*Зилову*). Возьми на пробу!..

Зилов протянул в ларек смятый рубль, получил сдачу и две зеленые бутылки пива с желтой наклейкой «Жигулевское».

Алекс взял одну, приложил к бордюру железной пробкой и сбил ее, рванув бутылку на себя. На асфальт брызнула бодрая пена.

Зилов. …ну и?

Алекс (*пробуя пиво из горлышка*). Договорись и купи у нее ящик.

Зилов. Расчет правильный. В Подмосковье пива нет.

Алекс. Наконец-то!..

Зилов. Но есть статья в Уголовном кодексе. Одна. И на мороженое, и на пиво. На любую перепродажу.

Алекс. Ты скучный тип.

Зилов. Зато есть другие, веселые… Они разбавляют пиво обыкновенной водой.

Алекс. Зато его делают из хмеля. Вот что странно.

Зилов. А у тебя… Из чего делают пиво… На твоем свете?

Пролежнев неопределенно хмыкнул.

Алекс. У нас, в смысле миросозерцания, хмель есть. Но в смысле растения…

Он развел руками…

Они сидели за забором на стройке, которая по случаю выходного дня была пуста. Ели растаявшее мороженое, поддевая его железными пивными крышками.

Зилов (*допивая пиво из бутылки*). Пиво так себе… Я люблю рыбинское, «Волжское»… Но оно редко бывает.

Алекс. А знаешь, что Рыбинск скоро переименуют в Андропов?

Зилов. По какому случаю?

Алекс. По случаю кончины крупного руководителя, но не надо о грустном. Ты, может, до этого и не доживешь. С твоими-то проблемами…

Зилов. И хорошо. Ездить в Андропов как-то странно… (*Он поставил пустую бутылку у черной бочки.*) На сегодня наши отношения закончены. Развлекайся один. У меня дела сердца.

Алекс. Ночной клуб здесь далеко?

Зилов. Есть дневной. На транспорте можешь ездить спокойно. Троллейбус – три копейки. Автобус – пять.

Алекс. У меня даже этого нет.

Зилов. И не надо. Набери в карман мелкой гальки и бросай в кассу вместо денег. В транспорте самообслуживание. Билет отрываешь сам.

Алекс *(злорадно)*. И вам все это не нравится!

Зилов. Я же сказал – скука смертная…

Алекс. Дураки вы, дураки! На вас даже слов жалко.

Зилов. Вот тебе дубликат ключа от квартиры. Рано меня не жди. У меня дела.

Алекс. Разводишься?

Зилов. Женюсь.

В троллейбусе по случаю воскресенья ехало всего человек десять. Кассы самообслуживания стояли впереди и в хвосте салона. Пролежнев сел в хвост. Суеверно оглянувшись, он бросил в кассу несколько скрепок, которые нашел в кармане костюма. Оторвал билет. Чувство безнаказанности и абсолютной свободы вскружило голову. Он оторвал еще билетов пять… Потом – десять. В его руках оказалась длинная бумажная лента с отпечатанными на ней билетами. Алекс повязал ее на шею вместо галстука и блаженно откинулся на спинку сиденья.

Ему казалось, что он спит.

…В большом пруду вокруг фонтана «Золотой колос» на ВДНХ кружились десяток лодок. Зилов сидел на веслах, глядя на молоденькую девушку, которая расположилась на корме.

Зилов. Утка – птица деликатная. Шума не любит. Спит в камышах, уткнув голову в хвост. Первая зорька – самая тихая и морозная. Изо рта идет парок… Ты слился с камышами и водой. И когда первый солнечный луч позволяет увидеть другой берег, ты как бы ненароком делаешь неосторожное движение… Птица взлетает, и ты бьешь ее с нескольких метров. Трех пропустишь, а одну срежешь. И она упадет в воду, словно спелая груша…

Невеста. И как же вы достаете ее из воды?

Зилов. Достаю не я. Достает собака. Идет на запах свежей крови и ловит утку прямо зубами: а-амм!..

Невеста. У вас какая собака?

Зилов. Никакой.

Невеста. А как же утки?

Зилов. А я их не достаю. Я же не из-за голода стреляю, а по вдохновению. Подстрелю пяток, и как-то спокойнее на душе… День прожит не зря.

Невеста. А я бы не смогла убить птицу.

Зилов. Я вас научу. Это не убийство, это охота.

Невеста. В чем разница?

Зилов. Убийство чаще всего случайно. А охота – это непреодолимое желание. Но не крови, нет… Общения. Пока готовишься, пока едешь на

электричке или машине… Пока лодку надуваешь, столько друг другу расскажешь… Про самое сокровенное. Это – как Новый год.

Невеста. Приготовление лучше праздника?

Зилов. Точно!..

Невеста *(двусмысленно)*. Будет у вас утка. Больничная…

Пролежнев сидел один во втором ряду и скучал. Всего в зале Дома культуры отдыхало десятка три пенсионеров. Концерт был бесплатным. На освещенной сцене стоял хор припудренных дам последней свежести.

Впереди них находился солист во фраке с мужественным голосом радиодиктора.

Солист *(поет)*. «Хотят ли русские войны? Спросите вы у тишины…»

Алекс оглянулся, пытаясь понять, какое действие на людей оказывает песня. Но пенсионеры были непроницаемы.

Хор. «…и им ответят их сыны, хотят ли русские, хотят ли русские, хотят ли русские войны?..»

Алекс *(старушке, сидевшей позади него)*. Так хотят ли русские войны?.. Я что-то не понял.

Старушка. Вы мне мешаете, молодой человек!

Алекс. Я просто хочу разобраться. Хотят ли?..

Старушка. Нет, не хотят.

Алекс. А где это сказано в песне? В ней только вопрос.

Старушка. Я сейчас милицию позову!..

Алекс. Не надо. Просто эстрада у вас… На трезвую голову и не разберешь!

Песня окончилась. Пенсионеры захлопали. На сцену вышел ведущий.

Ведущий *(объявляя)*. «Издалека долго течет река Волга».

Ушел за занавес, и Алекс услышал, как скрипят его начищенные туфли.

Хор *(поет)*.

Издалека долго
Течет река Волга…
Течет река Волга,
Конца и края нет…

Алекс *(вставая)*. Ну, это надолго!.. *(Начал пробираться к выходу, наступая на ноги пенсионеров и объясняя.)* Яузу я бы дослушал… И Оку тоже. Но Волгу не переждешь. Слишком много воды!.. *(Добрался до выхода и крикнул хору, сложив ладони трубой.)* Даешь цеппелинов! Или битлов!..

Хор сбился, кто-то пустил петуха… И Пролежнев удовлетворенно вышел на улицу.

Зилов по-прежнему сидел на веслах. Он подустал, рубашка на груди расстегнулась, и на лбу выступили капельки пота.

Зилов. Утка не гусь. Гусь приучен к неволе и от этого вздорен. Утка же – птица свободная, не злая. У нее даже есть любовь и верность. А у гусей только похоть. Но вы, по-моему, заскучали…

Невеста. Я не заскучала. Так что там про любовь уток?

Зилов. Про любовь… Я сам не видел. Но это мне рассказал Димка-официант. Он, как говорится, имел этих уток и по-русски, и по-пекински… Так вот, ухаживали два селезня за одной уткой. А Димка мой возьми ее и подстрели!.. Селезни улетели. А на будущий год… вы не поверите! Прилетели в то же самое место искать свою глупую утку… Всё думали, она возвратится по весне и будет их ждать… Так-то!

Невеста. А в людях верность есть?

Зилов. В людях нет. Есть только во мне… *(Тихо.)* Я – как утка… Всегда возвращаюсь на пепелище, чтобы искать погибшую жизнь...

Задумался, ушел в себя… Раздался звук падения тела в воду. В Зилова полетели холодные брызги и вывели его из задумчивости.

Корма была пуста. В воде плыла его невеста, довольно ловко гребя руками. Зилов бросил ей спасательный круг.

Невеста *(плывя к берегу)*. Фашист!.. Убивать честных селезней для своей потехи!

Зилов. А кто сказал, что я убивал? Убить и стрелять – не одно и то же… Вы думаете, легко попасть в утку?!. Это же не слон!..

Круг качался на легких волнах. Зилов, загребая веслами, погнался за своей невестой, которая плыла профессионально и быстро.

На лодочной станции завыла сирена…

Веранда и эстрада парка «Сокольники». На радиоле вертелась виниловая пластинка на 33 оборота. Из динамиков звучал голос Эдиты Пьехи:

На тебе сошелся клином белый свет,
На тебе сошелся клином белый свет,
На тебе сошелся клином белый свет,
Но пропал за поворотом санный след…

Песня была медленной, нудной. Повторяющийся рефрен про белый свет нагонял смертную тоску. Пары на танцплощадке, опять же преклонного возраста, кружились, как тополиный пух на ветру. Пролежневу было нехорошо.

Он подошел к радиоле и взглянул на проигрыватель.

Алекс. А другие скорости есть?

Возле радиолы сидел на колченогом стуле электрик в кепке и дремал.

Электрик *(пробуждаясь)*. 78 оборотов...

Алекс нашел ручку и переключил механизм. Пластинка заиграла в два раза быстрее. Пенсионеры застыли на месте, а Пролежнев, наоборот, разошелся. Под дикий ритм и голос Буратино, что неслись из радиолы, он задрыгался, замахал руками и станцевал на площадке нечто среднее между брейк-дансом и рок-н-роллом.

Когда он опустился на пол и закрутился вокруг своей оси на руках, раздался свисток народной дружины.

Пролежнев перелез через деревянный забор и исчез в зарослях общественного парка.

Алекс открыл замок и попал в большой коридор бывшей коммунальной квартиры. Отсюда, кроме Зилова, уехали все жители. Только детский велосипед без переднего колеса, прислоненный к стене, говорил о прежней жизни.

Пролежнев вошел в комнату Зилова. Шторы на окнах были задернуты, электрический свет не горел. С кровати, стоявшей в углу, раздавалось какое-то кряхтение.

Алекс. Это ты, Зилов?

Зилов *(нехотя)*. Сам, что ли, не видишь?

Алекс. Не вижу, а слышу. Морально разлагаешься?

Зилов. Это моя невеста.

Алекс. Надеюсь, она совершеннолетняя.

Зилов. Ты бы шел отсюда, Лёха. Девушка упала с лодки, и я ее согреваю.

Алекс. Об этом и речь. Сначала наступает морально-нравственное падение, а потом – гибель государственной системы.

Голос невесты. Он что, лектор?

Зилов. Он – Лёха. Стиляга и валютчик.

Алекс. Я просто взываю к покаянию. Как член трудового коллектива… *(Вышел в коридор, чтобы им не мешать. В это время в дверь позвонили. С опаской, через дверь)*. Кто здесь?..

Галя *(из-за двери)*. Жена!

Пролежнев, вздохнув, отпер замок.

Галя. Вас ищут!

Алекс. За что?

Галя. За валюту. С нас всех сняли показания. Пойдем как свидетели на вашем открытом процессе.

Алекс. Ни черта. Лет через пятнадцать нас легализуют… *(Задумчиво.)* Но как протянуть эти пятнадцать лет?

Галя поставила на пол тяжелую сумку, из которой торчали куриные лапы.

Галя. А где муж?

Алекс. Муж женится.

Галя. Невеста одна или их двое?

Алекс *(уклончиво)*. Вы сами здесь разбирайтесь. Я в чужие дела не лезу.

Галя *(открывая дверь в комнату Зилова)*. Вы что-нибудь ели сегодня?

В комнате возникла пауза, сравнимая с затишьем перед большой грозой.

Зилов. Ты можешь закрыть дверь с другой стороны?

Галя. Значит, не ели…

Она прикрыла дверь, взяла сумку и пошла на кухню. Зажгла газ, вытащила из целлофанового пакета отечественную курицу и начала опаливать ее на огне.

Алекс *(с ужасом)*. Откуда вы такие взялись?

Галя *(держа в руках дымящуюся курицу)*. Вы про кого?

Алекс. Про вас, женщина… Откуда?

Галя. Я из семьи потомственных учителей.

Алекс. Не продолжайте. *(С трудом вспоминая.)* «Есть женщины в русских селеньях… Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет…» Пушкин.

Галя. Почти. Некрасов.

Алекс. Какая разница? Неужели вас не душит ревность? Я бы его убил!

Галя. Вчера бы убила, а сегодня… Перегорело. Один пепел остался. *(Она налила в кастрюлю воды, поставила ее на огонь и начала резать лук.)* Переживаешь, когда еще ничего не решено. А когда все разрешилось… к чему переживать? Мы должны быть выше своих природных инстинктов.

Алекс. Поздняк метаться… Так у нас говорят. У валютчиков.

Галя. Мы должны оставаться людьми. Всегда и везде. Этому учат нас классики.

Она положила разделанную тушку курицы в воду.

Алекс. В ваших домах мыши есть?

Галя. Встречаются.

Алекс. Значит, есть и мышьяк. Положите в этот суп мышьяка… Зилов все сожрет, он голодный...

Галя. Я живу сейчас у отца в *Хронках*… И даже он мышьяка не держит, а ставит обычные мышеловки.

Алекс *(помрачнев)*. Деревня *Хронки*… Роковое для меня место.

Из комнаты вышел Зилов в махровом халате. Увидев жену на кухне, заскрипел зубами…

Зилов. Опять она!..

Галя. Обед сготовлю и уйду.

Зилов *(Пролежневу)*. Ты видал когда-нибудь низких женщин?

Алекс. Только их и видал.

Зилов. А я никогда. Мой тебе совет: никогда не женись на высоких. В моральном смысле. Они все – учителя литературы и русского языка.

Алекс. У нас их почти извели.

Зилов. А здесь только они… *(Жене с тоскою.)* Суп-то готов?

Галя. Еще нет…

Зилов. Налей что есть…

Галина зачерпнула в кипящей воде половником и налила в тарелку раствор воды с луком.

Голос невесты. Зилов… Вы где?

Зилов *(раздраженно)*. Обедаю.

Голос невесты. Уткой?

Зилов. Курицей.

Голос невесты. А мне можно?

Зилов *(жене)*. Ей можно?

Галина, не ответив, поставила на стол вторую тарелку и налила в нее куриного бульона.

Из комнаты вышла невеста, как и Зилов, в махровом халате.

Невеста *(протягивая жене руку)*. Меня зовут Тая.

Алекс *(потеряв терпение)*. Ну ты, девочка, совсем оборзела! Выйти к столу с немытыми руками!..

Невеста. Я же не руками буду есть, а ложкой.

Алекс. Система разлагается на корню… *(Зилову.)* Где же твоя хваленая сила коллектива?!

Зилов *(мрачно)*. В заднице.

Галя. Ну я, пожалуй, пойду… Молоко и масло я купила. Сыр купите сами… Счастливо оставаться!..

Она поставила в холодильник продукты, бережно сложила целлофановый мешок и спрятала в карман платья. Пошла к дверям, и Алекс был вынужден ее проводить.

У дверей Галина замешкалась. Пролежнев заметил, как трясутся ее худые плечи…

Алекс. Не плачьте… Из-за всяких уродов… По нему скучает Освенцим!

Галя. Да я не из-за этого… Я…

Она силилась что-то сказать Пролежневу. Так часто бывает – интимное открываешь совершенно постороннему человеку. А ближнего бережешь от этого, боясь, что он не поймет…

Алекс зашел в комнату Зилова, зажег свет и нашел то, что относилось к его невесте, – мокрое платье, нижнее белье… Вынес все это на кухню и комом бросил к ногам девушки…

Алекс. Одевайся и проваливай!

Невеста *(не понимая, Зилову)*. Он что, расстроился из-за соседки?

Алекс. Это не соседка, девушка! Это его законная супруга.

Невеста стукнула ложкой о стол.

Невеста *(Зилову)*. А вы мне что говорили?

Зилов. То, что есть на самом деле… Когда жена перестает быть женой, она становится соседкой…

Невеста. Идиот!

Она схватила одежду с пола и побежала одеваться в прихожую. Через минуту они услышали стук каблучков по лестнице…

Алекс. Она на втором месяце…

Зилов *(меланхолично)*. Которая из двух?

Они сидели на крыше дома, словно мечтатели. Как в детстве сидят – запрокинув голову в небо. А там лишь вечность, которая в ответ на любые вопросы молчит. Зилов пускал в небо дым от сигареты.

Алекс. Чем травишься?

Зилов. «Опал». Болгария.

Алекс. Название символическое. Дай, что ли…

Зилов вручил ему сигарету из мятой пачки, и они задымили оба.

Алекс *(рассматривая звезды)*. Большая Медведица, Весы, Стрелец… Всё, как у нас. А жизнь под звездами другая… Странно.

Зилов. У вас бабы тоже делят мужиков?

Алекс. У нас проще. Все спят со всеми и не парятся.

З и л о в. А где местком, партком?

А л е к с. Вместо них плюрализм интимной жизни.

З и л о в. Ты бы не ругался… Я ведь при тебе не матерюсь.

А л е к с. Это – стон отчаяния.

З и л о в. Бабы хоть рожают? При плюрализме?..

А л е к с. Как когда… Мою, например, не заставишь.

З и л о в. А ты еще чем-то недоволен!

А л е к с. Я недоволен лишь тем, что у вас не ходит валюта. И в магазинах, кроме мороженого и хлеба, шаром покати…

З и л о в. Езжай в Елисеевский. Там выбор больше…

А л е к с. Мне нужно, чтобы было в шаговой доступности…

З и л о в. Погоня за дефицитом – это вроде развлечения. Многие любят. А чем развлекаются у вас?

А л е к с. Охота на бизонов в Северной Африке… Тебе бы подошло.

З и л о в. Я Африку знаю только по географической карте.

А л е к с. У нашей фирмы в Намибии есть собственный вертолет. Мы его называем «Клим Ворошилов». Едешь в саванну и с вертолета стреляешь из винтовки с оптическим прицелом. Глупые быки разбегаются кто куда… Шуму много. Удовольствие среднее. Но кровь играет, словно выпил стакан водки…

В это время в колодце двора послышался шум мотора. Алекс глянул сверху и увидел милицейский «уазик».

Машина остановилась. Из нее вышел милиционер и начал спрашивать что-то у мальчишки, показывая на дом, в котором жил Зилов.

А л е к с. Это за мной!

З и л о в. А я не открою.

А л е к с. Взломают дверь.

З и л о в. Ни черта. На это требуется ордер.

А л е к с. Мне нужно мотать отсюда!

З и л о в. Давай. Страна большая.

А л е к с. И везде одно и то же…

З и л о в. Ну да. Согласно ГОСТу.

А л е к с. Мне это не в кайф!

З и л о в. Тогда умирай во второй раз.

Алекс с интересом посмотрел на своего нового знакомого. «Уазик» во дворе хлопнул дверью и уехал.

А л е к с. Ты кто по профессии?

З и л о в *(пожимая плечами)*. Говорят, инженер-технолог…

А л е к с. А у нас бы был креативный менеджер!

…при свете настольной лампы Зилов писал объяснительную записку.

З и л о в. Напомни адрес, по которому проживаешь.

А л е к с. Улица Русаковская. Дом 31. Квартира 240.

З и л о в. Это я жене пишу. Она с ума сойдет, когда я пропаду. А так хоть будет знать, где меня искать…

Алекс подошел к Зилову и заглянул в глаза.

Алекс. Ты чего это удумал, умник? Я против коллективного самоубийства.

Зилов, не ответив, дописал записку до конца…

Мотоцикл «Урал» стоял на склоне речушки. Алекс сидел за рулем, нажимая на газ, но не трогаясь с места.

Алекс *(показывая на берег)*. Вот здесь лежал мой «Харлей»… Небось стащили и разобрали на винтики… Свой-то байк не жалко?

Зилов молчал. В деревне кричали петухи. Из прибрежных кустов вспорхнула от шума мотора какая-то птица.

Пролежнев полез в карман кожаной куртки и вынул оттуда стодолларовую купюру.

Алекс *(суя Зилову деньги)*. Купишь на это новый мотоцикл. Или два…

Зилов. Я еду с тобой.

Алекс. Даже и не думай. Одно дело покалечить самого себя. А другое – еще и друга обломать!

Но инженер не слушал. Он обхватил руками торс Алекса и впечатался всем телом в заднее сиденье «Урала».

Зилов. Трогай!

Алекс. Ты можешь многое потерять.

Зилов. …жену, которую не люблю, и невесту, которую презираю? Дурака-начальника и зарплату в 120 рублей? Это ты называешь многим?

Алекс. Паспорт хотя бы при тебе? Чтобы опознать тело?

Зилов похлопал себя по карману пиджака.

Алекс. Ладно, я тебя предупредил!

Он снял машину с тормоза и, сжав зубы, понесся навстречу собственной судьбе…

Через несколько секунд крутящиеся колеса в воздухе нарушили мирное течение подмосковной жизни…

«Урал» тяжело врезался в противоположный берег.

Алекс перелетел через руль. Увидал, приземлившись, что Зилов лежит на мелководье и громко стонет.

Двигатель мотоцикла заглох. Пролежнев вытащил из кармана айфон Apple. Связи по-прежнему не было.

Алекс w *(убито)*. Ни хрена… Голый Вася.

Зилов. Кажется, у меня сломана рука…

Алекс. А зачем она тебе? Чтобы баб щупать?

Зилов. Чтобы дать тебе в морду!

Алекс. Вот-вот… А я ведь тебя предупреждал!..

Он равнодушно наблюдал, как его друг, весь мокрый и несчастный, пытается выбраться на берег. Зилов был похож на гигантского рака. Пролежнев поднял мотоцикл и, поставив его на колеса, попробовал зажигание. Мотор неожиданно завелся.

Алекс. Советское – значит, отличное! *(Он сделал ручкой Зилову.)* Bye, bye, инженер-технолог!.. Схороните меня в элеваторе!

Взгромоздился за руль, отвел машину от берега. Включил полный газ.

Зилов увидел, как над его головой пролетела железная рама с сидящим на ней человеком… Перелетела, хлопнулась об берег… Наступила зловещая тишина.

З и л о в . Неужели еще жив?!

Алекс трясущимися руками снова вытащил свой Apple и поглядел на экран.

А л е к с . Не сложилось, не сбылось!..

З и л о в . Потому что ездить не умеешь! *(Подошел, хромая, к «Уралу»… Нажал на педаль стартера. И мотоцикл завелся… Опять!)* Неубиваемое чудовище… Теперь я поведу!

А л е к с . Меня-то прихвати!

На карачках, весь измазанный в глине, он добрался до заднего сиденья и обхватил руками торс Зилова.

З и л о в . Парад-алле! Туш!

«Урал» предсмертно взревел. Дернулся, полетел, как тяжелый шмель, с одного берега на другой…

Удар. Сырая земля. И тьма, тьма…

Шторы в гостиной были задернуты. Солнечный свет здесь считался чужим. У видеопроектора сидела голая девица с крашенными зеленкой волосами. В носу виднелось небольшое колечко. На стену с кирпичами, отделанными золотом, проецировались слайды – худая негритянка в бикини, прикованная железной цепью к стене. Она же прикованная цепью к полу. Потом черные груди крупным планом с сидящим на них скорпионом… Раздался скрежет замка. Девица, накинув на себя овечью шкуру, лениво вышла в коридор.

В квартиру проникли два бомжа. Мокрые, извалявшиеся в глине, они были похожи на мертвецов, которых только что выкопали из земли.

М а ш а . Какого хрена?

А л е к с . Восставшие из ада приветствуют тебя, woman!

М а ш а . А это что за dude?

Она имела в виду гостя.

А л е к с . Этот чувак – товарищ Зилов.

З и л о в *(протягивая руку)*. Виктор.

М а ш а *(снисходительно)*. Маша Грин.

А л е к с *(объясняя)*. Маша значит Маня. Настоящая фамилия – Минуткина. Но она не звучит. Вот Грин – другое дело.

М а ш а . Отвали! А что значит его фамилия?

Она задавала вопрос Алексу, не видя гостя в упор.

З и л о в *(объясняя)*. Завод имени Лихачева.

М а ш а . Вот и вали на свой завод!

А л е к с . Мы помоемся, и он отвалит.

М а ш а *(Зилову)*. Ты что, голубой?

З и л о в . Я – инженер.

М а ш а . Это одно и то же.

З и л о в . Я – обычный советский гражданин. Пол – мужской.

М а ш а . Вот именно. Ненавижу мужиков!

Алекс. А со мною живет!

Маша. Ты не мужик. Ты менеджер.

Алекс. А ты – зеленая трава. Знаешь, что с ней бывает? Придет корова и все сожрет!

Маша. Shit! Да пошли вы оба!

Алекс дернул за рукав Зилова, увлекая его в ванную.

Зилов *(Алексу)*. А чего она голая?

Алекс. У нас так принято. Она же Маша Грин… Неужели не ясно?

Пролежнев раздвинул портьеры, и у Зилова перехватило дыхание. Вся Москва лежала как на ладони. Высотки скребли небо, желтая дымка делала солнце неярким, на улице стояли в пробках потоки машин.

Алекс *(с гордостью, показывая город с высоты)*. Вот это – Москва-Сити… А этот зеленый островок – твои Сокольники. Дальше – ВДНХ…

Зилов. Обалдеть!.. Сколько же у тебя комнат?

Алекс *(с гордостью)*. Четыре. И два санузла.

Маша. Ты можешь закрыть окна? Мне ни черта не видно.

Она имела в виду проекцию слайдов на стене.

Алекс *(глядя на негритянку)*. Ничего себе… Кто заказал?

Маша. Elle. Для фронт-ковера.

Алекс. Моя жена – топовый фотограф. Elle… Это такой журнал.

Зилов. А «Огонек» у вас остался?

Алекс. А черт его знает!

Маша. Мужики… Хорош базлать! Вы мне мешаете работать!

Алекс. Всё. Уходим!.. У нас есть одежда для него?

Маша. Старый купальник.

Алекс. Только закрытый…

Он утянул гостя на кухню.

Ее просторы показались Зилову необъятными.

Зилов. Это сколько же квадратов? Всего?

Алекс. Точно не помню… Сто пятьдесят, что ли…

Он открыл холодильник. В морозильнике было ледяное безмолвие, на полках – нераспечатанный тюбик майонеза и початая баночка томатного соуса…

Зилов. И теперь у всех такие квартиры?

Алекс. Лишь у богатых.

Зилов. Значит, у тебя.

Алекс. Ты не врубился, дядя. Эта квартира не моя. Мы ее снимаем с Марусей за две с половиной тысячи баксов.

Зилов. А почему холодильник пустой?

Алекс. Потому что у нас принято хавать в кафе… *(Порывшись на полках, нашел английский чай в пакетиках. С искусственным энтузиазмом.)* Кипяток с чаем – живем, не скучаем!

Зилов. Что-то я не пойму… Сплю я, что ли?

Он сидел на табуретке в тесном женском халате, который не мог запахнуть. Даже волосатая грудь под халатом выглядела жалко.

Алекс. А я ведь тебя предупреждал… Тот свет – не этот! Куда хочешь пойти? Кино, выставки, ночные клубы?

Зилов. В магазин хочу. В продовольственный.

Алекс. Тут недалеко есть супермаркет. Только не покупай всякой дряни. *(Из металлической коробки из-под чая он вытащил пятитысячную купюру.)* Это – твои суточные. Одежду даст тебе Машка. А я на работу… Если меня еще не выгнали… До вечера! Чао! Bye, bye!..

Зилов вышел на улицу в коротких джинсовых шортах и в майке с надписью «Большой Лебовский». Поглядел на свой «Урал», что был прикован цепью к железной ограде у дома.

Ворота были закрыты. Зилов не увидел кнопки замка, с помощью которой открывалась калитка. Поэтому сделал по-простому – перемахнул ограду в два движения и оказался на улице.

…на него никто не обращал внимания. Все горожане спешили по своим делам и смотрели не вперед, а под ноги.

На тротуарах были припаркованы дорогие иномарки. Зилов поравнялся с «БМВ» модели Х6, обошел ее вокруг, любуясь диковинной формой. Провел пальцем по корпусу, стряхивая невидимые пылинки.

Сработала сигнализация. Из ресторана напротив выбежал хозяин в дорогом костюме. Зилов, делая вид, что он здесь ни при чем, пошел дальше быстрым шагом.

…его внимание привлек магазин «Интимный мир». Несмотря на день, вывеска его горела и переливалась электрическим светом. Витрины не было.

В дверь никто не входил.

Пересилив себя, Зилов ушел, так и не рискнув зайти под электрические своды.

…в супермаркете он почувствовал тоску ребенка, который отбился от родителей. От обилия ярких упаковок болели глаза. Какой-то скуластый работник восточного вида ставил на полки пакеты с кофе.

Зилов *(еле слышно)*. А где здесь колбаса?

Работник. Какая нужна?

Зилов. Вареная…

Работник неопределенно махнул рукой вдаль. Зилов пошел в указанном направлении и уперся в открытый холодильник.

Он присел на корточки, хватаясь за грудь, потому что защемило сердце. Колбасы было сортов тридцать или сорок…

Мимо ходили озабоченные люди, не замечая человека, сидевшего на корточках. У всех было слишком много дел.

В дверь позвонили. Алекс отпер, и в прихожую вкатилась тележка из супермаркета.

Позади нее стоял счастливый Зилов. Тележка доверху была набита целлофановыми пакетами с колбасой разных сортов и названий.

Зилов. От нашего стола вашему…

Алекс. Почему так много?

Зилов. Про запас.

Алекс. А тележку зачем увел?

Зилов. Я думал, так надо… Меня никто не останавливал.

Алекс. Я забыл тебе сказать… Мы не едим колбасу.

Зилов. Шутишь!

Алекс. Есть колбасу – дурной вкус…

Зилов *(мстительно)*. Поместить бы тебя в социализм!.. Ты бы не так запел!

Алекс. Да я не про то… Ешь сам. Только не обжирайся…

По Русаковской улице неслась машина «скорой помощи», мигая предупредительными огнями, крякая и гудя.

Водители неохотно уступали ей место не оттого, что были жестокосердны, а просто деваться было некуда: вечерний трафик, тесно, смрадно и возможности маневра почти исключены…

Светя тревожной надписью «Реанимация», «скорая помощь» въехала во двор высотного дома.

Тело Зилова санитары положили на носилки. Врач приставила к лицу кислородную маску.

Врач. Карточка медицинского страхования у него есть?

Алекс. Только паспорт… Он не из Москвы. То есть из Москвы, но не отсюда…

Врач. Страховку привезете в больницу. *(Санитарам.)* Взяли и понесли.

Алекс. Есть ли надежда?

Врач. Похоже на сильное отравление… Пульс слабый. Сделаем все возможное.

Алекс *(вкладывая в ее карман денежную купюру)*. Вы уж постарайтесь!

…яркий солнечный свет заливал больничный коридор. На длинной скамейке с синтетическим покрытием сидели Зилов и Алекс.

Зилов. …из какого мяса ее делают?

Он был бледен, скулы покрывала щетина.

Алекс. Не из какого. Добавки, усилители вкуса и прочая приблуда.

Зилов *(обреченно)*. Вы не выживете…

Алекс. Клопа танками не раздавишь. И потом, у нас есть безопасная колбаса. Только стоит она в два раза дороже.

Зилов. Безопасная колбаса… Это как безопасный секс? Так у вас говорят?

Алекс. Именно. Без удовольствия, но и без последствий. Никогда не бери дешевый товар. Как Владимир Ильич писал? Лучше меньше, да лучше.

Зилов. Спасибо.

Алекс. За что?

Зилов. За то, что навсегда отучил меня от колбасы... *(После паузы.)* А на Ленина посмотреть можно?

Алекс *(не понимая)*. Чего?

Зилов *(страстно)*. На Ильича? В мавзолее? Я что-то по нему сильно заскучал!

Алекс *(решительно)*. Только без меня.

Они возвращались после больницы к себе, на Русаковскую улицу. Проходя мимо магазина «Интимный мир», Зилов сбавил шаг.

Зилов. У меня просьба... Мне нужно побывать здесь...

Алекс. Ну и побывай.

Зилов. Одному мне совестно.

Алекс. Там ничего интересного нет. Одна резина и чулки.

Зилов. Тем более!

Алекс *(напоминая)*. Я уже взрослый.

Зилов. А я?

Алекс. Знаешь, мне нужно спешить на службу...

Зилов *(решившись)*. Я быстро!

Взобрался на крыльцо, открыл тяжелую дверь и скрылся в магазине.

Алекс закурил.

Через минуту «Интимный мир» затрясло. Из магазинчика послышались какой-то грохот и звук принципиальной борьбы.

На крыльцо выскочил Зилов. Майка на нем была порвана, из разбитого носа капала кровь.

Зилов. Подонок... Чем он торгует?!

Алекс. Ты чего наделал, отморозок?

Зилов. Да врезал как следует! Туда же могут дети прийти!

Алекс. Сейчас ментура подкатит! Сматываемся!

И они побежали со всех ног по улице.

Зилов. Нет... Ну ты видел?! Резиновых баб выставил, извращенец... И хочет, чтобы я их трахал!

Он был вне себя.

Алекс *(дипломатично)*. А ты не находишь, что это было бы гуманнее... По отношению к окружающим?

Зилов *(ошарашенно)*. Чего?

Алекс. А того... Резина твоей подлости не чувствует. Не то что живой человек.

Зилов *(с угрозой)*. Я сейчас все разнесу!

Алекс. А я тебя депортирую! Обратно в твой розовый социализм!

Он втолкнул Зилова в комнату и, прикрыв дверь, запер ее на ключ.

Зилов. Открой, сволочь!

И дорогая дубовая дверь сотряслась от тяжелых ударов ногами.

Маша. Может, дать ему еще колбасы? Чтобы успокоился.

Алекс *(размышляя)*. Интересно, можно ли поместить чувака в дурдом насильно?

Маша пожала плечами.

Маша. Если он у нас задержится, то помещать нужно будет тебя. Вместе со мной.

Специалист по тату открыл кожаный саквояж, вытащил оттуда металлические инструменты, похожие на орудия пыток. Разложил их на белоснежной простыне. Маша лежала перед ним, прикрытая легким одеялом. Голым был только ее круглый зад.

Алекс. …а Сталина изобразить можете?

Специалист. Я не работаю в стиле соц-арта. У меня только ар нуво…

Он был похож на престарелого мушкетера. Длинные седые волосы опускались на плечи, усы и бородка клинышком выдавали в нем истинного француза.

Специалист. Мой учитель из Калифорнии делал пирсинг самой Бритни Спирс. Она попросила сделать красную звезду.

Алекс. На каком месте?

Специалист. Этого я открыть не могу… Что это у вас стучат? Ремонт?

Он имел в виду шум из соседней комнаты, в которой был заперт Зилов.

Алекс. Репетиция «Палаты № 6». Инсценировка по мотивам Чехова.

Специалист по тату промокнул тампон специальным раствором и начал смазывать ягодицы Машки.

Алекс вышел в коридор и тихо приблизился к закрытой комнате.

Алекс. Товарищ Зилов… Вам нужна татуировка «серп и молот»?

Зилов *(из-за двери)*. Я домой хочу.

Алекс. Тебе осталось самое интересное. Сделаем, и убирайся на все четыре стороны!

Зилов. У меня вопрос… Ты на выборах голосуешь?

Алекс. Редко.

Зилов. А я всегда.

Алекс. У немого спрашивают: «Ты почему молчишь?» А он отвечает: «Голос отдал…» Это по поводу выборов.

Зилов. Ты – антигосударственное лицо.

Алекс. А ты – бытовой разложенец. Мы похожи.

Он возвратился в гостиную. Задумчиво поглядел на то, как работает татуировщик-мушкетер. Его инструмент выводил на ягодице Маши Минуткиной графическое изображение священного звука Оум.

Алекс. Как же вас угораздило вляпаться в такое дерьмо?

Специалист. В смысле?

Алекс. Ну… Одна задница, другая, третья… Ведь для этого нужно иметь железные нервы.

Специалист. Я художник. Для меня все это – кусок холста. А как вляпались вы?

Алекс. В смысле?

Специалист. Я использую вашу жену, а вы мне за это платите большие деньги.

Алекс. За удовольствие нужно платить. Я не вас имею в виду, а ее…

Он говорил про жену.

Маша. Я тебе, Пролежнев, не жена и плачу сама.

Алекс. Феминизм живет и побеждает!

Мушкетер кивнул. Промокнул тампоном выведенный знак и полюбовался им, придирчиво сощурив глаз.

Алекс лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок. Маша ерзала, переворачиваясь то на один, то на другой бок.

Алекс. Ты когда угомонишься?

Маша. Кажется, у меня аллергия.

Алекс. Татуировщик попался лютый.

Маша. Это не от него. Это от священного знака Оум. Похоже, мы с ним несовместимы…

Алекс. Как-то глупо все…

Маша. Приведи с улицы еще десяток бомжей. Будет еще глупее.

Алекс. Зилов не бомж. Я бы все тебе рассказал, если б ты спросила…

Маша. И не подумаю. У тебя своя жизнь, у меня – своя.

Алекс. Класс! На работе сразу заметили мое отсутствие. Но ты даже ягодицей не повела!

Маша. Я целые дни бегаю по журналам, продавая фотки. А ночью валюсь с ног… Ты что, не знаешь жизни фрилансера? У меня язык уже не ворочается!

Алекс. Кстати… Для кого ты сделала тату? Явно не для меня…

Маша Грин ничего не ответила.

Алекс *(пытая)*. Кто он? Мужчина или девчонка?

Маша. Get back!

Алекс. Знаешь… Роди мне кого-нибудь!.. И можешь молчать всю оставшуюся жизнь.

Маша дернулась и, вытеснив Пролежнева с кровати, сбросила его на пол.

Алекс. I have enough! С меня хватит!..

Сгреб подушку в охапку и пошел в комнату к Зилову. Отпер дверь… Зилов храпел ничком на диване.

Пролежнев, натыкаясь на мебель, лег на пол, на синтетический ковер и укрылся пледом.

Зилов. …выгнала?

Алекс. Сам ушел. Хочу тебе сказать… Я беру отпуск за свой счет, и мы мотаем в саванны. Как только сделаем тебе загранпаспорт… Ты когда-нибудь выезжал из страны?

Зилов. Естественно.

Алекс. И куда?

Зилов. В Болгарию…

Паспортистка *(изучая лежащий перед ней документ)*. Паспорт старого образца… Просрочен. Вы почему до сих пор его не поменяли?

Зилов в ужасе посмотрел на Алекса.

Алекс. Он был в геологической партии за Полярным кругом. Знаете, как живут народы Севера? Из чума в чум переезжают и ничего не понимают. *(Зилову.)* Ты что искал на Севере?

Зилов. Смысл жизни.

Алекс. А доказать можешь?

Зилов. Могу. Смысл жизни – в труде.

Паспортистка. Но прописка-то московская!

Алекс. А что… нужно обязательно терять прописку из-за того, что живешь в чуме? *(Зилову.)* Не холодно было?

Зилов. Я спал с собаками.

Алекс. У американцев это называется three dog's night – трехсобачья ночь. 18+…

Паспортистка. Придется платить штраф.

Алекс. Хоть два!

Аэропорт Шереметьево-2. У рамки с металлоискателем собрался озабоченный люд. Все спешили к самолетам, времени не хватало, поэтому любая задержка воспринималась трагически.

Работник внутренней службы. Следующий!

Под рамку вошел Зилов. Вид у него был растерянный, как у ребенка. Обернулся. Алекс, стоявший позади, показал ему большой палец, подбадривая… Раздался звонок, похожий на будильник.

Работник внутренней службы *(устало)*. Удалить из кармана все металлические предметы…

Зилов нашел в кармане брюк металлический рубль и положил на столик. Снова встал под рамку. На этот раз тревожный сигнал напомнил о школьной перемене.

Работник внутренней службы начал его обыскивать.

Работник внутренней службы. Крест носите?

Зилов. В душе.

Работник внутренней службы. Душа не звенит.

Зилов. А пустозвоны звенят!

Работник внутренней службы. Подождите здесь. До выяснения.

Алекс *(напоминая)*. Мы на самолет опаздываем!

Зилов. Брось меня и спасай отряд. Я не выживу.

Алекс. Раненых не бросают. Тем более в голову…

Он выложил на столик мобильный и два комплекта ключей – от дома и от машины. С легким сердцем вошел под планку… На этот раз звонок напомнил о втором пришествии.

Работник внутренней службы. Крест носите?

Алекс. По конституции разрешено.

Работник внутренней службы. Снимите.

Алекс. А я уже снял. Мне вылет важнее, чем конституция.

Возвратился к металлоискателю. Результат был тот же, как в часовой мастерской пополудни, когда одновременно бьют все исправные часы.

Работник внутренней службы *(очереди)*. Здесь закрыто! Технический перерыв!

Из очереди раздались проклятия и нервные всхлипы. Люди начали рассредоточиваться и искать другие лазейки.

Работник внутренней службы *(женщине в форме)*. Или металлоискатель гикнулся… Или эти двое – андроиды…

Он испытующе посмотрел на задержанных.

Алекс. Второе более вероятно…

За чисто вымытыми стеклами гудели реактивные моторы.

Зилов. Я забыл тебе сказать… Мне запрещено летать. Цыганка предсказала мне гибель в авиационной катастрофе.

Алекс. А мне предсказали, что я утону.

Зилов. Значит, ты спасешься при авиакатастрофе.

Алекс. А если самолет сядет на воду?

Им дали посадочные талоны, и они вошли в длинную кишку, ведущую на борт самолета.

Алекс пытался заснуть. Зилов сидел напряженный, вцепившись ему в запястье. За иллюминаторами была непроглядная ночь.

Зилов. По-моему, мы падаем!

Алекс *(сквозь дрему)*. Это «Боинг» так летает… Сверху вниз.

Зилов. Мы не пролетим мимо Африки?

Алекс *(сквозь дрему)*. Невозможно. Африку всегда легко узнать.

Зилов. Как?

Алекс. На рассвете. Если при восходе солнца лица остаются черными, значит, ты в Африке…

Кругом было много черных лиц. Солнце вставало из-за горизонта, но лица людей оставались черными. Это были зеваки. Они внимательно смотрели на то, как в вертолет Ми-6 садились трое – двое белых и один черный, который нес за белыми их поклажу: кожаные кофры с продовольствием и винтовками. Винт вертолета бешенно вращался, машина тряслась от предвкушения полета.

Зилов замешкался, рассматривая зевак.

Зилов *(восхищенно)*. Здесь женщины!

Алекс. Не советую. Африка – международный центр СПИДа.

Он потянул Зилова за рукав и почти насильно втолкнул его в вертолет.

Трап был убран, и красная надпись «Клим Ворошилов» на борту чудовища воспарила над головами аборигенов.

Машина ушла в желтое небо. Люди проводили ее с земли внимательно напряженными взглядами.

З и л о в . Ну и где бизоны?

Он сидел пристегнутым у открытого люка, горячий ветер бил в лицо и трепал волосы. Внизу была жидкая растительность и почва, лишенная влаги.

А л е к с *(у проводника по-английски)*. Где бизоны?

Проводник что-то ответил на непонятном языке.

П и л о т *(по-русски)*. Он не говорит по-английски.

З и л о в . Зря мы сели в этот вертолет.

А л е к с *(теряя терпение)*. Мы же на бизонов охотимся, а не на баб!.. *(Пилоту.)* Спроси у него, где бизоны.

Пилот задал вопрос на языке ошивамбо, и проводник ему ответил.

П и л о т . Он говорит, что бизонов здесь отродясь не было. Были африканские буйволы.

А л е к с . Да мне все равно. Любая корова для меня бизон.

П и л о т . Но и буйволов давно нет. Всех перестреляли.

З и л о в *(с интересом)*. А утки здесь есть?

А л е к с *(в сердцах)*. Только газетные.

Черный проводник, тревожно прислушиваясь к русской речи, опять что-то сказал на родном языке.

П и л о т *(по-русски)*. Он говорит, что ничего нет. Всех перебили белые туристы.

А л е к с *(печально)*. Это и называется – черный расизм. Сами все сожрали, а на нас сваливают!

Вертолет летел над безжизненной пустыней.

З и л о в . Я жрать хочу!

А л е к с *(услужливо)*. Может быть, колбаски? Из здешнего супермаркета?

З и л о в . Кто сказал, что при социализме дефицит? Это здесь, в Африке, дефицит! Даже уток нет!

А л е к с . Успокойся! *(Он открыл картонный ящик и вытащил оттуда бутылку пива «Вымпел».)* Пиво легкое, отличное. Наша последняя разработка. Налетай.

Он сорвал крышку и протянул бутылку пилоту.

П и л о т . Мне нельзя. Я за баранкой.

Проводник потянулся за пивом, но Пролежнев ударил его по рукам.

А л е к с . Пока дичи не будет, ничего не получишь, расист!

На это проводник показал на что-то пальцем. Алекс поглядел вниз. Под ними было стадо антилоп.

Предчувствуя возможную смерть, животные разбегались кто куда…

А л е к с *(истошно Зилову)*. Мочи!

З и л о в . Помешался? Стрелять в оленей?

А л е к с . Идиот! Это всего лишь ходячее барбекю! *(Пилоту.)* Ниже, ниже!.. *(Схватился за винтовку и сделал пару прицельных выстрелов. На третий Зилов толкнул его и сбил явное попадание в цель.)* Я тебя сейчас пристрелю!

З и л о в . Нельзя охотиться через оптический прицел!

Алекс. А на баб охотиться можно? Через оптический прицел?! *(Пилоту.)* Ниже, я тебе говорю!

Зилов. Я так развлекаться отказываюсь!

Он отстегнулся, бросил винтовку на пол и хотел пройти в глубь вертолета. В это время пилот завалил машину на правый бок, пытаясь снизиться, и Зилов выпал в открытый люк.

Алекс. Шандец! Человек за бортом!

Пилот. Без него легче!

Алекс. Ты что, охренел? Это мой друг из братской страны социализма!

Пилот. Из Вьетнама, что ли?

Животные к тому времени разбежались. Вертолет, сделав полукруг, тяжело сел, а точнее, шмякнулся на желтоватый грунт. С борта посыпались нераспечатанные бутылки пива «Вымпел». Вместе с ними из машины выкатился и Алекс.

Алекс *(истошно)*. Зилов!.. Зилов!

Тишина была ему ответом. Солнце заваливалось за горизонт, холодало.

Алекс *(с отчаянием)*. Зилов, черт тебя дери!

Где-то завыли шакалы.

Алекс *(почти плача)*. Вернись, я все прощу!

В это время черный проводник сказал что-то пилоту.

Пилот *(переводя)*. Он говорит, что теперь охота пойдет… Зилов был вольтом.

Алекс. Под напряжением, что ли?!

Пилот. Пристанищем злого духа. Потому животные и пугались. *(Поясняя.)* Вольт… Это культ вуду. Или вроде того…

Алекс. Переведи ему… Как только они извели белый расизм, так в Африке настал бардак. Ни бизонов, ни уток… Одни вольты.

Пилот. Чего переводить? Он понимает по-русски. Только дурака валяет…

Алекс *(удивленно)*. Как это?

Проводник *(улыбаясь, по-русски)*. Хорошо сказал… Хорошо!

Зубы его были огромными, белыми.

…Лучи двух карманных фонариков осветили ложе любви, а точнее, циновку на земляном полу. На ней возлежала роскошная негритянка двухметрового роста. Рядом с ней притулился маленький Зилов, уткнувшись носом в ее плечо. Оба спали со счастливыми детскими улыбками.

Алекс удовлетворенно кивнул проводнику. Растолкал спящего друга и бросил ему штаны.

Невеста проснулась и возбужденно заговорила о чем-то, жестикулируя.

Алекс. Он женат, девушка!

Зилов. Я вернусь… Я обязательно вернусь! Жди меня!

Алекс. Уходим!

Он насильно вытолкнул Зилова из хижины и защелкнул на его запястьях наручники. На всякий случай.

Залаяли собаки. Народ пробудился и вышел на улицу.

Оставленная негритянка плакала. При свете факелов крестьяне видели, как один белый человек тащит другого белого человека к открытому джипу.

Зилов *(садясь в машину)*. А счастье было так близко!..

Алекс. Близок локоток, да не укусишь!

Шофер включил зажигание, и джип на дикой скорости, прыгая, как антилопа, помчался по пыльной дороге.

Алекс. Ты молодец… Хоть и упал с вертолета, но честь страны не уронил.

Зилов *(страстно)*. Я хочу от нее детей!

Алекс. Маленьких черных Зиловых? *(Самому себе.)* Охота определенно удалась!

В магазине duty-free Алекс взвесил на руке леопардовую шкуру и вопросительно посмотрел на друга. Тот утвердительно кивнул.

Алекс *(продавцу)*. Пакуй.

Зилов. Только у нее глаза стеклянные. Могут не поверить.

Алекс. Скажу, что остекленели от горя. Леопарду ведь тоже жить хочется… правда?

Зилов. …а ведь ты не знаешь, как я люблю свою Гальку!

Алекс сидел в кресле с черной повязкой на глазах и пытался заснуть.

Зилов *(с любовью)*. Половиночка… Лялечка моя!

Алекс *(вяло)*. А чего же тогда спишь с кем попало?

Зилов. Неразделенная любовь требует выхода. Она же не верит в мои чувства, вот я и изменяю.

Алекс. Может, не надо изменять? Тогда бы жена и поверила… Ты не находишь?

Зилов пожал плечами и глубоко задумался.

Под крылом «Боинга» проплывали яркие огни мировых городов…

Они ввалились в московские апартаменты пыльные, загорелые и абсолютно счастливые. Бросили к ногам Маши, которая вышла в прихожую, леопардовую шкуру.

Алекс. Тебе. Рискуя жизнью… Саванна шутить не любит.

Машка с сомнением пощупала ворс, провела по нему пальцами…

Маша. Синтетика. Дерьмо.

Алекс. У леопардов так модно. В этом сезоне.

Маша *(загадочно)*. А у меня на кухне небольшой surprise…

Алекс. Полиция?

Маша. Хуже.

Алекс. Значит, сантехник!

Маша Грин не пояснила свою мысль. Зеленые глаза ее горели безумным торжеством. Она даже подтолкнула Зилова коленкою под зад, указывая ему направление движения.

Зилов вошел на кухню…

Зилов. Кранты!

За столом сидела… Галя! Его верная жена. Подруга жизни. Половиночка, лялечка и т.д.

Зилов с ужасом поглядел на Машу. Потом на Галю, потом – на Алекса.

Зилов. Ты чего… Откуда?!

Галя *(строго)*. Садитесь, Зилов!

Она пододвинула ему стул, и неверный муж сел на него, как на скамейку подсудимых.

Галя. Вы почему так себя ведете?!

Тон ее был решительным и даже агрессивным. В домашнем ситцевом платьице она выглядела уютно. По-домашнему пила чай из блюдца, закусывая дешевыми сушками. Ее красноватые пятки выпирали из тапочек, большой палец прорвал материю на носке, и было видно, что пальцы без педикюра.

Галя. Почему вы не несете им великую русскую культуру?

Она имела в виду хозяев квартиры.

Зилов *(опомнившись)*. Потому что надорвался. Устал нести.

Галя. Они из районной библиотеки выбрасывают Лескова! Великого писателя, мастера языка! Я проходила мимо и подобрала… Вот!

Она кивнула на стоящую в углу кухни стопку пыльных книг, перевязанных шпагатом.

Маша. Я же вам говорила, женщина… Им негде хранить Маринину и Донцову. Вот они и избавились от Лескова!

Галя. Не знаю я вашей Марининой!

Маша. И я не знаю. Но Маринину читают, а Лескова нет!

Галя. Я самосожжение совершу, если у вас не читают Лескова! *(Зилову.)* Ты будешь со мною в этот смертный час, Виктор?

Зилов. Буду. Спичку зажгу и поднесу…

Алекс. Я сейчас тронусь! Откуда она взялась?! *(Он был близок к помешательству. Вытянул из кухни жену в коридор. Шепотом.)* Столоверчение? Вызывание мертвых?

Маша. Ни хрена. Позвонила в дверь, я и открыла.

Алекс. С Лесковым?!

Маша. Ну да. Стоит, как сирота. В руках книги. Вид потерянный, жалкий…

Алекс. Ее нужно гнать отсюда поганой метлой! *(Взяв себя в руки, решительно возвратился на кухню.)* Вам здесь нельзя, товарищ учительница! Уходите, откуда пришли!..

Зилов *(начиная оправляться от шока)*. Не смей так разговаривать с моей женой!

Галя. Я уйду, но только с ним!

Она показала на супруга пальцем.

Маша. И с Лесковым.

Галя *(соглашаясь)*. И с этим… *(Она потрогала руками свой округлившийся живот.)* Уходим квартетом. Пора в социализм, Витя! Пора!

Алекс и Маша не спали. Они лежали на полу на поддельной леопардовой шкуре. Маша курила, стряхивая пепел в раскрытую пасть африканской кошки.

Алекс *(пораженный какой-то мыслью)*. Блин! Shit! *(Он сел на шкуре, уставившись в темноту.)* Деревня Хронки!.. На реке Малая Хронка... Три метра в ширину.

Маша. Ты про Африку?

Алекс. Я про загробную жизнь. Ударяешься головой о берег и попадаешь с того света на этот. Или наоборот.

Маша. А как она наш адрес нашла?

Алекс. В самом деле, как?

Он не смог ответить на этот вопрос.

Маша. А я сделала went out из Elle... Точнее, мне сделали.

Алекс *(с тревогой)*. И что теперь?

Маша. Теперь я буду писать книжки для детей. За это, говорят, платят...

Алекс. Напиши лучше, как Маня Минуткина превратилась в Машу Грин.

Маша. Не поймут.

Алекс. Зато это будет правда... *(После паузы.)* Знаешь, в чем наша ошибка?

Маша промолчала.

Алекс. В том, что за любой мусор мы требуем больших денег.

Маша. А если не требовать, то все мы превратимся в Галю Зилову.

Она затушила окурок о грудь Алекса.

Муж поднялся с синтетической шкуры и пошел на кухню.

На кухне сидел Зилов в черных трусах и майке. Он пил чай.

Алекс. Опять ты в этом совковом прикиде... Позор.

Зилов. В чем бы ни был, а все равно дурак.

Алекс *(с подозрением)*. Это ты про меня?

Зилов. Про всех нас. Галька зовет назад. Она на четвертом месяце.

Алекс. Уматывай.

Зилов. Мне как-то не по себе...

Алекс. Но ты же хотел! Тебе все здесь претит.

Зилов. Хотел, когда ты не пускал. А сейчас... мне жалко все это терять.

Алекс *(издеваясь)*. Секс-шопы, химическую колбасу...

Зилов. Если ее съесть немного, то ничего не заметишь.

На кухню вошла Галя. В ночнушке, близоруко щурясь, потому что не надела очки... Она была уютна и симпатична.

Галя. Опять ссоритесь, мальчики?

Зилов. Не ссоримся. Просто мы несчастны.

Галя *(взглянув на голого Алекса, который прикрыл причинное место салфеткой)*. Что это вы во всем белом?

Алекс. Прозрачная пижама. Из Китая.

Галя. Красиво живете... *(Подумав.)* Но все-таки у нас лучше.

Алекс. Не думаю. Один дефицит и Лесков.

Галя. Зато душевнее…

Алекс. Но он-то несчастлив!

И показал пальцем на Зилова.

Галя. А вы?

Алекс *(смиряясь)*. И я.

Галя. Просто вы оба никого не любите. И ни к чему не привязаны. Поэтому для вас что тот свет, что этот… Всё развалите. А потом будете плакать про то, что потеряли…

Алекс *(решив не спорить)*. Кино заканчивается. Вам нужно собираться домой!

При нежных сумерках, когда ночь нехотя уступает место радостному дню, из московского двора выехал «Фольксваген Туарег» с прикрепленным к нему прицепом. На прицепе покоился советский мотоцикл «Урал».

В салоне внедорожника сидели четверо – Алекс, Маша, Зилов и его законная жена Галя.

Алекс, зевая, вывел машину на широкий проспект и поехал в сторону области с явным превышением скорости.

Час был ранний, машин было немного, и их никто не останавливал.

Миновав мост, «Фольксваген Туарег» встал на берегу мелкой мутной речонки.

Алекс вместе с Зиловым стащили с прицепа мотоцикл.

Зилов начал терзать педаль ногой, пытаясь завести «Урал», но байк не подавал признаков жизни.

Речка по-утреннему дымилась, хоть и была маленькой.

Галя *(держа в руках тома Лескова, Маше)*. Вы зря с нами не хотите. У нас хорошо.

Маша. А что я буду делать… у вас?

Галя. Будете швеей в ателье или на швейной фабрике. А то медсестрой в больнице, если окончите фельдшерские курсы.

Маша *(уходя от ответа)*. Швея… Медсестра… Нужно подумать.

В это время «Урал» захрипел, завыл, как раненый зверь. Из глушителя вырвался адский пламень с дымом.

Алекс. Держи… На память. Вещь у вас бесполезная, но здесь престижная…

Он отдал Зилову айфон Apple.

Зилов. А как же ты?

Алекс. У меня таких три…

Галя *(уважительно)*. Красивая коробочка… Это мыльница такая?

Алекс. Она без мыла.

Галя. А нам даже нечего дарить… *(Она порылась в платье и вытащила оттуда маленький бумажный сверток величиной с детский кулачок.)* Не поминайте лихом… Прощайте!

Алекс. Царствие вам Небесное!

Зилов. И вам того же!

Вместе с Галей он сел на мотоцикл. Отъехал от берега, разогнал машину и помчался к речушке на дикой скорости. Галя держалась за его спину, пригнув голову.

Колеса мотоцикла оторвались от земли… Пролетев примерно до половины Малой Хронки, байк исчез в утреннем тумане.

Алекс некоторое время ждал продолжения, но ничего не услышал – ни падения тел в воду, ни стона и ругани людей.

Маша. Отмучились?

Пролежнев пожал плечами. Развернул бумажный сверточек. В нем лежала одинокая конфета «Мишка на Севере» московской фабрики «Красный Октябрь». Алекс распаковал ее, положил в рот и начал сосредоточенно жевать.

Маша. Ну и?..

Алекс *(нехотя)*. Шоколад настоящий… Зачем такое расточительство? Я бы не клал.

Он посмотрел на бумажку, в которую была завернута конфета. Узнал почерк Зилова…

Это была записка жене, которую оставил Виктор перед своим отъездом из социализма: «Ищи меня по адресу: улица Русаковская, дом 31, кв. 240».

Через несколько лет. Коттедж на Новой Риге

Дизайнер. …пол дубовый, тростниковый?

Маша. Нет.

Дизайнер. Пробковый?

Маша *(с ужасом)*. Чего?!

Дизайнер. Пробковое дерево. У нас растет лишь в Московском ботаническом саду…

Маша. Там и срубили?

Дизайнер *(сухо)*. Импорт.

Маша. Ее! Давайте пробку.

Алекс *(решительно)*. Она шутит! Есть у вас ламинат?

Дизайнер *(поскучнев)*. Это слишком просто…

Алекс. Его и давайте… Под вишню. С подогревом.

В гостиной были пока лишь потолок и стены. Дверной проем без самой двери вел на улицу. Там был теплый свет лета, бабочка капустница беззаботно кружилась в солнечных лучах.

Внезапно с подоконника раздалась мелодия из фильма «Москва слезам не верит» в исполнении Никитиных: «Александра, Александра, этот город наш с тобою…»

Это звонил айфон Пролежнева.

Алекс нажал на кнопку…

И чуть не свалился в обморок. Перед ним на экране было лицо Зилова!

Зилов *(в айфоне)*. Лёха, Лёха?!

Алекс. Нечистый, изыди!

Зилов. Лёха! Лёха!

Алекс. Я!.. Это я! Витя… ты где?!

Зилов. У себя. В прошлом. Где ж мне еще быть?

Алекс. А как ты догадался? Как освоил аппарат?

Зилов *(с гордостью)*. Я все же инженер-технолог… А твой номер был вбит в память.

Алекс. Ну как там у вас?! Рассказывай!

Он увидел, как к Зилову подошла Галя и обняла мужа за плечи.

Галя. Теперь у нас все замечательно!..

Зилов. Галька родила… Мальчишка. Назвали Лёхой. В честь тебя.

Алекс. Только не отправляйте Лёху на «Электрокабель»!

Галя. Он будет ученый-гуманитарий.

Алекс. Это еще хуже.

Маша *(с подозрением)*. Вы к нам не собираетесь?

Она стояла за спиной Пролежнева в ожидании самого худшего.

Зилов. Пока нет времени. У нас теперь очень интересно.

Галя *(воркуя)*. У нас теперь ускорение, демократизация и гласность.

Алекс *(ошарашенно)*. Чего?!

Зилов *(поясняя)*. Человеческий фактор. «Прожектор перестройки»… Слыхал про такую передачу?

Алекс. Вы тронулись! Какой, к черту, человеческий фактор?! Какой прожектор?!

Зилов. Ты что… Против демократизации?

Алекс *(решительно)*. Против! Вы не выживете.

Зилов. У нас выбирают делегатов на Съезд Советов. Я…

Здесь изображение вздохнуло, исказилось, как в кривом зеркале… И захлопнулось навсегда.

Алекс *(со стоном)*. У них аккумулятор издох! *(Он потыкал кнопки своего айфона, но аппарат не отреагировал и связь с Зиловыми потерял… Кажется, навсегда.)* Ребятам крышка!

Маша. И черт с ними!

Алекс. Ты чего?! Это мои лучшие друзья!.. Они же как дети… Чего они будут делать в новой жизни? *(Он начал суетиться, дергаться… Энергия, питаемая худшими подозрениями, распирала Пролежнева изнутри.)* Их обманут! Разведут, как лохов… Их надо предупредить!

Маша. О чем?

Алекс. О том, чтоб не совались… И притушили бы этот прожектор… пока он не притушил их!

Спотыкаясь и чиркая кроссовками о бетон, выбежал на улицу.

Дизайнер *(недовольно)*. Так что насчет пола?.. Ламинат или пробка?

Маша *(размышляя)*. А гроб у вас есть? Пробковый?

Дизайнер. Сделаем. Но зачем?

Маша. Я, кажется, сегодня стану вдовой…

Автоматическая дверь гаража поползла вверх открываясь. Из гаража на дикой скорости выскочил новенький «Харлей Дэвидсон». За рулем сидел Алекс.

Мотоцикл встал дыбом, как бешеный конь. Свалился с заднего колеса на переднее. Алекс вжался в сиденье, пригнув голову к рулю. Помчался, как торнадо, по коттеджному поселку и выкатил на шоссе…

…врубил музыку. Из одной колонки несся Led Zeppelin, из другой пела Надежда Бабкина.

Словно всадник из Апокалипсиса, Пролежнев мчался вперед, и легковые машины рассыпались перед ними, подобно бильярдным шарам…

Впереди был мост. Рядом с ним виднелась знакомая табличка «р. Малая Хронка».

Алекс не стал репетировать свой переход из одного пространства в другое, потому что очень спешил. Тем более что в новом мотоцикле он был вполне уверен.

Дал полный газ.

Скакнул с одного берега на другой…

Байк до берега не дотянул. Только чиркнул колесом о глину и провалился вниз.

Никакого перехода в иной мир Пролежнев не почувствовал.

А услышал другое – как хрустнули шейные позвонки… Не чужие, собственные.

Это ощущение было новым. Но, к сожалению, не нашлось времени, чтобы его осмыслить и посмаковать…

У берега Малой Хронки стояли полицейский «уазик» и машина «скорой помощи». Толпа зевак у предупредительной ленты глазела на то, что происходит внизу.

Двое санитаров положили на носилки тело без головы. Укрыли его кожаной курткой с надписью «Dead to ride. Ride to dead».

Голову погибшего пристроили сбоку и накрыли рукавом куртки.

Инспектор ГИБДД *(безнадежно)*. Ну что за народ? Ни чужой жизни не жалко, ни собственной!

Врач-реаниматор. А мотоцикл-то хороший!

Инспектор ГИБДД. Бьются только на хороших. На советском бы остался цел…

Врач хотел что-то возразить, но промолчал.

Тело Алекса запихнули в машину «скорой помощи». Медбрат случайно взглянул на лицо покойного, которое существовало отдельно от тела.

Оно улыбалось. ◆

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ИСКУССТВО КИНО» ЗА 2014 ГОД

Цифрами обозначен номер журнала

ЗДЕСЬ И ТЕПЕРЬ

Алексей Герман. «Трудно быть богом» 1

«В Советском Союзе не было белых трамваев». В конференции «Смелость формы и форма смелости» (Рим-2013) принимают участие **Алексей Берелович, Антон Долин, Нина Зархи, Светлана Кармалита, Юрий Клименко, Антон Молчанов, Марко Мюллер, Андрей Плахов, Иван Стругацкий, Алена Шумакова, Леонид Ярмольник.** Модераторы дискуссии **Андрей Плахов, Алена Шумакова**

Долин Антон. Зеркало без героя

Зархи Нина — Кармалита Светлана: «Он ушел и никогда не вернулся»

Итальянская пресса о фильме «Трудно быть богом»

Стишова Елена. Быть богом

Щербакова Вера. Рим. Ноябрь 2013. «Трудно быть богом»

Архитектура как концептуальное выражение времени 10

Ревзин Григорий: «Мы – вместо вечности». (*Беседу ведет Даниил Дондурей.*)

Господдержка российского кино 2

Сельянов Сергей: «Зритель жестче государства». (*Беседу ведет Виктор Матизен.*)

Канн-2014 7

Дондурей Даниил — Карахан Лев — Плахов Андрей. «Красная книга» кинематографа

«Кинотавр»-2014 8

Актуальное кино. Личные версии. «Круглый стол» «ИК». В дискуссии принимают участие **Ситора Алиева, Олег Березин, Даниил Дондурей, Нина Зархи, Виктор Матизен, Алексей Мизгирев, Александр Роднянский, Борис Хлебников, Жоэль Шапрон.** Модератор **Даниил Дондурей**

Гудкова Анна. Зона комфорта

Медиа и гражданское общество 5

Здесь всё нельзя. Заседание Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека на тему «Права человека в контексте законодательного регулирования Интернета в России». В дискуссии принимают участие **Иван Засурский, Александр Рыклин, Астамур Тедеев, Михаил Федотов, Владимир Харитонов, Павел Чиков, Илья Шаблинский**

Эрлих Сергей. Число зверя

О механизмах господдержки кинематографии 3

Некрасова Елена. Zakupki.ru

Симбирская Елизавета. И волки не сыты, и овцы не целы

Холдсуорт Ник. Финансовый удар: раунд второй

Россия и европейские ценности 6

Дондурей Даниил — Магун Владимир. Россия – не Европа?

СМИ 4

Дондурей Даниил. ТВ: без анализа

Медиа гражданского общества: что происходит? Материалы заседания СПЧ РФ «Медиа гражданского общества: трудности становления». В дискуссии принимают участие **Дмитрий Гудков, Павел Гусев, Иван Засурский, Михаил Зыгарь, Станислав Кучер, Этери Левиева, Дмитрий Муратов, Леонид Никитинский, Ирина Петровская, Владимир Познер, Александр Пономарев, Николай Сванидзе, Наталья Синдеева, Андрей Туманов, Наталья Черкесова, Максим Шевченко**

Фестивальное движение: новые времена 11

Белопольская Виктория. Кризис влияния. (*Беседу ведет Елена Некрасова.*)

Медведев Алексей. Фестиваль. От «А» до «Я». (*Беседу ведет Никита Карцев.*)

Некрасова Елена. Ампутация – путь к выздоровлению

ИМЕНА

ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВ 5

Григорьев Евгений. Проблемы роста. (*Беседу ведет Андрей Апостолов.*)

АНДРЕ ДЕЛЬВО 5
Закревская Анна. Магический реализм. Версия Андре Дельво

СПАЙК ДЖОНЗ 3
Джонз Спайк: «Успех фильма зависит от интонации»

ЖИЛЬ ЖАКОБ 7
Жакоб Жиль — Лескюр Пьер. Часть магии
Нисселсон Лиза. «Месье Жакоб, вы никогда не уйдете из кино»

АНДРЕЙ ЗВЯГИНЦЕВ 8
Звягинцев Андрей: «Что за жизнь...» (*Беседу ведет Виктор Матизен.*)

ОТАР ИОСЕЛИАНИ 2
Абдуллаева Зара. Мимолетности

АБДЕЛАТИФ КЕШИШ 10
Кешиш Абделатиф: «Боюсь, что не получится...» (*Мастер-класс в Санкт-Петербурге.*)

ЖОРА КРЫЖОВНИКОВ 4
Крыжовников Жора: «Им смешно, а мне нет». (*Беседу ведет Даниил Дондурей.*)

НАТАЛЬЯ МЕЩАНИНОВА 9
Мещанинова Наталья: «Кино надо отпускать, как дочерей замуж». (*Беседу ведет Никита Карцев.*)

ЛЮБОВЬ МУЛЬМЕНКО 9
Мульменко Любовь: «Хороший док врать не будет». (*Беседу ведет Никита Карцев.*)

КИРА МУРАТОВА 12
Кира Муратова. К радости. О выдающемся мастере **Вадим Абдрашитов, Николай Досталь, Андрей Звягинцев, Александр Зельдович, Виталий Манский, Анна Меликян, Владимир Мирзоев, Алексей Попогребский, Светлана Проскурина, Али Хамраев, Николай Хомерики**

ГЛЕБ ПАНФИЛОВ 9
Стишова Елена. Глеб Панфилов. Скрытое

ЖАН ПЕНЛЕВЕ 1
Фоменко Андрей. Конвульсивная красота иного

КОРНЕЛИУ ПОРУМБОЮ 4
Порумбою Корнелиу: «Мне нравится растягивать моменты сомнений». (*Беседу ведет Маркус Ротe.*)

КСЕНИЯ СОБЧАК 2
Архангельский Андрей. Собчак всерьез

МАЙЯ ТУРОВСКАЯ 11
Туровская. Blow up. О выдающемся мастере **Зара Абдуллаева, Юрий Богомолов, Антон Долин, Андрей Плахов, Анатолий Смелянский, Елена Стишова, Нина Цыркун**

ВЕРА ХИТИЛОВА 6
Занин Арсений. Кино между стиркой и грехопадением

АЛЬФРЕД ХИЧКОК 10
Барр Чарлз. Неизвестный Хичкок

ХО ЮХАН 5
Анашкин Сергей. Пряный рис

КОММЕНТАРИИ

Андреева Ольга. Смешно и грустно 5
Андреева Ольга. Я молчу 1
Архангельский Андрей. Вне политики – тоже политика 4
Архангельский Андрей. Спасение рядового 9
Десятерик Дмитрий. Необратимость 6
Мизгирев Алексей: «Я могу говорить». (*Интервью ведут Даниил Дондурей и Нина Зархи.*) 8
Мирзоев Владимир. Потерянный рай архаики 5
Новоженова Александра, Гуськов Сергей. Невыносимая невозможность провала 10
Рубцов Александр. Новая архаика 6

КРУПНЫЙ ПЛАН

«ДА И ДА», *режиссер Валерия Гай Германика* ... 9
Да и нет не говорите. «Круглый стол» «ИК». В дискуссии принимают участие **Даниил Дондурей, Нина Зархи, Вадим Рутковский, Игорь Савельев, Александр Тимофеевский**
Колотаев Владимир. Правильная сказка для взрослых девочек
Спутницкая Нина. Последняя сказка Саши

«ДВА ДНЯ, ОДНА НОЧЬ», *режиссеры Жан-Пьер Дарденн, Люк Дарденн* 7
Зинцов Олег. Фильм сопротивления
Смирнова Вика. Трагедия как прием

«ДУРАК», *режиссер Юрий Быков* 8
Абдуллаева Зара. Нестилистические разногласия
Быков Юрий: «Мы снимали про заложников»
Сукманов Игорь. Власть тьмы

«ЛЕВИАФАН», *режиссер Андрей Звягинцев* ... 7
Долин Антон. Три кита
Стишова Елена. Декалог от Андрея Звягинцева

«НИМФОМАНКА. ЧАСТЬ I» (*Nymphomaniac: Vol. I*), «НИМФОМАНКА. ЧАСТЬ II» (*Nymphomaniac: Vol. II*), *режиссер Ларс фон Триер* 3
Абдуллаева Зара. В поисках времени
Актеры о фильме «Нимфоманка»: Шарлотта Генсбур, Шайа Лабаф, Стейси Мартин, Стеллан Скарсгорд
Вест Луиза: «Я заставляю фильм говорить за себя». (*Беседу ведет Мартин Кудлак.*)
Десятерик Дмитрий. Девушка и пушка
Смирнова Вика. Против интерпретации

«ОТТЕПЕЛЬ», *режиссер Валерий Тодоровский* ... 2
Соколов Никита. Редукция историзма
Стишова Елена. Пойманный свет
Тарханова Катерина. «Махайте на меня, махайте»
Цыркун Нина. Tomorrow never knows
Щербакова Ирина. Врет, как очевидец

MEDIA

Богословская Кира. Вечные сюжеты и массовая аудитория 11
Бородина Арина. «Спасение Украины» 4
Быстрицкий Андрей. Сериалы готовят интернет-народ 11
Венжер Наталья. Приключения киноконтента на ТВ 11
Дондурей Даниил. ТВ форматирует жизнь. (*Беседу ведет Вера Зверева.*) 10
Дулерайн Александр: «Люди – всё те же». (*Беседу ведет Даниил Дондурей.*) 11
Полузхтова Ирина. Телепросмотр еще жив 4
Третьяков Виталий. Что такое телевидение? Версия ответа 4
Фоменко Андрей. Wild East – Wild Medium 5
Юрьева Елена. «Страхование – страшная сила» 10

ОПЫТ

Аронофски Даррен: «Мы знаем, что потоп грядет» 4
Бобылева Анастасия. Вещий сон 12
Бондаренко Олеся. Инвентаризация безвыходных ситуаций 12
Гиндилис Евгений: «Не обязательно снимать кино». (*Беседу ведет Виктор Матизен.*) 3
Декегель Оливье. Похвала круглым идиотам. (*Беседу ведет Евгений Майзель.*) 10
Делюд-Дикс Элизабет. «Флаэрти» – краткая история документалистики. *(Интервью ведут Анжелика Артюх и Денис Соловьев-Фридман.)* 1
Джейлан Нури Бильге: «Я опираюсь на интуицию». (*Беседу ведет Марина Торопыгина.*) 7
Добрыгин Григорий: «Поняли только дети и критики». (*Беседу ведут Даниил Дондурей и Нина Зархи.*) 8
Зайдль Ульрих: «Не демократическое искусство». *(Мастер-класс режиссера в Москве ведет Зара Абдуллаева.)* 6
Казючиц Максим. «Человек – это открытый проект» 9
Клейман Наум: «Кино – это варварское искусство». (*Беседу ведет Никита Карцев.*) 11
Кудрявцев Антон. День, когда я не знал, что уволюсь 12
Кузьминых Анна. «Отчего ты стоишь вдали?» 12
Лоуч Кен: «Нужно освобождать дух и воображение» 7
Лунгин Павел: «Мы снова ждем прибытия поезда». *(Беседу ведет Тамара Иванова.)* 1
Мамулия Дмитрий, Бакурадзе Бакур. «У нас лучшая школа в мире». (*Беседу ведет Виктор Матизен.*) 6
Матвиенко Кристина. Новые драматурги для «новой драмы» 12
Напреенко Глеб. Улики иной жизни 10
Прийдак Анна. Как стать режиссером 6
Прийдак Анна. Стать сценаристом в Европе 12
Реджио Годфри: «В моих фильмах нет идеологии». (*Беседу ведет Сергей Сычев.*) 9
Реджио Годфри: «Пробудить первобытное начало». (*Мастер-класс в Москве.*) 9

Рорвахер Аличе: «Я обожаю пчел». (*Беседу ведет Марина Торопыгина.*) 7
Рязанцева Наталья. Коты тоже плачут. 12
Сайфуллаева Нигина: «Мне интереснее чувства». (*Интервью ведут Даниил Дондурей и Нина Зархи.*) 8
Слабошпицкий Мирослав: «Конечно, долбанутый...» (*Беседу ведет Никита Карцев.*) 7
Стернберг Адам. Сценаристы и сценарии 12
Тумашова Мария. Хочу рассказать вам историю 12
Учитель Алексей: «Нет единого рецепта». (*Беседу ведет Антон Широких.*) 3
Шумарин Аркадий. Бритиш гренадир 12

ПУБЛИКАЦИИ

Голованивская Мария. Васса и Кир 4
Долгопят Елена. Старухи 5
Зинцов Олег. Три фотографии 12
Злобин Алексей. Герман – человек божий 1–2
Рапай Екатерина. О Параджанове 2
Шульман Сол. Таня 10

РАЗБОРЫ

Актуальное кино: пределы допустимого. «Круглый стол» журнала «Искусство кино» и фестиваля «Артдокфест». В дискуссии принимают участие **Симона Бауман, Виктория Белопольская, Светлана Быченко, Даниил Дондурей, Нина Зархи, Виталий Манский, Марина Разбежкина, Кирилл Разлогов, Филип Ремунда.** Модераторы дискуссии **Даниил Дондурей, Нина Зархи** 1
Березин Олег. Где, как и когда угодно 8
Богомолов Юрий. «Ностальгия вперед» уже невозможна 9
Долин Антон. Камера из мрамора 6
Долин Антон. Нулевая гравитация 11
Дондурей Даниил — Березин Олег. Продать можно только событие 2
Круглова Татьяна — Литовская Мария. Конформизм. Добровольно или принудительно? (*Беседу ведет Лилия Немченко.*) 8
Майзель Евгений. Поиски неизвестного ... 10
Матвиенко Кристина. «Новая драма»: победа без триумфа 3
Стишова Елена. Карловарские горизонты 10
Тарханова Катерина. Скука – новая идеология Голливуда 4
Ткаченко Инна. Женщины, которые пришли с холода 5
Цыркун Сергей. Абырвалг 4
Шепотинник Петр. Переэкзаменовка 10

РЕЦПЕРТУАР

Абдуллаева Зара. В людях 1
Абдуллаева Зара. Пленники 10
Абдуллаева Зара. Победителей нет 3
Абдуллаева Зара. Смертельный номер 8
Абдуллаева Зара. Странники 10
Анастасьев Алексей. Бремя черных 2
Анашкин Сергей. Маршрут бесприютных 11
Анашкин Сергей. Осколки эпоса 9
Андерссон Рой: «В последний раз я плакал сорок лет назад». (*Беседу ведет Петр Шепотинник.*) 10
Артемьева Ольга. Весь этот джаз 5
Артюх Анжелика. Ковбой из среднего класса 3
Бобылев Илья. Глубина резкости 1
Бобылев Илья. Кардиограмма 9
Брюггеманн Дитрих, Брюггеманн Анна: «Это фильм не о вере, а о фанатизме». (*Беседу ведет Марина Торопыгина.*) 3
Васильева Жанна. Роман воспитания 3
Гусятинский Евгений. Земля 7
Гусятинский Евгений. Их молодость 10
Десятерик Дмитрий. Выбор 9
Десятерик Дмитрий. Начало языка 7
Долин Антон. Конечная остановка 3
Долин Антон. Крым наш 8
Долин Антон. Свобода слова 10
Дроздова Марина. Уэльф, которому все обрыдло 3
Зинцов Олег. Персонаж потерял автора 9
Казючиц Максим. Норма жизни – игра 11
Коршунов Всеволод. Искренне ваше настоящее 7
Кузьмина Лидия. Володин в тренде 8
Кузьмина Лидия. Эксперимент номер два ... 11
Левринг Кристиан: «Не вижу смысла снимать артхаусный вестерн». (*Беседу ведет Владимир Лященко.*) 11
Любович Максим. Глубины родства 9
Лященко Владимир. Датчанин на Диком Западе 11
Майзель Евгений. На танцполе игры доброй воли 7
Майзель Евгений. Пролетарии всех стран, определяйтесь 4

Майзель Евгений. Рождение мысли из духа патафизики 2
Майзель Евгений. Ценность бесчувствия 6
Малюкова Лариса. Американская трагедия ... 7
Малюкова Лариса. Карнавальная ночь 3
Новоженова Александра. Евроизнанка: кино берлинской школы 9
Плахов Андрей. Голубиная почта 10
Плахов Андрей. Однажды не в Америке 7
Плахов Андрей. Умирать не страшно 3
Плахова Елена. Голод не мамка 10
Плахова Елена. Социопат и мама дорогая 7
Рутковский Вадим. Агрокультура 10
Савельев Игорь. Красота – страшная сила 9
Сиривля Наталья. Отголоски 4
Сиривля Наталья. Шура и ее братья 1
Смирнова Вика. «Артдокфест»-2013: горизонтальное кино 1
Спутницкая Нина. Блеф 2
Спутницкая Нина. Леди исчезает 5
Стишова Елена. Военно-полевой роман 3
Стишова Елена. Меланхолия. Русская версия 8
Стишова Елена. Побочные аффекты 4
Стишова Елена. Этнический акцент 6
Сукманов Игорь. 1882–2014. Сновидческая одиссея 7
Сычев Сергей. Ангелы в аду 8
Тарханова Катерина. Возвращение вперед .. 5
Тарханова Катерина. Дело полковника 5
Тарханова Катерина. Как развлечься и не спалиться 4
Тарханова Катерина. Кто куда, а дети – в Припять 11
Тарханова Катерина. Невольный город Гамбург 9
Тарханова Катерина. Нервов не хватает 11
Тарханова Катерина. Саша с Уралмаша 6
Теракопян Мария. Обманчив покой безмолвный сердца 9
Ткаченко Инна. Холмс – это сексуально 2
Тыркин Стас. Long cuts 10
Хлесткина Дарья: «В создании лимузина важны эмоции». (*Беседу ведет Евгений Майзель.*) 1
Цыркун Нина. В жанровой упаковке 3
Цыркун Нина. Глокая куздра 8
Цыркун Нина. И достойно потерять невинность 11
Цыркун Нина. Один Адам или два 6
Цыркун Нина. Поймай меня, если сможешь 2
Цыркун Нина. Праведник с черными крыльями 4

ФЕСТИВАЛИ

ВЕНЕЦИЯ-2014 10
Абдуллаева Зара. Пленники
Абдуллаева Зара. Странники
Андерссон Рой: «В последний раз я плакал сорок лет назад». (*Беседу ведет Петр Шепотинник.*)
Гусятинский Евгений. Их молодость
Долин Антон. Свобода слова
Плахов Андрей. Голубиная почта
Плахова Елена. Голод не мамка
Рутковский Вадим. Агрокультура
Тыркин Стас. Long cuts

БЕРЛИН-2014 3
Абдуллаева Зара. В поисках времени
Абдуллаева Зара. Победителей нет
Актеры о фильме «Нимфоманка»: Шарлотта Генсбур, Шайа Лабаф, Стейси Мартин, Стеллан Скарсгорд
Артюх Анжелика. Ковбой из среднего класса
Брюггеманн Дитрих, Брюггеманн Анна: «Это фильм не о вере, а о фанатизме». (*Беседу ведет Марина Торопыгина.*)
Васильева Жанна. Роман воспитания
Вест Луиза: «Я заставляю фильм говорить за себя». (*Беседу ведет Мартин Кудлак.*)
Десятерик Дмитрий. Девушка и пушка
Долин Антон. Конечная остановка
Дроздова Марина. Уэльф, которому все обрыдло
Малюкова Лариса. Карнавальная ночь
Плахов Андрей. Умирать не страшно
Смирнова Вика. Против интерпретации
Стишова Елена. Военно-полевой роман
Цыркун Нина. В жанровой упаковке

ВЫБОРГ-2014 9
Богомолов Юрий. «Ностальгия вперед» уже невозможна

КАНН-2014 7
Гусятинский Евгений. Земля
Десятерик Дмитрий. Начало языка
Джейлан Нури Бильге: «Я опираюсь на интуицию». (*Беседу ведет Марина Торопыгина.*)
Долин Антон. Три кита
Дондурей Даниил — Карахан Лев — Плахов Андрей. «Красная книга» кинематографа

Жакоб Жиль — Лескюр Пьер. Часть магии
Зинцов Олег. Фильм сопротивления
Коршунов Всеволод. Искренне ваше настоящее
Лоуч Кен: «Нужно освобождать дух и воображение»
Майзель Евгений. На танцполе игры доброй воли
Малюкова Лариса. Американская трагедия
Нисселсон Лиза. «Месье Жакоб, вы никогда не уйдете из кино»
Плахов Андрей. Однажды не в Америке
Плахова Елена. Социопат и мама дорогая
Рорвахер Аличе: «Я обожаю пчел». (*Беседу ведет Марина Торопыгина.*)
Слабошпицкий Мирослав: «Конечно, долбанутый...» (*Беседу ведет Никита Карцев.*)
Смирнова Вика. Трагедия как прием
Стишова Елена. Декалог от Андрея Звягинцева
Сукманов Игорь. 1882–2014. Сновидческая одиссея

КАРЛОВЫ ВАРЫ–2014 10
Стишова Елена. Карловарские горизонты

ЛОКАРНО-2014 10
Шепотинник Петр. Переэкзаменовка

МОНРЕАЛЬ-2014, *международный кинофестиваль* 9
Анашкин Сергей. Осколки эпоса

МОСКВА-2013, *международный кинофестиваль «Артдокфест»* 1
Абдуллаева Зара. В людях
Актуальное кино: пределы допустимого. «Круглый стол» журнала «Искусство кино» и фестиваля «Артдокфест». В дискуссии принимают участие **Симона Бауман, Виктория Белопольская, Светлана Быченко, Даниил Дондурей, Нина Зархи, Виталий Манский, Марина Разбежкина, Кирилл Разлогов, Филип Ремунда.** Модераторы дискуссии **Даниил Дондурей, Нина Зархи**
Бобылев Илья. Глубина резкости
Лунгин Павел: «Мы снова ждем прибытия поезда». *(Беседу ведет Тамара Иванова.)*
Сиривля Наталья. Шура и ее братья
Смирнова Вика. «Артдокфест»-2013: горизонтальное кино
Хлесткина Дарья: «В создании лимузина важны эмоции». (*Беседу ведет Евгений Майзель.*)

МОСКВА-2014, *Московский международный кинофестиваль* 9
Бобылев Илья. Кардиограмма
Да и нет не говорите. «Круглый стол» «ИК». В дискуссии принимают участие **Даниил Дондурей, Нина Зархи, Вадим Рутковский, Игорь Савельев, Александр Тимофеевский**
Десятерик Дмитрий. Выбор
Казючиц Максим. «Человек – это открытый проект»
Колотаев Владимир. Правильная сказка для взрослых девочек
Любович Максим. Глубины родства
Новоженова Александра. Евроизнанка: кино берлинской школы
Реджио Годфри: «В моих фильмах нет идеологии». (*Беседу ведет Сергей Сычев.*)
Реджио Годфри: «Пробудить первобытное начало». (*Мастер-класс на ММКФ.*)
Савельев Игорь. Красота – страшная сила
Спутницкая Нина. Последняя сказка Саши
Тарханова Катерина. Невольный город Гамбург
Теракопян Мария. Обманчив покой безмолвный сердца

ОМСК-2014, *национальный кинофестиваль дебютов «Движение»* 6
Майзель Евгений. Ценность бесчувствия

РИМ-2013 1
«В Советском Союзе не было белых трамваев». В конференции «Смелость формы и форма смелости» принимают участие **Алексей Берелович, Антон Долин, Нина Зархи, Светлана Кармалита, Юрий Клименко, Антон Молчанов, Марко Мюллер, Иван Стругацкий, Леонид Ярмольник.** Модераторы дискуссии **Андрей Плахов, Алена Шумакова**
Долин Антон. Зеркало без героя
Зархи Нина — Кармалита Светлана: «Он ушел и никогда не вернулся»
Итальянская пресса о фильме «Трудно быть богом»
Стишова Елена. Быть богом
Щербакова Вера. Рим. Ноябрь 2013. «Трудно быть богом»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ-2014, *международный кинофестиваль «Послание к человеку»* 10
Декегель Оливье. Похвала круглым идиотам. (*Беседу ведет Евгений Майзель.*)
Кешиш Абделатиф: «Боюсь, что не получится...» (*Мастер-класс.*)
Напреенко Глеб. Улики иной жизни

СОЧИ-2014, *Открытый Российский кинофестиваль «Кинотавр»* 8
Абдуллаева Зара. Нестилистические разногласия
Абдуллаева Зара. Смертельный номер
Актуальное кино. Личные версии. «Круглый стол» «ИК». В дискуссии принимают участие **Ситора Алиева, Олег Березин, Даниил Дондурей, Нина Зархи, Виктор Матизен, Алексей Мизгирев, Александр Роднянский, Борис Хлебников, Жоэль Шапрон.** Модератор **Даниил Дондурей**
Быков Юрий: «Мы снимали про заложников». (*Пресс-конференция.*)
Гудкова Анна. Зона комфорта
Добрыгин Григорий: «Поняли только дети и критики». (*Беседу ведут Даниил Дондурей и Нина Зархи.*)
Долин Антон. Крым наш
Звягинцев Андрей: «Что за жизнь...» (*Беседу ведет Виктор Матизен.*)
Кузьмина Лидия. Володин в тренде
Мизгирев Алексей: «Я могу говорить». (*Интервью ведут Даниил Дондурей и Нина Зархи.*)
Сайфуллаева Нигина: «Мне интереснее чувства». (*Интервью ведут Даниил Дондурей и Нина Зархи.*)
Стишова Елена. Меланхолия. Русская версия
Сукманов Игорь. Власть тьмы
Сычев Сергей. Ангелы в аду
Цыркун Нина. Глокая куздра

ХАНТЫ-МАНСИЙСК-2014, *международный кинофестиваль дебютов «Дух огня»* 4
Майзель Евгений. Пролетарии всех стран, определяйтесь

ЧЕБОКСАРЫ-2014, *Чебоксарский международный кинофестиваль* 6
Стишова Елена. Этнический акцент

ЮЖНО-САХАЛИНСК-2014 10
Майзель Евгений. Поиски неизвестного

ЧТЕНИЕ

Арабов Юрий. Монах и бес 1
Арабов Юрий. Охота на бизонов в Северной Африке 12
Валуцкий Владимир. Грибной год 6
Долгопят Елена. Свойство времени 8
Ершов Александр, Богатырева Татьяна. Вышка .. 9
Зелинская Мария. Шавка 4
Некрасова Евгения. Смерти нет, или Меня зовут Алексей Монахов 11
Новицкий Станислав. Гуд дэй, Америка! (*Конкурс «Личное дело».*) 2–3
Серышев Владимир. Без выходных. (*Конкурс «Личное дело.*) 6–7
Строкан Ольга. Один и одна 5

ФИЛЬМЫ И ТЕЛЕПРОГРАММЫ, О КОТОРЫХ ПИСАЛИ В «ИСКУССТВЕ КИНО» В 2014 ГОДУ

«12 лет рабства» (*12 Years a Slave*) (Алексей Анастасьев ..... 2 Катерина Тарханова) 4
«71-й» (*'71*) (Нина Цыркун) 3
«99 домов» (*99 Homes*) (Вадим Рутковский) 10
«2001: Космическая одиссея» (*2001: A Space Odyssey*) (Антон Долин) .. 11
«Августовский ветер» (*Ventos de Agosto*) (Петр Шепотинник) 10
«Адаптация» (*Adaptation*) (Спайк Джонз) ... 3
«Априори» (*Mula sa kung ano ang noon*) (Петр Шепотинник) 10
«Афера по-американски» (*American Hustle*) (Нина Спутницкая) 2
«Без кожи» (Евгений Майзель) 6
«Бель» (*Belle*) (Анна Закревская) 5
«Белые ночи на пирсе» (*Nuits blanches sur la jetée*) (Петр Шепотинник) 10
«Белые ночи почтальона Алексея Тряпицына» (Андрей Плахов) 10
«Белый бог» (*Fehér Isten*) (рубрика «Здесь и теперь») 7
«Белый день» (Евгений Майзель) 6
«Бёрдмен» (*Birdman*) (Стас Тыркин) 10
«Бесы», *режиссер Роман Шаляпин* (Юрий Богомолов) 9
«Бирмингемский орнамент–2» (Евгений Майзель) 2
«Больница Никербокер» (*The Knick*) (Катерина Тарханова) 11

«Больныесукалюди-2» (Вика Смирнова) ... 1
«Валландер» (*Wallander*), *ТВ*
(Инна Ткаченко) 5
«Валентина» (Елена Стишова) 9
«В ауте» (Евгений Майзель) 6
«Васса» (Елена Стишова) 9
«Верпаскунген» (Григорий Добрыгин –
Даниил Дондурей – Нина Зархи) 8
«Вечер, поезд» (*Un soir, un train*)
(Анна Закревская) 5
«В огне брода нет» (Елена Стишова) 9
«Возвращение в А» (Катерина Тарханова) ... 5
«Возвращение на Итаку» (*Retour à Ithaque*)
(Антон Долин) 10
«Волк с Уолл-стрит» (*The Wolf of Wall Street*)
(Нина Цыркун) 2
«Вор-карманник» (*Xiao Wu*) (Антон Долин) 6
«В подвале» (*Im Keller*) (Зара Абдуллаева) .. 10
«В поле зрения» (**«Подозреваемые»**,
Person of Interest), *ТВ*
(Андрей Быстрицкий) 11
«В порядке исчезновения» (*Kraftidioten*)
(Нина Цыркун) 3
«Враг» (*Enemy*) (Нина Цыркун) 6
«Вторая игра» (*Al doilea joc*)
(Зара Абдуллаева) 3
«Выпрямительный вздох»
(Евгений Майзель) 6
«Выход рабочих с фабрики» (*Arbeiter*
verlassen die Fabrik) (Глеб Напреенко) ... 10
«Голодные сердца» (*Hungry Hearts*)
(Елена Плахова) 10
«Голубь сидел на ветке, размышляя о жизни»
(*En duva satt på en gren och funderade*
på tillvaron) (Зара Абдуллаева 10
Рой Андерссон – Петр Шепотинник) 10
«Горький мед» (Елена Стишова) 6
«Горько!» (Жора Крыжовников –
Даниил Дондурей) 4
«Горько-2» (Лидия Кузьмина) 11
«Гравитация» (*Gravity*) (Катерина
Тарханова) 4
«Гражданское состояние»
(Зара Абдуллаева) 1
«Даже если она виновна...» (*Eût-elle été*
criminelle...) (Глеб Напреенко) 10
«Да и да» (Андрей Архангельский 9
рубрика «Здесь и теперь» 9
Владимир Колотаев 9
Нина Спутницкая) 9
«Два выстрела» (*Dos disparos*)
(Петр Шепотинник) 10
«Два дня, одна ночь» (*Deux jours, une nuit*)
(рубрика «Здесь и теперь» 7
Олег Зинцов 7
Вика Смирнова) 7
«Джанго освобожденный» (*Django*
Unchained) (Алексей Анастасьев 2
Катерина Тарханова) 4
«Джек» (*Jack*) (Нина Цыркун) 3
«Джек Стронг» (*Jack Strong*)
(Катерина Тарханова) 5
«Долгая счастливая жизнь»
(рубрика «Здесь и теперь») 7
«До свидания, мальчики!»
(Юрий Богомолов) 9
«До свидания, мама» (Андрей Звягинцев –
Виктор Матизен) 8
«Дурак» (Зара Абдуллаева 8
Андрей Архангельский 9
Юрий Быков 8
Андрей Звягинцев – Виктор Матизен .. 8
Игорь Сукманов 8
Петр Шепотинник) 10
«Елена» (Андрей Звягинцев –
Виктор Матизен) 8
«Есть кто-нибудь дома?» (*Anybody Home?*)
(Сергей Анашкин) 5
«Еще один год» (Андрей Звягинцев –
Виктор Матизен 8
Лидия Кузьмина 8
Наталья Мещанинова – Никита Карцев) ... 9
«Еще чуток, мрази!» (Вика Смирнова) 1
«Жасмин» (*Blue Jasmine*)
(Катерина Тарханова) 4
«Жил певчий дрозд» (Зара Абдуллаева) 2
«Зал Джимми» (*Jimmy's Hall*) (Кен Лоуч 7
Евгений Майзель) 7
«Звезда», *режиссер Анна Меликян*
(Зара Абдуллаева..... 8
Андрей Звягинцев – Виктор Матизен 8
Евгений Майзель) 10
«Звездная карта» (*Maps to the Stars*)
(рубрика «Здесь и теперь») 7
«Зимний путь» (Наталья Сиривля) 4
«Зимняя сказка пролетариата»
(*Ein proletarisches Wintermärchen*)
(Евгений Майзель) 4
«Зимняя спячка» (*Kis uykusu*) (Нури Бильге
Джейлан – Марина Торопыгина 7
рубрика «Здесь и теперь» 7
Андрей Плахов) 7
«Игра в яблоко» («Ставка – яблоко»,
Hra o jablko) (Арсений Занин) 6
«Игра престолов» (*Game of Thrones*)
(Максим Казючиц) 11
«Изгнанные из рая» (*Vyhnání z ráje*)
(Арсений Занин) 6

«Интерстеллар» (*Interstellar*) (Антон Долин) 11
«Искупление» (*Redemption*) (Глеб Напреенко) 10
«Испытание» (рубрика «Здесь и теперь» ... 8 Елена Стишова) 8
«Исчезнувшая» (*Gone Girl*) (Олег Зинцов) .. 9
«Как меня зовут» (Антон Долин ..... 8 Нигина Сайфуллаева – Даниил Дондурей – Нина Зархи) 8
«Канава» (*Jiabiangou*) (Антон Долин) 6
«Капитализм на Поперечной улице» (*Kapitālisms Šķērsielā*) (Елена Стишова) .. 4
«Кардиополитика» (Илья Бобылев ..... 9 Дмитрий Десятерик) 9
«К западу от железной дороги» (*Tiexi qu*) (Антон Долин) 6
«Класс коррекции» (Андрей Архангельский ... 9 Андрей Звягинцев – Виктор Матизен .. 8 Евгений Майзель ..... 10 Елена Стишова ..... 10 Сергей Сычев) 8
«Когда в Бухаресте наступает вечер, или Метаболизм» (*Când se lasa seara peste Bucuresti sau metabolism*) (Корнелиу Порумбою – Маркус Роте) 4
«Комбинат «Надежда» (Андрей Архангельский ..... 9 Наталья Мещанинова – Никита Карцев ... 9 Любовь Мульменко – Никита Карцев .. 9 Нина Цыркун) 8
«Корабль Тесея» (*Ship of Theseus*) (Евгений Майзель) 10
«Кояанискаци» (*Koyaanisqatsi*) (Максим Казючиц) 9
«Крестный путь» (*Kreuzweg*) (Дитрих Брюггеманн, Анна Брюггеманн – Марина Торопыгина ..... 3 Антон Долин) 3
«Кровь» (Зара Абдуллаева) 1
«Круглый мир» (*Rond est le monde*) (Оливье Декегель – Евгений Майзель) 10
«Кукурузный остров» (*Simindis kundzuli*) (Елена Стишова) 10
«Левиафан» (Антон Долин ..... 7 Андрей Звягинцев – Виктор Матизен .. 8 рубрика «Здесь и теперь» ..... 7 Елена Стишова) 7
«Листопад» (Зара Абдуллаева) 2
«Лошадь Динейру» (*Cavalo Dinheiro*) (Петр Шепотинник) 10
«Любить, пить и петь» (*Aimer, boire et chanter*) (Андрей Плахов ..... 3 Нина Цыркун) 3
«Люди-птицы» (*Bird People*) (рубрика «Здесь и теперь») 7
«Мама, война и я» (*Meine Mutter, Ein Krieg und Ich*) (Елена Стишова) 3
«Мамочка» (*Mommy*) (рубрика «Здесь и теперь» ..... 7 Елена Плахова) 7
«Маргаритки» (*Sedmikrasky*) (Арсений Занин) 6
«Марсель» (*Marseille*) (Александра Новоженова) 9
«Массаж вслепую» (*Tui na*) (Нина Цыркун) 3
«Между мирами» (*Zwischen Welten*) (Нина Цыркун) 3
«Метаморфозы» (Вика Смирнова) 1
«Мин» (*Min*) (Сергей Анашкин) 5
«Мистер Тёрнер» (**«Уильям Тёрнер»**, *Mr. Turner*) (рубрика «Здесь и теперь») 7
«Мир» (*Shijie*) (Антон Долин) 6
«Мой личный лось» (Нина Цыркун) 3
«Мой мужчина» (*Watashi no otoko*) (Мария Теракопян) 9
«Мокрые псы» (*Tai yang yue*) (Сергей Анашкин) 5
«Монах» (*The Monk*) (Евгений Майзель) ... 10
«Морфология» (Вика Смирнова) 1
«Мост» (*The Bridge*), *ТВ* (Инна Ткаченко) 5
«Мост» (*Bron/Broen*), *ТВ* (Инна Ткаченко) .. 5
«Мудрость» (*La Sapienza*) (Петр Шепотинник) 10
«Мы едим плоды райских деревьев» (*Ovoce stromu rajskych jime*) (Арсений Занин) 6
«На дне», *режиссер Владимир Котт* (Юрий Богомолов) 9
«Накойкаци» (*Naqoyqatsi*) (Максим Казючиц) 9
«Натюрморт» (*Sanxia haoren*) (Антон Долин) 6
«Начало» (Елена Стишова) 9
«Наш запах» (*The Smell of Us*) (Евгений Гусятинский) 10
«Нигде в Моравии» (*Díra u Hanusovic*) (Елена Стишова) 10
«Нимфоманка. Часть I» (*Nymphomaniac: Vol. I*), **«Нимфоманка. Часть II»** (*Nymphomaniac: Vol. II*) (Зара Абдуллаева ..... 3 Актеры о фильме: Шарлотта Генсбур, Шайа Лабаф, Стейси Мартин, Стеллан Скарсгорд ..... 3 Луиза Вест ..... 3 Дмитрий Десятерик ..... 3 Вика Смирнова ..... 3 Нина Цыркун) 3

«Ничья земля» (*Wu ren qu*) (Анжелика Артюх) 3
«Ной» (*Noah*) (Даррен Аронофски 4
Нина Цыркун) 4
«Ночной поезд» (*Ye che*) (Антон Долин) 6
«Она» (*Her*) (Спайк Джонз) 3
«Оптическая ось» (Илья Бобылев) 1
«Останки» (*Remains*) (Глеб Напреенко) ... 10
«Отель «Гранд Будапешт» (*The Grand Budapest Hotel*) (Нина Цыркун) 3
«Открытый вердикт» (*Open Verdict*) (Сергей Анашкин) 5
«От прыща к нирване» (*Phee poh sadue pood lae siw khong Nuk Nik*) (Евгений Майзель) 10
«Отрочество» (*Boyhood*) (Жанна Васильева ... 3
Нина Цыркун) 3
«Оттепель», *ТВ* (Никита Соколов 2
Елена Стишова 2
Катерина Тарханова 2
Нина Цыркун 2
Ирина Щербакова) 2
«Охотник на лис» (*Foxcatcher*) (Лариса Малюкова) 7
«Охотники за сокровищами» (*The Monuments Men*) (Катерина Тарханова) 4
«Пастораль» (Зара Абдуллаева) 2
«Пацаны», *режиссер Ренат Давлетьяров* (Юрий Богомолов) 9
«Пациенты» (Юрий Богомолов) 9
«Переезд» (*Көч*) (Сергей Анашкин) 11
«Песни с севера» (*Songs from the North*) (Петр Шепотинник) 10
«Песни со второго этажа» (*Sånger från andra våningen*) (Зара Абдуллаева) 10
«Печаль» *(La tirisia)*(Елена Стишова) 10
«Платформа» (*Zhantai*) (Антон Долин) 6
«Племя» (Дмитрий Десятерик 7
Мирослав Слабошпицкий – Никита Карцев 7
Елена Стишова) 10
«Пленница» (*The Captive*) (рубрика «Здесь и теперь») 7
«Поваккаци» (*Powaqqatsi*) (Максим Казючиц) 9
«Поверх границ» (*No One Is Illegal*) (Сергей Анашкин) 5
«Под маской жиголо» (*Fading Gigolo*) (Ольга Артемьева) 5
«Подснежники» (Елена Стишова) 6
«Поиск» (*The Search*) (рубрика «Здесь и теперь») 7
«Пока безумие не разлучит нас» (*Feng ai*) (Антон Долин) 6
«Пока не настало утро» (*Sham moh*) (Сергей Анашкин) 5
«Полицейский, прилагательное» (*Politist, adjectiv*) (Корнелиу Порумбою – Маркус Роте) 4
«Посетители» (*Visitors*) (Годфри Реджио – Сергей Сычев 9
Максим Казючиц) 9
«Последний лимузин» (Дарья Хлесткина – Евгений Майзель) 1
«Потери неизбежны» (*Mit Verlust ist zu rechnen*) (Ульрих Зайдль) 6
«Похищение Мишеля Уэльбека» (*L'enlèvement de Michel Houellebecq*) (Марина Дроздова) 3
«Правительство» (*Borgen*), *ТВ* (Инна Ткаченко) 5
«Прибежище» (*Mu/Sanctuary*) (Сергей Анашкин) 5
«Прикосновение греха» (*Tian zhu ding*) (Антон Долин) 6
«Прошу слова» (Елена Стишова) 9
«Прощай, речь 3D» (*Adieu au langage*) (рубрика «Здесь и теперь» 7
Всеволод Коршунов) 7
«Прощеный день» (Наталья Сиривля 1
Вика Смирнова) 1
«Путинские игры» (рубрика «Разборы» 1
Вика Смирнова) 1
«Рай: Вера» (*Paradies: Glaube*) (Ульрих Зайдль – Зара Абдуллаева) 6
«Рай: Любовь» (*Paradies: Liebe*) (Ульрих Зайдль) 6
«Ровер» (*The Rover*) (рубрика «Здесь и теперь») 7
«Родина» (*Homeland*), *ТВ* (Андрей Быстрицкий 11
рубрика «Здесь и теперь») 8
«Романовы: Венценосная семья» (Елена Стишова) 9
«Русалка» (Зара Абдуллаева) 8
«Русские гонки» (Евгений Майзель) 6
«Сады осенью» (*Jardins en automne*) (Зара Абдуллаева) 2
«Самый опасный человек» (*A Most Wanted Man*) (Катерина Тарханова) 9
«Свидание в Брэ» *(Rendez-vous à Bray)* (Анна Закревская) 5
«Свидетельство» (*Evidence*) (Максим Казючиц) 9
«Свободное падение» (*Szabadesés*) (Елена Стишова) 10
«Сладкая жизнь», *режиссер Андрей Джунковский* (Катерина Тарханова) 6

«Слепые свидания» (Евгений Майзель) ... 10
«Собственники» («Хозяева», *Укиле Камшат*)
(Евгений Майзель 10
Игорь Савельев) 9
«Собчак живьем», *ТВ*
(Андрей Архангельский) 2
«Соль земли» (*The Salt of the Earth*)
(Максим Любович) 9
«Спасение» (*The Salvation* (Кристиан
Левринг – Владимир Лященко 11
Владимир Лященко) 11
«Степные игры» (*Талын наадан*)
(Сергей Анашкин) 9
«Сын», *режиссер Арсений Гончуков*
(Юрий Богомолов) 9
«Сырая нефть» (*Caiyou riji*) (Антон Долин) ... 6
«Сэмэнчик» (Елена Стишова) 6
«Тема» (Елена Стишова) 9
«Три сестры» (*San zimei*) (Антон Долин) 6
«Труба» (Вика Смирнова) 1
«Трудно быть богом» (Антон Долин 1
рубрика «Здесь и теперь» 1
Елена Стишова) 1
«Туннель» (*The Tunnel*), *ТВ* (Инна Ткаченко) ... 5
«Убийство» («Преступление», *Forbrydelsen*), *ТВ*
(Инна Ткаченко) 5
«Униформа» (*Zhifu*) (Антон Долин) 6
«Утро понедельника» (Зара Абдуллаева) ... 2
«Фиделио, одиссея Алис» (*Fidelio, l'odyssée d'Alice*) (Петр Шепотинник) 10
«Филомена» (*Philomena*) (Катерина
Тарханова) 4
«Форс-мажор» (*Turist*) (рубрика «Здесь
и теперь») 7
«Фэнмин, китайские воспоминания»
(*He Fengming*) (Антон Долин) 6
«Хауха» / «Земля блаженства» (*Jauja*)
(Игорь Сукманов) 7
«Хозяева» («Собственники», *Укиле Камшат*)
(Евгений Майзель 10
Игорь Савельев) 9
**«Хотел бы я знать» («Легенды города
над морем»,** *Hai shang chuan qi*)
(Антон Долин) 6
«Человек без имени» (*Wu ming zhe*)
(Антон Долин) 6
«Человек, который коротко стригся»
(*De man die zijn haar kort liet knippen*)
(Анна Закревская) 5
«Чернобыль. Зона отчуждения», *ТВ*
(Катерина Тарханова) 11
«Черный уголь, тонкий лед» (*Bai ri yan huo*)
(Антон Долин 6
Лариса Малюкова 3
Нина Цыркун) 3
«Чудеса» (*Le meraviglie*)
(Евгений Гусятинский 7
рубрика «Здесь и теперь» 7
Аличе Рорвахер – Марина Торопыгина ... 7
Елена Стишова) 10
«Шелк» (*Silk*), *ТВ*
(Нина Спутницкая) 5
«Шерлок» (*Sherlock*), *ТВ*
(Инна Ткаченко) 2
«Школа», *ТВ* (Наталья Мещанинова –
Никита Карцев) 9
«Элементарно» (*Elementary*), *ТВ*
(Андрей Быстрицкий) 11
«Я забуду этот день» (Зара Абдуллаева) 1
«Ярость» (*Fury*) (Нина Цыркун) 11
«Я твой» (*Je suis à toi*) (Елена Стишова) 10
Anima Mundi (Максим Казючиц) 9
Coming Attractions (Глеб Напреенко) 10
Film ist (Глеб Напреенко) 10
High Tech Low Life (рубрика «Разборы») 1
Patricia's Park (Максим Казючиц) 9

SUMMARY

Kira Muratova. To joy
Vadim Abdrashitov, Nikolai Dostal', Andrei Zvyagintsev, Alexander Zel'dovich, Vitaly Mansky, Anna Melikian, Vladimir Mirzoyev, Alexei Popogrebsky, Svetlana Proskurina, Ali Khamraev, Nikolai Khomeriki

Natalya Ryazantseva
Cats also cry

Anastasia Bobylyova
Prophetic dream

Anna Kuzminykh
"Why are you standing far off?"

Arkady Shumarin
British grenadier

Oleg Zintsov
Three photos

Kristina Matvienko
New screenwriters for "new drama"

Maria Tumashova
I'd like to tell you a story

Olesya Bondarenko
Stock-taking of binds

Anton Kudryavtsev
The day, when I didn't know that would resign

Anna Priydak
To become a screenwriter in Europe

Adam Sternbergh
14 Screenwriters Writing

Yury Arabov
Buffalo hunting in the Northern Africa

Index of the IK contents-2014

№12 (*декабрь*) 2014 12

ИСКУССТВО КИНО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ С ЯНВАРЯ 1931 ГОДА
Издатель: Некоммерческое партнерство
«Редакция журнала «Искусство кино»

главный редактор Даниил Дондурей
заместитель главного редактора Нина Зархи
исполнительный директор Елена Левченко
ответственный секретарь Лариса Калгатина
редакторы Елена Стишова, Нина Цыркун
обозреватель Зара Абдуллаева
специальный корреспондент Лев Карахан
верстка Галина Зайцева
фоторедактор Елена Плоткина
корректоры Евгений Аввакумов, Татьяна Фирсова
секретарь редакции Анна Закревская

автор макета Сергей Андриевич

шеф-редактор сайта kinoart.ru Евгений Майзель

АДРЕС РЕДАКЦИИ
119002, Москва, ул. Арбат, 35, офис 341
Телефон *(499)* 248 28 22
Факс *(499)* 241 08 52
e-mail: filmart@yandex.ru
www.kinoart.ru

Сдано в набор 24.12.14. Подп. к печати 14.01.15
Формат бумаги 70X100 1/16. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Charter. Печать офсетная
Печ. л. 11,75

Заказ 16313
ПО «Периодика», Москва, Денисовский пер., 30

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати
и информации РФ № 01632 от 7.10.92

ИСКУССТВО КИНО распространяется во всех
странах СНГ. Подписаться на журнал можно во всех отделениях
связи по каталогам агентства «Роспечать»:
СНГ – с. 138, РФ – с. 237, Москва – с. 256
Индекс 70402

Our address:
Arbat street, 35, 119002, Moscow, Russia
Tel. *(499)* 248 28 22
Fax *(499)* 241 08 52

© Журнал «Искусство кино», 2014

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
Министерства культуры РФ

Первого канала
Телеканала ТНТ
Телеканала РЕН
Компании «СТС Медиа»
Телеканала «Петербург – 5 канал»
Телеканала «Пятница»
Телеканала ТВ-3

научный совет журнала:
З.Абдуллаева, **к.иск.**
Ю.Богомолов, **к.иск.**
А.Голубовский, **к.иск.**
И.Гращенкова, **д.иск.**
Л.Гудков, **д.филос.н.**
Д.Дондурей, **к.филос.н.** *(председатель совета)*
Н.Дымшиц, **к.иск.**
В.Зверева, **к.ист.н.**
А.Качкаева, **к.филол.н.**
С.Медведев, **к.ист.н.**
С.Муратов, **д.филол.н.**
А.Плахов, **к.иск.**
И.Полуэхтова, **д.соц.н.**
О.Рейзен, **д.иск.**
И.Рубанова, **к.иск.**
М.Тераколян, **к.иск.**
М.Туровская, **д.иск.**
Н.Цыркун, **к.филос.н.**
А.Шатских, **д.иск.**
М.Швыдкой, **д.иск.**
С.Экштут, **д.ист.н.**

16+

ISSN 0130-6405